Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 12

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ. АЛЕКСАНДР ГРИЧ 3

ПРОЗА

Анар БАДАЛБЕЙЛИ. **Помолвка.** *Рассказ* 43
Магдалина ГРОСС. *Рассказы* 61
Ляман БАГИРОВА. *Эссе* 84
Э.Г.ГАУЗЕР. **Удачная неудача.** *Рассказ* 97
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. *Новеллы* 118
ЛАЧИН. **Сочинение стихов и прозы, или плавание и бег** 127

ПОЭЗИЯ

Борис ОЗЁРНЫЙ. *Азербайджанские мотивы* 23
НУРАНГИЗ ГЮН. *Стихи* 55
Дмитрий ДАДАШИДЗЕ. *Стихи* 80

ПУБЛИЦИСТИКА

Ирина ОЗЁРНАЯ. **Сона ханум – это я** 31
Вагиф ЮСИФЛИ. **Солнце азербайджанской поэзии** 56
Марат ШАФИЕВ. **«Нет, он прежний, мой жизненный почерк»** 82
Александр ХАКИМОВ. **Анаконда для Энцелада** 108

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА 128

СОДЕРЖАНИЕ. 2023 год 130

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США) Тофик Меликли, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 22.11. 2023 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

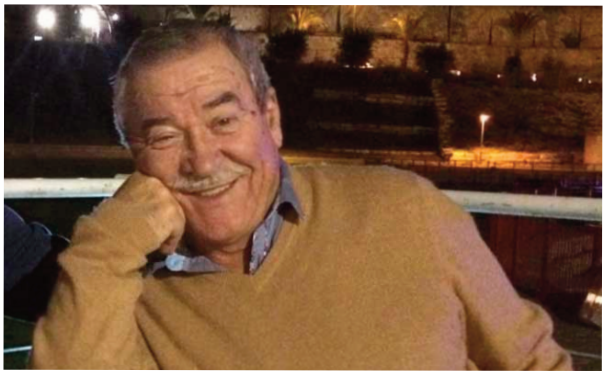
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2023г.

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ

АЛЕКСАНДР ГРИЧ
1944-2023



В старом фильме «Не горюй»
Жизнью смешанные краски –
Свадьбы, похороны, пляски
И дуэль, и поцелуй.
Кровь – ручьем, вино – рекой,
И лохмотья, и наряды...
Будто жизнь окинул взглядом:
Я ее не знал такой.
После кое-что постиг,
А тогда был глуп и молод.
Но доныне помню холод –
Уходил седой старик
От веселия – в провал,
В черноту – и нет возврата...
Ох, как это было снято!
Понял, хоть не понимал,
Хоть не знал, что суждено
Оказаться у предела.
...Рядом женщина сидела,
Это было так давно.
Шел веселый фильм тогда,
Кажется, в начале лета...
Той, сидевшей рядом, нету.
И не будет никогда.
Не оглянешься назад –
Больно все. Но почему-то
Тянет в тихие минуты
В тот вечерний темный зал.
Там звучанье винных струй,
И загадочное пенье,
И девиз, предощущенье,
Назиданье – не горюй!

Прощайте, поэт, прощайте…

Думаю, у каждого из нас в жизни есть человек, который в итоге определил всю его судьбу; был сначала учителем, затем близким другом, и жизненные принципы которого в итоге стали и твоими принципами. Для меня таким человеком стал Александр Грич, он же Александр Романович Гуревич – замечательный поэт, переводчик, журналист; человек, являвшийся самим воплощением настоящего интеллигента в давнем, сегодня уже почти забытом смысле этого слова.

Наше знакомство состоялось вскоре после первой публикации подборки моих стихов в газете «Молодежь Азербайджана». Стихи неожиданно оказались плохими. То есть пока они были записаны в тетрадке, я искренне считал, что они гениальны, но вот когда появились на газетном листе, размноженные в десятках тысячах экземпляров, вдруг стало ясно, что они никуда не годятся. Тем не менее, все вокруг меня хвалили, незнакомые девочки, услышав мою фамилию, с придыханием спрашивали: «Вы – Петр Люкимсон?..», и это, что там скрывать, кружило голову.

Потом кто-то из сотрудников «Молодежки» посоветовал мне пойти в журнал «Литературный Азербайджан» и показать стихи поэту Александру Гричу, добавив, что хотя тот заведует отделом очерка и литературной критики, но разбирается в поэзии и, если стихи ему понравятся, поможет с их публикацией.

В просторной комнате редакции журнала на мой вопрос, где сидит Александр Грич, мне указали на пожилого, начавшего седеть мужчину с потухшим, пепельным взглядом.

– Ты что-то хотел мальчик? – спросил он.

– Да вот, стихи принес для публикации. Говорят, вы можете помочь…

– Что ж, давай посмотрю…

Он открыл протянутую мной тетрадку, начал читать, затем на мгновение оторвал от нее взгляд и спросил:

– Это твои стихи были недавно опубликованы в «Молодежке»?

– Мои! – кивнул я.

– Гм, понятно! – как-то неопределенно хмыкнул пожилой дядька (которому, кстати, было тогда 36 лет), и продолжил читать.

Наконец, он закрыл тетрадку.

– Что ж! – сказал он. – Во-первых, это и в самом деле стихи. Что само по себе уже немало. А, во-вторых, это – очень слабые стихи. И те, что ты опубликовал в газете – тоже очень слабые…

– Мне, между прочим, 16 лет! Я только полгода, как начал писать, – с нажимом сказал я.

– И что?! Уже целых 16, и ты все еще пишешь так слабенько?! В твоем возрасте не только великие, но и многие средние поэты уже писали куда сильнее! Помнишь, эпиграмму Маршака на кого-то тебе подобного: «Зачем о молодости лет твердишь ты публике читающей? Коль ты не начал – не поэт, а если начал, то не начинающий!». – Было ясно, что это – конец. Мне показали на дверь, и надо уходить. – Давай договоримся с тобой так, – сказал в этот момент Александр Романович, как его назвал подошедший что-то спросить курьер Леша. – Ты пока без моего разрешения ничего больше печатать не будешь – незачем позориться и портить репутацию. Все, что напишется, будешь приносить сюда, и мы вместе будем это обсуждать. А заодно учиться писать настоящие стихи. А день, когда тебе можно будет печататься, еще придет. И тогда можешь на меня рассчитывать. Договорились?

Вот так и вышло, что раз в два-три месяца я вместо того, чтобы идти в школу, направлялся в редакцию «Литературного Азербайджана» и с нетерпением ждал, когда же там появятся первые сотрудники. А появлялись они поздно, не раньше одиннадцати, отчего писательская и редакторская жизнь представлялась мне вольготной, нехлопотной, и от того еще более желанной.

Именно так я и хотел жить – засиживаться с друзьями далеко за полночь, поздно вставать, заваливаться на работу в полдень, а то и позже, часа в четыре заканчивать, а дальше свободно шататься по городу и писать. На гонорары со стихов вполне можно было жить – это я понял уже после той, первой публикации.

– Леша, подай автору стул! – говорил, появившись на работе, Александр Романович. Леша, который был старше меня на год или два и явно просто коротал на работе мальчиком на побегушках время до призыва в армию, кривился, но стул приносил. – Не кривись! Я же тебе говорил, что к авторам надо относиться с уважением! – говорил Грич, заметив Лешино выражение лица. И в этот момент я чувствовал себя на коне – я все же был не абы кто, а АВТОР! Потом минут сорок мы дымили сигаретами в полном молчании, пока Грич читал мою новую тетрадку, а я с трепетом ждал его приговора – ну теперь-то, с учетом предыдущего разговора, ему должно было понравиться! Наконец, он начинал говорить:

– Вот смотри: это банально. До тебя нечто подобное писали тысячи раз… Здесь тебе следовало бы поискать какую-то очень точную деталь, которая бы выразила твои чувства, а не говорить вот так, в лоб… А что это такое – «К окну»? Звучит-то «какну»! … Подобных созвучий лучше избегать… Здесь слишком затянуто, много слов, надо еще поработать. А вот эта строчка и в самом деле хороша – афористичная и очень точная. Она могла бы стать твоей визитной карточкой, даже названием для первой книжки, но при условии, что и все стихотворение было бы написано на таком же уровне. А этого, увы, пока нет! При всей экспрессии и зримости зачина и финала, в середине оно «провисает»...

– То есть публиковать нельзя?

– В принципе, если чуть подредактировать, то можно, но… не стоит. Попробуй еще поработать…

После каждого такого разбора я уходил, обещая себе, что больше сюда никогда не вернусь – зачем таскаться, чтобы быть в очередной раз оплеванным и без всякой надежды на публикацию?! Но проходила еще пара месяцев, набиралось полтора десятков новых стихов – и я снова шел в редакцию, к Александру Романовичу… Вопросом о том, с какой стати он тратит на меня свое время, разбирает каждое стихотворение едва ли не по строкам, давая самый настоящий мастер-класс, обучая работать над стихами, я в то время совсем не задавался.

К тому времени я разыскал его первый сборник – «Старый причал». Стихи, признаюсь, тогда на меня большого впечатления не произвели. Ну, стихи. Не Пушкин, не Лермонтов и даже не Евтушенко. Профессионально, конечно, но не более того. И все же были в них та самая точность бытовой детали, та искренность и лаконичность, которых он от меня требовал. И были строки, которые при всей их внешней непритязательности мгновенно врезались в память. Некоторые из них я помню до сих пор. Хотя бы вот это:

Всего дороже тот последний грош,
Который из кармана достаешь.
В бумажках смятых, в крошках табака
Неверная копается рука.
Всего дороже тот один глоток,
Который к перекуру приберег.
Один глоток. Горячий. В горле – ком.
И знаешь: до другого далеко.
А, впрочем, это все пора забыть.
Идут дела. Благоустроен быт.
Чего ж тебе еще, моя душа?
– Глотка воды. Последнего гроша.

Или вот это:

Гитару спрячь,
Пера не тронь,
все было, все знакомо.
Сиди себе, гляди в огонь,
когда уснули дома.
Во мраке комната, как зал,
и в темноту уплыло,
все то, что ты привычкой звал,
а это жизнью было.
И лишь огонь в большой печи
живет не по науке.
Струится, бьется в кирпичи,
заламывая руки.
…Он вентилями укрощен,
компрессорами сдавлен,
а вот танцует –
все не в счет,
как будто только явлен.
Себя не можешь превозмочь,
а у огня не страшно.
Он печь переживет, и ночь,
и город это странный.
Поток уносит пламя ввысь.
Нет Бога.
Есть лампада.
Ты, вечность теплая, струись!
Перезимуем.
Надо.

Затем вышла вторая книга его стихов – «Такие дела» – ставшая в городе едва ли не бестселлером, получившая кучу восторженных рецензий, в том числе и самого классика азербайджанской литературы Расула Рза. И только тогда я понял, что, будучи почти два года знаком с Александром Романовичем, я ничего о нем не знал. В том числе и о том, что у него как раз незадолго до нашего знакомства, не дожив до 35 лет, умерла жена – известная журналистка Инна Дворкина. Так что, разговаривая со мной о моих и в самом деле весьма слабеньких поэтических опытах, он одновременно нес в себе эту боль. Книга «Такие дела» была книгой о настоящей мужской дружбе, о боли утраты и о многом, многом другом. Но прежде всего это была книга о любви, и от многих ее строк к горлу подкатывал тот самый ком, по которому безошибочно отличаешь подлинно большую поэзию:

Было зданье больницы сурово,
Чуть светились в ночи этажи.
Здесь любил я, и больше такого
Мне вовеки уже не прожить.
В полумраке суровых покоев
Тусклый свет ночника на стене…
Там я понял, что это такое,
Там любовь прикоснулась ко мне.
Только там, где беда неизбежна,
Я шептал ей, шептал по слогам,

Что люблю – безнадежно и нежно.
Только там. Что поделаешь? Там.

И все же лучшим в любовной (или не любовной?) лирике Александра Грича является, на мой взгляд, стихотворение-обманка, начинающееся как обычный монолог-диалог очень обаятельного мужчине с очередной дамой с собачкой:

А вы знакомы мне.
Батуми? Кобулети?
А может быть, Баку?
А может быть, Чита?
Я жил уже не раз
На этом самом свете,
Вполне возможно мы
И виделись тогда…

…Я знаю все о вас.
(Не промочите ноги!).
У вас достойный муж
И прочая мура.
А в общем, все же вы
Ужасно одиноки.
Оставьте-ка часы,
Вам вовсе не пора.

Вы знаете, а я
Для всех пропал без вести.
Да, не предупредил
И канул на три дня.
И мне сегодня так
Уютно с вами вместе.
А вам? Не врете, нет?
Взгляните на меня…

И вот после такого вроде бы искреннего флирта вдруг следует финальный удар:

И далее, и все
По той же самой части.
И в номер, а потом
Еще и провожать.
А если дождь пойдет?
Нет, лучше посидеть,
Нет лучше обождать.
…Та женщина прошла.
О чем грустишь, приятель?
Возможно, что о ней.
Скорее, о себе.

Здесь Грич говорит не только от себя лично, но и от имени всего своего поколения поэтов, да и современников в целом. У них был повод грустить о себе…

Родившиеся всего на 10-12 лет позже той самой плеяды «подлинных шестидесятников», которые уже в молодости обрели огромную популярность, они успели вдохнуть воздух оттепели, набрали его полной грудью, но вот выдохнуть его им уже не дали – начинались брежневско-сусловские заморозки.

Эстрада вышла из моды, поэты перестали быть больше, чем поэтами, и стали «меньше, чем», и именно поэтому многие талантливые представители этого поколения так и остались в тени, недополучили положенного им признания, и Александр Грич, вне сомнения, – один из них.

Впрочем, сам поэт очень точно сказал о своем поколении в давнем, написанном еще в 1970-е годы стихотворении «Мадонны аэропортов»:

Мадонны аэропортов,
Нет ангелов и нет цветов,
Нет даже коек в этом зданье,
Где ночь придется коротать.
А, впрочем, нам не привыкать –
Мы поколенье ожиданья.

Так сложилось, что они стали поколеньем ожиданья и одновременно, следуя правилам игры своего времени, поколением недосказанности, поколением чтения между строк, поколением скрытой цитаты.

Это отчетливо проступает, скажем, в стихотворении «Старая еврейская песня» с ее незамысловатым сюжетом: большая еврейская компания выезжает на пикник на природу, знаменитый шансонье Эпельбаум поет старую еврейскую песню «о том, что Ицик женится, и никуда приданое не денется», все взрослые танцуют, все странно счастливы, хотя и непонятно, отчего.

Но затем в стихотворении обозначается дата происходящего:

Год пятьдесят шестой. Весна просторная.
Шумит неподалеку речка горная…

И все становится понятно, хотя об этом не говорится ни слова: только что прошел XX съезд; скоро к тем, кто выжил на фронте и в тылу, начнут возвращаться или уже вернулись близкие из сталинских лагерей, так что действительно у собравшихся есть повод для праздника.

Но вот финал:

Где, кем, когда ты песенка придумана?
Гляжу на фото – стылым ветром дунуло.
Пластинка кружится, река куражится,
И все на свете нам прекрасным кажется.
А то, что рядом за хребты недальние
Плывут грядою облака печальные –
Мы не заметим этого пока.
Ну что нам, в самом деле, облака?!

Понятно, что последняя строчка – это прямая отсылка к Галичу, к «Облака плывут, облака…», но кто заметил и понял, тот молодец. А кто не заметил, или о Галиче никогда не слышал, так и Бог с ним.

Затем, спустя пять лет, вышла новая книга – «Погода», открывавшаяся программным стихотворением с таким же названием, говорящим о том, что «там, в заоблачных высях, где погоду делают, ничего от нас не зависит», но заканчивающимся уверенностью, что «погода будет меняться».

Эта книга была полна предчувствием грядущих перемен, она притягивала к себе своим мужским обаянием, той же скупой точностью в передаче чувств и умении уловить главные приметы времени. И вместе с тем эта книга тоже была о любви, но стихи о ней, посвященные второй жене, были уже куда более светлые:

Потом, когда-нибудь потом –
Зачем нам срок и адрес точный, –
Я расскажу тебе о том,
Как дремлет город полуночный.

Как тихо город спит у гор,
И там, в аллее отдаленной,
Мигает красный светофор,
Свой свет меняя на зеленый.

Потом, когда-нибудь потом –
Пока не время, не рискую,
Я расскажу тебе о том,
Что по тебе одной тоскую,

Что ты вернула мне покой,
Уже, казалось, позабытый…
Спи, девочка. Глаза закрой.
Прости мне все свои обиды…

К тому времени мы стали все больше и больше сближаться. Александр Романович втянул меня в написание рецензий о новых книгах и литературных портретов известных азербайджанских поэтов и писателей.

Затем именно по его протекции – что скрывать?! – я начал работать в газете, и лишь тогда понял, что мои представления о работе писателя и журналиста в точности повторяли известный анекдот об аде – одно дело, когда ты являешься туда в качестве туриста, и совсем другое – когда оказываешься внутри.

Затем он привлек меня и к работе над переводами стихов азербайджанских поэтов. Помню, однажды он дал мне на перевод прекрасное эссе о Рамизе Ровшане – великом, не побоюсь этого слова, поэте, о котором я до того не знал. В эссе было множество цитат, и я понял, что давать их в переводе в качестве подстрочника – значит все испортить. Пришлось переводить не только текст, но и стихи. И помню, как я довольно улыбнулся, когда Грич сказал: «Молодчина! Отличное эссе! И твои переводы стихов его здорово украсили!»

Сам он был выдающимся мастером художественного перевода. Хорошо зная азербайджанский язык, он умел переводить вроде бы почти слово в слово и при этом передавать сам дух оригинала. Его переводы из Гусейна Джавида, Расула Рза, Фикрета Годжа и многих других азербайджанских поэтов стали классическими. Но если так, навскидку, то больше всего мне нравится его перевод стихотворения Фикрета Годжа «Падают деревья над Курой»:

Падают деревья над Курой.
Отчего – никто не знает толком,
Говорят – от старости и только
Падают деревья над Курой.
Высохли их мощные стволы,
Ветви вниз опущены бессильно,

И не слышно над рекою синей
Звука суматошного пилы…

Сами, молча, в шелесте воды
Рушатся, не находя опоры,
Дерева…Посадки будут скоро,
Саженцев поднимутся ряды.
Только эти саженцы – не лес,
Слишком всем ветрам они покорны.
Долго им еще готовить кроны,
Чтобы доставали до небес,

Много надо выждать зим и лет,
Выдержать и солнце, и морозы…
А пока – кустарник здесь разросся.
Кустикам простор – деревьев нет!
Видно, были слишком высоки,
Слишком широко простерли длани…
Как богатыри на поле брани,
Падают деревья у реки.

В 1990 году Александр Грич стал редактором первой деловой газеты республики «Азербайджанский бизнес-сигнал», и предложил мне роль своего заместителя. С тех пор мы стали общаться почти ежедневно, и после работы я время от времени наведывался к нему в гости – в тот самый дом «на Воронцовской, угол Карантинной», тогда улице Азизбекова, который так часто упоминался в его стихах.

Тогда-то мне и открылась захватывающая история его семьи.

Его отец, Роман Давидович Гуревич, выдающийся врач, в годы войны носил погоны полковника медицинской службы и был начальником всех военных госпиталей Азербайджана и Дагестана. Мать, Людмила Вячеславовна Иванова, была выдающимся ученым-химиком, и в годы войны именно она создала ту дымовую завесу, которая превратила Баку в «город-невидимку», защитив его жителей и нефтяную промышленность от немецких бомбардировок. Жил он в той же самой квартире, которая некогда принадлежала его деду, легендарному в Баку врачу Вячеславу Иванову. Правда, дед занимал весь этаж, а Гуревичам оставили после уплотнения пару комнат, но зато очень больших и с балконом.

Я любил вечерами посидеть с ним в этой квартире за бутылкой коньяка, чтобы вместе спланировать номер на следующую неделю, поговорить о стихах, а иногда и немного пошалить. Так, однажды в те смутные времена мы в шутку провели у него дома спиритический сеанс, чтобы вызванные души рассказали бы нам о том, что ждет экономику страны. Вызывали совершенно фантастические персонажи вроде Моллы Насреддина и Козьмы Пруткова, но самое интересное, что получали от них вполне разумные ответы, и я потом написал репортаж об этом сеансе. Любопытно, что потом прогноз Моллы Насреддина сбылся почти на сто процентов.

В том 1990-м году у Грича вышел сборник «Один, Другой, Третий», окончательно закрепивший за ним звание не просто одного из лучших, если не лучшего «бакинского поэта». Возможно, последнее замечание многих возмутит: были ведь в Баку и другие, способные, талантливые и даже очень талантливые поэты. Не спорю, были. Достаточно вспомнить наставника Грича в литературе – Владимира Портнова. И все же именно поэзия Александра Грича несет в себе не просто дыхание бакинского норда, очарование бакинских улиц и тот специфический говор, по которому опознаешь бакинца в любой точке планеты.

В лучших его стихах, в том числе и вроде бы сугубо личных, написанных после горькой потери первой жены, заключен генетический код города – те понятия, ценности, принципы, на которых в нем строились взаимоотношения внутри семьи, между соседями, друзьями, просто прохожими на улицах. А генетический код, как известно, неизменен; он – то, что связует между собой прошлое и будущее; определяет в итоге характер города и судьбу его жителей:

А раз уж так, позвольте вам заметить,
Что нет бакинской нации на свете,
Но есть такой народ – наверняка.
Наш город – им в одно мы были слиты,
Как парижане или одесситы.
Всегда приятно встретить земляка
За тридевять земель, вдали от дома,
И чувство это каждому знакомо…
…Здесь жить легко и сладко ошибаться…
В чем сущность общегородского братства,
На чем замешан города раствор?
Какое это горькое лекарство –
Твоя любовь, мой город, и коварство,
Твое почти всеобщее родство…

Времена к моменту выхода этого сборника были уже не самые светлые, многие готовились к отъезду, и если мы с женой выбрали Израиль, то Александр Романович решил с семьей ехать в США, хотя здесь, в Израиле, к тому времени уже жил его старший сын Роман.

Но и его последние стихи бакинского периода жизни тоже необычайно хороши – в них опять-таки очень точно схвачено то настроение, с которым тогда жили многие бакинцы, решившие оставить любимый город:

В тишине комендантского часа,
В КПП – или как? в проходной? –
Ты со мной, лейтенантом запаса,
Попрощаешься город родной.

Деловито билеты пометишь
(слышу сердца паскудную дрожь).
Ты, по сути, меня не заметишь,
Ты вполне без меня проживешь.

Не ропщу, ни о чем не жалею,
Жизнь минувшую благодаря.
Тем светлее мне, тем тяжелее,
Что любовь неизменна моя.

…Город мой, ты уже за спиною!
Горе – мне, а тебе – не беда.
Но таким, как бывал ты со мною,
Ты не будешь уже никогда.

…Запах прелый, тяжелый, солдатский,
И отсутствие прочих примет.
В пять закончится час комендантский,
И на улицу выйдет рассвет.

Судьба Александра Грича в США сложилась вполне счастливо. Он являлся одним из ведущих сотрудников газеты «Панорама», затем редактировал газету «Контакт», вел различные телепередачи, создал интернет-видеожурнал «Далекое близкое», был управляющим и вице-президентом фонда Булата Окуджавы, премия которого считается одной из самых престижных в русскоязычном литературном мире; написал, помимо всего прочего, в духе времени, пять детективных романов.

Жизнь в итоге развела нас по разным континентам, но мы продолжали переписываться, следить за тем, что происходит друг у друга, а лет десять назад и встретились в Израиле. И, само собой, я время от времени проговаривал наизусть или перечитывал ставшие любимыми его стихи.

И вот теперь его больше нет. И мне, и всем, кто его знал и любил – а знали и любили его очень многие – остаются воспоминания, и от них и горько, и светло одновременно.

Александр Грич был, безусловно, очень одаренным поэтом, но при этом никогда «не лез в классики», не стремился остаться в веках и все такое прочее. Будучи, вдобавок, очень мудрым человеком, он прекрасно понимал, сколь немногим это дано, да и то, любой памяти о большинстве хватает на несколько десятков лет. Да он и сам об этом прямо сказал в одном своем давнем стихотворении:

А там – не будет и меня. Всего-то!
Уйду от глаз, которых так боюсь.
Вернусь – травою? Ласточки полетом?..
Всего вернее, вовсе не вернусь.

Чего уж там искать путей из бездны,
Когда прожито все, чем дорожил?
Прекрасно знать, что чучелом железным
Я не вернусь туда, где прежде жил,

Стихи писал. На пляжи ездил летом.
Не очень торопил свои года.
Да просто жил! Не так уж мало это,
Как, может быть, казалось иногда.

Как оказалось, это и в самом деле не так уж мало.

Светлая вам память, Александр Романович!

Петр Люкимсон

* * *

Есть слова, которые произнести трудно, принять невозможно, написать… приходится, отгораживаясь от смысла. Бумага, говорят, все терпит, даже такое: «он был…», «не стало…», «ушел от нас…»

Его многие знали под литературным псевдонимом. Особенно в Баку, его родном городе.

Александр Грич, поэт, прозаик, переводчик, телеведущий, продюсер… Это все он. Был. В миру – Александр Романович Гуревич, Саша. Не стало его в Лос-Анджелесе, где он жил с 1992 года, а до того – в Баку, где родился в 1944-м. И никуда Саша от нас не ушел, потому что все равно я помню его таким, каким он был в шестидесятых годах прошлого века (и тысячелетия!). Забыть его невозможно – совершенно особое выражение лица, и ни у кого больше не было такого взгляда, мягкого и все понимающего. А голос Саши я узнал бы (и узнал!) среди миллионов других. Особенный голос, ни у кого больше не было такого, кроме… Но об этом чуть позже.

Нас было четверо тогда – возможно, нас можно было назвать друзьями. Может быть – приятелями. Мы об этом не думали. Я почти каждый вечер приходил в старый, дореволюционной постройки, дом на улице Азизбекова, где жил Саша, а по соседству – мой одноклассник Ариф, у которого мы и собирались вчетвером. Со мной всегда приходил школьный друг, тоже Саша, и мы, чтобы не путаться, называли друг друга не по именам, а по прозвищам: Тромбон, Жираф, Пибл и Хияр. Хияром был Саша Гуревич, и почему его прозвали так, не знал никто (хияр – по-азербайджански «огурец»). Я не помню, конечно, о чем мы тогда разговаривали, о чем спорили, что друг другу доказывали. Помню только, что нам было хорошо вместе. Замечательно. Много лет спустя понимаешь, что это было счастье.

Как потом писал в одном из своих стихотворений замечательный поэт Александр Грич, он же Саша Гуревич:

Мы жили все в одном раю,
Точней, в одном районе.
Где все свое – райсвет, райсбыт,
А также и райком.
Где выйдешь, свистнешь –
И сосед в минуту на балконе.
Мы жили все в одном раю,
Не ведая о том.

Рай закончился, когда мы в один год окончили школу – и жизнь развела нас по разным дорогам. Саша после института стал химиком-технологом, работал в НИИ, потом корреспондентом в республиканской газете «Вышка», а с 1976 до отъезда в Соединенные Штаты – заведующим отделом в журнале «Литературный Азербайджан». Виделись мы в те годы эпизодически, но всегда были рады встречам. Вспоминали молодость? Наверно. Но все же больше говорили о поэзии, которую Саша прекрасно знал и замечательно писал, а я слушал. Мне казалось, что стихи Саша писал всегда. Уж точно – до нашего знакомства.

Саша не только писал стихи сам, но и переводил на русский стихи азербайджанских поэтов. Сашины книги стихов и переводов выходили в издательствах Баку, Москвы, а потом и Лос-Анджелеса, куда Саша переехал в 1992 году. Я в это время уже жил в Израиле и однажды удивился, получив от Саши письмо из Лос-Анджелеса. Тогда он редактировал еженедельник «Панорама» и предлагал мне писать статьи о новостях науки. Несколько лет продолжалось это сотрудничество.

Я думал, что вряд ли когда-нибудь еще увижу Сашин удивительный взгляд и услышу особую манеру разговора. Но однажды… Это было в 1997 году, я принес в газету «Вести-Иерусалим» какую-то из своих научно-популярных заметок, открыл дверь в кабинет нового главного редактора и оторопел. За редакторским столом сидел Саша! Такой, каким я его помнил, каким он был тридцать лет назад! Невозможно было не узнать этот взгляд, а когда я услышал тот самый, неповторимый Сашин выговор…

– Вы – Рома?

Ошибиться было невозможно: если это не Саша, то передо мной мог быть только его сын, которого я никогда прежде не видел.

Так мы познакомились с Сашиным сыном, ныне известным в Израиле (и не только в Израиле) политтехнологом, владельцем PR-агентства. Так Саша вернулся – будто время и пространство нас больше не разделяло.

Саша ушел? Саши больше нет? Чепуха. Он здесь, он в памяти, а память – единственное, что всегда с нами. Дом на Азизбековской. Споры. Прогулки. Стихи. Молодость. Жизнь…

Павел Амнуэль

БАКУ ТЕБЯ НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕТ, ДОРОГОЙ ДРУГ!

В солнечный день 30 октября мне позвонил мой друг бакинец Савелий (Сава) Колмановский, живущий ныне в Москве, и сообщил, что наш близкий друг Саша Грич, уже давно переселившийся в далекий Лос-Анджелес, скончался. Эта новость потрясла меня и свинцовой тяжестью придавила защемившее от боли сердце. Телефонная трубка в моей вдруг обессилевшей руке отяжелела и стала неподъемной.

Терять друга всегда тяжело, особенно, когда тебе за восемьдесят лет; круг друзей редеет, люди, дружба с которыми прошла испытание на верность временем, с которыми ты делил мысли, тайны, которым ты безоговорочно доверял, покидают тебя...

...Мы познакомились с ним 48 лет назад, в 1976 году. Так уж совпало, что тогдашний председатель Союза писателей Имран Гасымов принял нас на работу в один и тот же день – 20 января: меня в отдел критики журнала «Азербайджан», а его – в отдел критики журнала «Литературный Азербайджан».

Он был очень дружелюбным человеком; именно он сделал первый шаг к нашему знакомству. В первый же день после работы мы пошли в Молоканский сад и «проверили» личность друг друга за теннисным столом... Потом «официально» оформили наши отношения в соседней закусочной.

Мы сошлись очень быстро, делились своими проблемами, словно были друзьями уже много лет. Конечно, наши отношения ограничивались не только игрой в настольный теннис или походами в закусочные; нас объединяла духовная близость.

Александр Грич был талантливым человеком, его творческий диапазон был очень широк. Нескольких лет работы в газете «Вышка» хватило, чтобы он стал знаменитым в республике журналистом, отличающимся острым пером. Перейдя в журнал «Литературный Азербайджан», он завоевал большое уважение среди писателей за свою работу в журнале и за переводы азербайджанской поэзии. Наши поэты, особенно Расул Рза, Сулейман Рустам, Бахтияр Вахабзаде, Фикрет Годжа доверяли ему перевод своих произведений. Среди переводов Грича много и прозаических произведений. На высоком профессиональном уровне он перевел произведения таких азербайджанских писателей, как Сулейман Рагимов, Сабир Ахмедли и Мевлуд Сулейманлы. В своих переводах он умел тонко и точно передать быт азербайджанского народа, национальные особенности героев.

Саша родился в Баку. Он учился в школе №6 в Баку и окончил всемирно известную Нефтяную академию. Грич, еврей по национальности, был истинным уроженцем Баку. На протяжении всей своей жизни он популяризировал азербайджанскую культуру и литературу. Я живой свидетель того, с какой большой любовью он переводил на русский язык наших классиков Гусейна Джавида, Микаила Мушфика.

Помимо дружбы, нас с Александром Гричем связывало и многолетнее творческое сотрудничество. И началось оно, когда он поручил мне написать критические статьи для журнала, в котором он работал. Он настоял, чтобы я писал эти статьи на русском языке и убеждал меня: «у тебя очень хороший, я бы даже сказал, что особый, присущий только тебе русский язык, я слегка подредактирую, и всё». Я писал, а он публиковал. Таким образом, в «Литературном Азербайджане» вышло несколько моих статей на русском языке. Именно Саша пригласил меня на организованные им в редакции «Литературного Азербайджана» встречи «Круглого стола», посвященные актуальным проблемам нашей литературы. Наконец однажды, когда он предложил мне вести программу на Азербайджанском государственном телевидении, я понял, что, заставляя меня писать статьи на русском языке, он на самом деле готовил меня к этой программе, которая велась на русском языке.

Таким Другом был Саша Грич; таким Человеком он был.

Он всегда повторял: «Интигам, наш журнал занимается популяризацией азербайджанской литературы, мы пытаемся донести до наших читателей всю ее красоту и тонкость. Эта работа будет более эффективной, если мы будем ее вести на телевидении, ты же знаешь, возможности телевидения шире. Более того, русскоязычные зрители имеют право знакомиться с богатой азербайджанской литературой...» В то время Грич много говорил об этом, хотя знал, что я с ним абсолютно согласен... Но цель его была иная, на самом деле он хотел убедить меня вести вместе с ним эту программу на русском языке.

Наконец мы договорились... Боже, как он был счастлив. Быть ведущим телевизионной передачи было самой большой мечтой Саши. Мы выходили в эфир каждый месяц без перерыва ровно 13 лет. За эти 13 лет азербайджанское телевидение представило своим зрителям 158 выпусков литературно-телевизионного альманаха «Баяты». Эта последовательность стала возможной только благодаря настойчивости Грича. Я несколько раз покидал студию из-за неопытности редакторов и того, что они, не зная в достаточной мере азербайджанскую литературу, вмешивались в программу. Саша же, не теряя терпения, останавливал съемку на 2 часа, просил перерыв и после того, как мой гнев остывал, возвращал меня в студию. Спустя годы я понимаю, насколько был прав мой друг.

В 1992 году Грич вместе с семьей покинул Баку. Его выбор пал на Соединенные Штаты Америки, город Лос-Анджелес. Саша был очень привязан к своей родине – Азербайджану, Баку, улице, дому и квартире, где он жил. Самое главное, он был очень привязан к друзьям. Как он мог решиться оставить все и уйти?

Он позвонил мне и пригласил к себе домой. Мы много говорили. Он рассказал мне причину отъезда из Баку. Сейчас, когда Саши уже нет на свете, я не считаю правильным раскрывать эту причину без его разрешения. Могу только сказать, что в родном Баку его обидели, сильно оскорбили, унизили. Сколько я ни старался, мне не удалось его отговорить, он сказал: «Баку больше не мой город».

День прощания настал. Мы приехали в аэропорт провожать Сашу с одним из его старых друзей Бахадуром Гаибовым. Честно говоря, мне сложно описать свои чувства, которые я тогда испытывал.

После столь тяжелого расставания, через 2 года Грич приехал в Баку. Потом приезжал еще: с женой Людой... И я понял, что хотя Саша и живет в Лос-Анджелесе, одном из самых богатых и знаменитых городов мира, оставаться без Баку долго он не может; до конца жизни он будет тосковать по Баку, своему дому на улице Азизбекова, построенному в готическом стиле. И этот дом, его каменные стены, впитавшие в себя цвет времени, каждый вечер будут ждать Сашу...

Сегодня я хочу раскрыть тайну, которую я ношу в своем сердце уже много лет: На самом деле, я несколько лет ждал Сашу. Особенно в середине и конце 1990-х годов, до 2005 года. Это был период, когда Грич жил на две страны, превратив маршрут Лос-Анджелес-Баку в рутину. Он тогда снимал пятисерийный фильм об общенациональном лидере Азербайджана, президенте Гейдаре Алиеве.

В 1997 году его даже пригласили сопровождать президента Азербайджана Гейдара Алиева во время его официальных визитов в Италию и Соединенные Штаты Америки с 27 июля по 6 августа.

В одном из своих выступлений в Америке Гейдар Алиев сказал о Гриче: «...Его заслуги в области азербайджанской культуры неоспоримы. Он хорошо знает наш родной язык и литературу. Недавно он приезжал в Баку и встречался со мной. И в этой нашей поездке (*в Америку* – **И.Г.**), он является членом нашей делегации».

Фильм «Неофициальный портрет президента» был завершен Гричем и показан накануне 75-летия Гейдара Алиева, более того, фильм получил высокую оценку президента.

Грич попросил меня написать азербайджанский дикторский текст к этому фильму, так что в этой работе есть и моя, пусть маленькая, заслуга.

Спустя несколько лет, в 2004 году, Грич посвятил нашему национальному лидеру еще один документальный фильм под названием «Жизнь, судьба и эпоха».

Шло время, наши годы не стояли на месте: 60; 70; 75... Саша уже реже приезжал в Баку, только если приглашали на мероприятия. Теперь мы больше общались по телефону. За последние два года или около того я заметил изменения в его голосе и речи. На вопрос о его здоровье скупо отвечал: «...все в порядке, все в порядке». Как оказалось, Саша был тяжело болен, но не хотел, чтобы я об этом знал и переживал за него...

Хоть я уже и знал, что он болен, известие о его смерти стало неожиданным и тяжелым ударом.

Эта новость потрясла меня и свинцовой тяжестью придавила защемившее от боли сердце. Телефонная трубка в моей вдруг обессилевшей руке отяжелела и стала неподъемной...

Интигам Гасымзаде

В день прощания

Конечно, всегда помнил, что ты – Александр Гуревич, прочно занявший в нашем классном журнале одиннадцатую строчку… еще завидовал: как же, во многих карточных играх одиннадцать – это туз.

Разумеется, давно знаю, что ты – Александр Грич, замечательный поэт и переводчик, и многие твои стихи вошли в мою – и многих! – личную антологию шедевров.

Отточенность каждой строчки, – и нет в них ни исповедальности напоказ, ни темперамента всуе, – но как же ты умел какой-то секундой «откровенности до донышка», каким-то мигом последней прямоты переворачивать мне сердце!.. о, как же ты умел!

Как ты придумал для меня такие переводы монологов Просперо из шекспировской «Бури», что мой роман о Барде тут же сделался цельным и завершенным?!

Только что перечитал финал «Шакспер, Shakespeare, Шекспир» – и вновь спрашиваю: «Как же ты сумел?».

А ведь рискнул задать тебе этот вопрос однажды, и ты ответил просто: «Да ладно тебе, старый! Переводы как переводы…».

Может быть, из-за этой твоей простоты – то ли детской, то ли мудрой – ты, Александр Грич, так и остался для меня Сашкой из моего 1-го «А», из моего 5-го «А»… 10-го?

Сашкой, с которым мы в Нальчике устроили слежку за несчастным доцентом из Москвы, единодушно назначив его «американским шпионом»; Сашкой, с которым ссорились и мирились, с которым ухлестывали за одними и теми же девочками, с которым в юности восхищались Верхарном, а в старости – Чичибабиным…

С которым написали друг другу эссе к 75-летию – спасибо Солмаз Ибрагимовой, опубликовавшей их в журнале «Литературный Азербайджан» – и которому я сказал недели три назад: «Сашка, я уже начал копить фразочки для текста к твоему 80-летию. А как насчет твоего – мне? Имеешь привычку готовить сани летом?».

И ты ответил: «Пусть только придет срок – будут готовы…», и простились мы, как полагается некогда крепким мужикам, а ныне – старикам, балансирующим на краю…

А сегодня давай простимся так: я прокричу тебе вслед: «Старый, ты только будь!» и начну слушать тишину, надеясь, что она донесет до меня твое ответное: «Аналогично-о-о-о!».

И знаю, Сашка, Александр Грич: ты – будешь!

Долго.

Всегда.

Марк Берколайко

* * *

30-е октября отныне станет днём памяти по Александру Романовичу Гуревичу – моего друга и брата.

Ты родился и вырос в доме, который основал в 1903 году в Баку твой дед доктор Вячеслав Иванов.

Наша дружба с тобой началась 71 год назад и сейчас нашу дружбу продолжают наши сыновья.

В своих стихах ты воспевал Баку, – город взрастивший нас.

Наше утро начиналось на корте. Весенними вечерами мы сидели на вашем балконе за бокалами сухого вина, наблюдая с высоты птичьего полёта за ночными огнями Баку.

В самые сложные моменты жизни мы чувствовали взаимную поддержку, основанную на абсолютном доверии.

Прощай мой друг, ты навсегда в нашей памяти. Царство тебе небесное!

Бахадур Гаибов и семья.

ПАМЯТИ ДРУГА

Это всегда очень трудно – писать о человеке, которого больше нет.

Вдвойне трудно – если за плечами долгие годы дружбы, близкого общения, неисчислимое количество теплых дружеских встреч, откровенных бесед на самые разные темы.

30 октября в Лос-Анджелесе скончался мой друг Александр Романович Грич (Гуревич) – поэт, переводчик, журналист, телеведущий, тонкий знаток современной азербайджанской литературы и искренний патриот Азербайджана.

Пожалуй, трудно представить себе культурную жизнь Баку семидесятых – восьмидесятых годов без Александра Романовича Грича. Он начинал свою карьеру как журналист, затем раскрылся как талантливый и самобытный поэт, а ещё – зарекомендовал себя по-настоящему блестящим литературным переводчиком. Именно в его переводах русскоязычные читатели Азербайджана, и не только Азербайджана, кстати говоря, знакомились с произведениями Фикрета Годжа, классиков азербайджанской литературы Гусейна Давида, Мирзы Ибрагимова, Расула Рза, Микаила Мушфига… Александр Грич, по отзывам многих, прекрасно знал и очень тонко чувствовал азербайджанский язык. И сам будучи поэтом, мог действительно блестяще переводить стихотворные строчки на русский язык.

Но великолепные переводы были только одной из граней деятельности Александра Романовича. Александр Грич вместе с Интигамом Гасымзаде был ведущим литературного альманаха «Баяты» на азербайджанском телевидении. Эта передача в советские годы несколько раз выходило в эфир и по первому московскому каналу. Выпусков «Баяты» ждали. И даже находясь вдали от Азербайджана, многие наши соотечественники находили самые невероятные возможности смотреть эту программу, где ведущие – Грич и Гасымзаде – рассказывали зрителям и о литературном наследии, и о книжных новинках. Сегодня, в XXI веке, трудно представить себе такую популярность сугубо литературной передачи. Но это была та реальность, в которой жила бакинская интеллигенция тех лет всех национальностей. И в создании которой огромная заслуга принадлежит Александру Гричу.

Именно с этой стороной жизни и творчества Александра Романовича связана одна показательная история. Произошла она уже после того, как в начале девяностых Александр Грич уехал из Азербайджана и в конце концов перебрался в США, в штат Калифорния. В одном из местных ресторанов к нему подошел незнакомый мужчина и заявил: «Вы меня, наверное, не знаете, а я вас знаю. Вы вели по телевидению «Баяты»». Потом представился: «Я – Бока». Тот самый Бока, Борис Давидян, выпускник музыкального училища имени Асафа Зейналлы, которого, несмотря на все давления, так и не удалось «расколоть» ни на какие антиазербайджанские высказывания, и который, как выяснилось, знал благодаря учёбе не только азербайджанскую музыку, но и литературу, в том числе и благодаря «Баяты».

Похожая история произошла и со мной. Во время визита небольшой группы из Азербайджана работающий с нами переводчик оказался бакинцем. И когда в Лос-Анжелесе за мной заехал Александр Романович, то он с восторгом сказал ему, что давно хотел с ним познакомиться, поскольку его мама является поклонницей таланта Александра Грича.

Александр Романович Грич оставался патриотом Азербайджана, даже живя вдали от родины. Работая в крупнейшей русскоязычной газете западного побережья США – «Панорама» – он регулярно публиковал статьи и интервью, в том числе и со мной, посвященные Азербайджану. К слову, ровно этим же сегодня занимается его сын Роман Гуревич, который достался мне по наследству от Александра Романовича в качестве еще одного надежного друга. Он настолько рьяно отстаивает интересы Азербайджана в Израиле, что когда находящийся в Баку с государственным визитом президент Израиля Ицхак Герцог представлял Романа президенту Азербайджана, то Ильхам Алиев, улыбаясь, сказал ему, что Роман Гуревич должен был находиться в составе азербайджанской делегации.

Александр Романович Грич принимал участие в форумах азербайджанской диаспоры. И, выступая на одном из таких форумов, он на чистейшем азербайджанском языке скажет с трибуны:

«Теперь весь мир видит, что Азербайджан управляется не из Москвы, не из Анкары, не из Вашингтона, а из Баку!»

Будет снятый им фильм о жизни Общенационального лидера Гейдара Алиева – по отзывам многих, яркий, профессиональный и, безусловно, один из лучших биографических фильмов. Будет множество идей, начинаний, проектов…

И очень трудно, невозможно поверить, что всё это уже в прошлом.

Но не зря говорят: люди живы до тех пор, пока жива память о них. А память об Александре Романовиче будет жить ещё очень долго. Остались его стихи, посвященные родному городу. Остались в архивах выпуски альманаха «Баяты». Статьи и фильмы. Остались те, кто его помнит.

А значит, Александр Романович с нами.

Фуад Ахундов

* * *

Друг, ты ушёл в неведомую даль
И свой закончил жизненный полёт.
Ушёл… Ушёл! И горе, и печаль.
И чёрная тоска мне душу жжёт.

Всё так же светят солнце и луна.
Всё так же в мире много суеты.
Всё так же жизнь сюрпризами полна,
Но больше нет таких друзей, как ты.

Как часто мы болтали до утра,
Легко касаясь самых разных тем.
Пусть навсегда минула та пора –
Для нас она священна, как тотем.

Потом нас разделили тыщи вёрст,
Но нам всё это было нипочём:
Для дружбы расстоянье не вопрос,
Всегда твоё я чувствовал плечо.

Я с радостью ходил к тебе в Баку.
И с радостью летал к тебе в L.A.
Да, время перемелет всё в муку…
Всё, кроме дружбы. Знаешь сам? О'кей!

Свой новый адрес сообщи: я жду.
Он где-то там, где космос голубой…
Жизнь – это миг. И скоро я приду.
Не можем мы не встретиться с тобой!

Да, ты ушёл. И это – грусть и боль.
Но знаем мы, сомнений всяких без,
Не может дружба превратиться в ноль.
Я Там с тобой, а ты со мною Здесь.

Савелий Колмановский

Папе

Мы разговаривали по телефону каждый день. Обязательно каждое утро в восемь часов, плюс-минус несколько минут и еще иногда вечером. Утром было самое удобное время, после того, как развозил/отводил детей по школам и неторопливо шел к дому. Когда день вроде бы уже начался, но еще все было впереди. Можно было обсудить планы на день, текущие дела. Или просто поболтать о том, что приходило в голову…Иногда я не успевал набрать, тогда ты сам, Сан Романыч, звонил минут через тридцать-сорок. «Хотел тебя услышать, прежде, чем грохнуться спать», – так ты говорил.

Ты – человек потрясающей талантливый во всем, что ты делал. В спорте – чемпион Азербайджана по академической гребле. В большой теннис ты начал играть лет в сорок, если верно помню, при этом дошел до уровня высокого разряда….В команде «Парни из Баку» – ты стал чемпионом СССР по КВНу. Уже в 16 лет ты уже переводил классиков английской литературы…Стихи, переводы, проза. Все, за что ты брался, ты делал на самом высочайшем уровне. И самый, быть может, твой потрясающий талант – умение дружить с людьми, располагать к себе людей и раскрывать в них самое лучшее... И люди платили тебе взаимностью.

Это такой твой удивительный талант – дружить с людьми…Твое щедрое большое сердце было открыто для каждого. Ты был готов отдать последнее, иногда даже малознакомому человеку, который попал в беду…Ты был готов помогать всем, зачастую забывая себе. А друзья – это всегда было самое святое. Те, кого ты встретил в первом классе, – стали твоими самыми верными и надежными друзьями на всю жизнь. Те, с кем ты познакомился позже, – в Баку, в Москве или в Америке, – тоже остались с тобой навсегда. А ты с ними. Причем, удивительно, но – со временем, когда я подрос, твои друзья стали и моими друзьями. Несмотря на разницу в возрасте. И дети твоих друзей стали моими братьями и самыми близкими людьми. Такая у нас получилась большая семья, которая раскинулась от Америки до Израиля, России и Азербайджана. И это сделал ты. Это твоя семья, папа.

Ты родился, вырос и большую часть жизни прожил в Баку в известной и уважаемой в городе семье. Азербайджан имел для тебя всегда особое и огромное значение. Даже после переезда в США, твое творчество, мысли и работа были неразрывно связаны с родным городом… И я совсем не удивился, узнав, что почти все твои друзья даже в Америке, – бакинцы…

И это всегда было взаимно – в Азербайджане относятся к тебе с огромным уважением, любовью и дружбой. Так, как и полагается в большой и дружной семье. Баку – это наш родной город и его тепло, доброту и силу мы несем с собой через все годы. Когда Президент Азербайджана рассказывает о том, что ты делал фильм о его отце и всегда помогал Азербайджану, – сердце мое переполняется гордостью. И я счастлив, что продолжаю твое дело, папа.

Жизнь распорядилась так, что я оказался в Израиле. И ты всегда очень интересовался жизнью еврейского государства, тем, что с нами происходит. В последний месяц, когда началась война, ты звонил мне (хотя в обычные дни чаще я сам тебе набирал, но тут ты звонил первым, чтобы получить как можно быстрее отчет о происходящем в Израиле). Ты очень переживал за нас и думаю ты будешь рад услышать – что большой войны вроде бы удалось избежать. И мы постепенно со всем тут справляемся. Знаю, что ты очень хотел бы это услышать…

Ты очень сильный человек и всегда таким был. Всем помогал никогда не просил о помощи. И людям даже не приходило в голову, что и тебе помощь иногда была очень нужна... Ты ведь всегда решал все проблемы – для себя и для других. И побеждал. Победил и сейчас. Просто ты закрыл дверь и ушёл… Тогда когда решил, что пришло время.

У каждого человека есть корни, связи, которые держат и дают силу. Ориентир для души и сердца в этом мире. Что и как делать, а чего лучше не делать… Ты для меня – один из самых мощных моих корней.

Папа, я тебя очень люблю. И ты всегда со мной, с нами. Был и остаёшься.

Мои Инка, Алиска и Ариша просили передать тебе, что очень тебя любят.

Хотя в последние годы ты за океаном, но ты всегда был рядом, частью моей жизни. Мы шли вместе, Сан Романыч, и я всегда советовался с тобой во всем. По серьезным вещам, и по совсем несерьезным. Иногда ты говорил: «Ну хватит, мы столько раз уже это обсуждали, сколько можно»… А мне было важно снова услышать твои слова. Ты мудрый человек. Поэтому буду советоваться с тобой и дальше.

Только вот в 8 утра теперь некому позвонить и рассказать о новостях и планах на день... Но это ничего, Сан Романыч, я уверен, что мы наладим связь. И надеюсь, что правильно смогу понять твои ответы, которые мне всегда помогали жить…

Коллектив редакции «Л.А.», редакционная коллегия и многие авторы и читатели журнала, знавшие и помнящие нашего любимого Сашу, глубоко опечалены этой невосполнимой утратой. Он был верным другом, хорошим товарищем и в нашей памяти он навсегда останется Человеком большой души с лучистыми улыбающимися глазами.

АЛЕКСАНДР ГРИЧ

Сыну

Сам не пойму я – чего,
Но чего-то стыжусь.
Ты уже взрослый,
А я для напутствий
Еще не гожусь.
И расписать не умею
От сих и до сих,
И накопил я вопросов
Поболе ответов на них.
Не покорял я вершин,
Не седлал скакуна.
Нечему, милый, учиться тебе у меня.
Ежели что-то и вправду
Я в жизни сумел –
Только товарищей,
Верных друзей заимел.
Ну, а еще?
Сам любил и любимым бывал.
К морю ходил,
Где просоленный бриз задувал.
И, поустав
От привычных делишек и дел,
Думал о главном,
Во всем разобраться хотел.
Ты вот теперь отплываешь,
Я – на берегу.
И разобраться, признаюсь,
Ни в чем не могу…
Вместе с тобой
По бульвару идем не спеша.
– Радуйся жизни, – скажу я.
– Она хороша.
Тем, что над волнами синими
Ветер поет,
Тем, что за каждым ответом
Десяток вопросов встает,
Тем, что ни дружбу, ни верность,
Любви благодать –
В долг, по наследству, на время,
Нельзя передать.
Тем, что нельзя изменяясь, себе изменять,
Тем, что нельзя ничего
В этой жизни понять,
Кроме того,
Что я счастлив,
Что шаг твой любой
Я повторяю – и нынешний
Рядом с тобой.

БОРИС ОЗЁРНЫЙ

Азербайджанские мотивы

Меня манил к себе Восток

Сулейману Рустаму

Меня манил к себе Восток,
Где были песни не допеты,
Я месяцами спать не мог,
Мои мечты блуждали где-то,
И даже криком с минарета
Меня манил к себе Восток.

Мне часто грезился Баку,
И возникал не раз во взоре
Венец огней на берегу,
Зеленоватый отблеск моря;
Я был на Каме и Печоре,
Но всюду грезился Баку.

Я тосковал, друзья, недаром,
И был тоски моей исток
В том, что напев зурны и тары,
Как память юности, берёг.
Немолчным шёпотом чинары
Меня манил к себе Восток.

Я шёл на зов. И мне приятны
Рукопожатья, радость встреч
И то, что издавна понятна
Моих друзей бакинских речь.
Года уходят безвозвратно,
Я шёл на зов, и мне отрадно,
Что дружбу мы смогли сберечь.

Не по велению Корана,
А широтой души своей
Всегда народ Азербайджана
Встречал приветливо гостей.
Хозяин дома гостю рад,
Как другу – друг,
Как брату – брат.
В глубокой древности веков
Благословен чурек и плов.

Дороже всякого богатства,
Полнее всех морей и рек
Душевность крепнущего братства,
Что нами создано навек.
И наша дружба тем сильна,
Что кровью в битвах скреплена!

Меня манил к себе Восток
Сияньем гор, обильем света, –
Я не прийти сюда не мог,
Полна радушья встреча эта, –
Не зря романтикой поэтов
Меня манил к себе Восток!

Памяти Самеда Вургуна

Вот какая земля...
И тверда, и сурова,
А вокруг – тишина.
Хоть бы слово в ответ.
Слышишь?
Здравствуй, Самед!
Я пришел к тебе снова.
Я пришел
Повидаться с тобою, Самед!

Мы ведь долго не виделись...
Горько и больно,
Разве так бы хотелось?..
Не слышишь...
Молчишь...
Только ветер летит
На морское раздолье,
Выбивая аккорды
На клавишах крыш.

Утро,
Майское утро над морем,
Солнце встало,
Вдали пролетел самолёт...
Салютует земля,
Ей гудки отзываются хором,
Это жизнь,
Дорогой мой,
О жизни и славе
Поёт.

Вспоминал нашу встречу:
Сидели тогда до рассвета,
Малость был тесноват
Для радушья восточного кров.

И читали стихи,
И курили безбожно поэты,
Проникая в глубокие
Тайны сердец и миров.

Это было в Москве,
После съезда писателей вскоре.
Мы остались вдвоем.
Я мечтал о поездке в Баку.
Я приехал, Самед,
Оседлал штормовавшее море,
Пригибаясь к волне,
Словно всадник на полном скаку.

Не успел... Опоздал...
Жизнь летучей звездой догорела...
Сколько б мог написать!
Оборвались мечты и дела.
Смерть плитой придавила
Остывшее бренное тело,
А вот душу поэта
Осилить она не смогла.

И душа распускает
В полёте орлиные крылья
И парит, на века
Книги чистого сердца раскрыв.
Вижу сам наяву:
Смерть, придя, оказалась бессильной,
Жить в народе тебе,
Как живут Низами и Вагиф.

По обычаю русских
Бросаю в могилу пшеницу,
Чтоб ростками добра
Пробивалась на солнечный свет.
Вот и всё...
Ухожу,
Оставляя здесь сердца частицу,
До свиданья, Самед!
До свидания, слышишь, Самед?

В день прощания

Я завтра на Волгу уеду,
Уже телеграмма дана...
Пойдём на могилу к Самеду,
Моя дорогая Сона.

В народе такое поверье
На Волге веками живёт,

Что лебедь, роняющий перья,
Последнюю песню поёт.

Поёт на заре, когда тише,
Когда не приметен полёт.
И кто эту песню услышит,
Весь смысл её сердцем поймёт.

Я знаю, что жизни нет края,
Умрёт всё, что стало старо,
Но только поэт, умирая,
Как лебедь, роняет перо.

Я завтра на Волгу уеду,
А в сердце, как в море, волна...
Пойдём на могилу к Самеду,
Почтим его память, Сона!

Хабардар[1]

Мы шли по улице Сабира,
Я, Сулейман и Кошкарлы;
Нам в этот час все судьбы мира
Казались радужно светлы.

Сверкал, дыша прибоем, берег.
Манил каштан прохожих в тень.
Мы по пути свернули в скверик,
Где только для влюблённых пери
Цвела персидская сирень.

Но пери что? – лишь дань легендам,
А как земной любви пример,
Сидел, сверкая позументом,
С девчонкой горный инженер.

Мы улыбнулись. Очень мило –
Морской простор, мечты, весна...
Такое с нами тоже было,
И мы, друзья, лишались сна.

Те дни, что в памяти хранимы,
Как на ковре цветной уток...
Чтоб не мешать влюблённым, мимо
Прошли и сели в «Холодок».

Подал буфетчик «Саперави»
Бутылку потную, со льда.
И то ль послышалось, то ль в яви
Шепнул мне кто-то: «Хабардар!»

[1] Берегись.

И слово за сердце задело,
Как птица посвистом крыла...
Я оглянулся:
В платье белом
Она, как лебедь, проплыла.

И, затаив на миг дыханье,
Смотрел я вслед – явленье грёз!
Глаза застлало колыханье
Её тугих, тяжёлых кос.

Заметил строгий взгляд богини,
Крутой разлёт её бровей,
И все, кого я знал доныне,
Поблекли сразу перед ней.

С тревожным трепетом каким-то
Я в руки взял стакан вина,
Спросив друзей тихонько: «Кимди?»[1]
Они ответили: «Сона»[2].

Благоухал цветник сиренью,
В фонтане искрилась вода,
Друзья, поняв моё смятенье,
Сказали вместе:
– Хабардар!

Откровенность

О, Сона, Сона,
Потерял покой,
У меня жена,
А сижу с другой.
Только больно мне,
Что-то горько мне,
Разве верностью
Платят так жене?
Как вернусь домой,
Что я ей скажу,
Если сам стихи
О другой твержу.

У Соны-ханум
Косы чёрные,
Брови ласточкой
Непокорные...
А глаза Соны –
Безо дна родник,
Как засмотришься –
И... утонешь в них.

[1] Кто это?
[2] Женское имя, в переводе на русский язык означает – русалка.

Может, больно мне,
Сердце колет грусть,
Оттого, что я
Этих глаз боюсь;
Может, стало так
Неуютно мне,
Что не знаю я,
Как сказать жене?

О, Сона ханум,
Голос твой хорош,
Сколько душ ещё
Ты с ума сведёшь?..
Звонкий бубен твой
Не меня ли звал?..
И таких чадрой
Магомет скрывал!

Как скажу жене –
Каждый вздох твой люб,
Позабыть нельзя
Трепет жарких губ.
О, Сона, Сона,
Ночь прошла без сна,
Скоро шесть утра –
Уходить пора.

Не могу никак,
Страшно стало –
Вдруг
Разорвать кольцо
Милых
Смуглых рук!
Я пробыл в Баку
Больше месяца,
Трудно так уйти,
Чтоб не встретиться.
У меня совсем
Помутился ум...
Не держи меня,
Джан Сона ханум!

Признание

Снова просится слово нежное
Заревым ветерком в строку...
У тебя в глазах ширь безбрежная
Голубых огоньков Баку.

Плечи хрупкие, тело гибкое,
Косы чёрные – до колен;
Нет, не песнями, не улыбками
Ты берёшь моё сердце в плен.

Песен много, улыбки разные
В жизни, что ещё к нам груба...
Ты и ясная, и не ясная,
Не моя и моя судьба.

Я хочу назвать тебя милою
И боюсь – ты страшней огня,
Красотой своей – женской силою,
Может статься, убьёшь меня.

Но сижу с тобой, всё поёт в душе,
Ты со мной, как никто, нежна,
Верю, что была вот такою же
Из заморских кровей княжна;

Та княжна, что, по древней версии,
Никому не желая зла,
К нам на Волгу из шумной Персии
С атаманом лихим плыла.

Думы с детских лет душу жгли мою –
Как он мог ту красу-княжну,
Ту любовь свою неделимую
Бросить в яростную волну?

Иль боялся так он её очей,
Что терял над собою власть?
Иль из ревности, чтоб была ничьей,
Утопил её, распалясь?

Эти гулкие дни, далёкие,
Застилает от нас туман,
В песнях девушки синеокие
Вспоминают княжну Мейран.

Сам видал – вечерами мглистыми
Выйдут стайкою на реку
И поют про большую, чистую,
Про любовь её к казаку.

Я в Мехмен-хане[1]. Ночь безлунная,
Ветер в окна бьёт на скаку.
Ты мне чудишься, пери юная,
В голубых огоньках Баку.

Сам с собою я разговор веду,
В чуткой, трепетной тишине –
На забаву ль тебе, на свою ль беду
Вспомнил вдруг о Мейран-княжне.

[1]В гостинице.

Знаю сам, душа, ни при чём тут ночь,
Знаю, пользы нет никакой,
Что в мечтах своих феодала дочь
Наделил такой красотой.

Не давали спать мысли вздорные,
Видно, вправду, я так люблю,
Что возьму твои косы чёрные,
Заплету их, скручу в петлю.

В добрый, может быть, и в недобрый час,
На себе я, как в скиф в плену,
Твой аркан волос, не смежая глаз,
Крепко-накрепко затяну.

Песня Кошкарлы

Коней стреножив, бросив сёдла наземь,
Собрав сушняк и разведя костёр,
Сидели мы, забыв усталость разом,
Пленённые таинственностью гор.
Синели в лунном отблеске отроги,
Пел Кошкарлы, стеля для всех кошму,
И мы в какой-то трепетной тревоге
Биеньем пульса вторили ему.

Вершины скрыты облачной чадрой,
Тропинки зарастают резедой,
Ручей манит прохладою лесной –
Прекрасны вы всегда весною, горы!
Как крепости, стоят – скала к скале,
Эйлагов[1] нет красивей на земле.
Картошку, испечённую в золе,
И дым костра люблю душою, горы!
Орёл парит, довольный высотой,
Луна блестит над каменной грядой.
Когда я покидаю край родной,
Не нахожу себе покоя, горы!

Я столько лет не видел горных тропок
Среди стремнин и старых мшистых скал;
Припомнишь разве, где был шаг торопок,
Когда впервые брался перевал?
Нам было всё равно – жара ли, снег ли,
И был ли кров у кромки ледников –
В огне костров на небе звёзды блекли,
И утро пело цокотом подков!

Публикация Ирины Озёрной

[1]Летние пастбища в горах Кавказа.

ИРИНА ОЗЁРНАЯ

Сона ханум – это я

Памяти моего отца, поэта Бориса Озёрного

Но крылит из столетья в столетье
Мысль, исполненная огня,
И фантазия щелкает плетью,
Погоняя веками коня.

Самед Вургун.
«Философия жизни»
Пер. с азербайджанского Б.Пастернака.

Вернувшись в Иерусалим из Баку, я долго не могла распрощаться с этим фантастическим городом. Количество впечатлений – всего-то, кажется, за неделю, но в течение которой невероятным образом на моих глазах вдруг произошло слияние веков и поколений, – зашкаливало. Попробую, выбрав главное, рассказать о том прекрасном безвременье.

Каждый человек, город, явление видятся мне в определённом цвете.

Какого цвета Баку? Золотистого. И это, несмотря на зелёное море и обилие всевозможного восточного разноцветья вокруг. Должно быть, безмерная щедрость солнечных лучей доминировала в моём цветовом восприятии этого прекрасного города. И если для Бориса Пильняка Баку – это город ветров, то для меня он – город, где парадом командует всемогущий Ра. Город солнца. Хотя такая разница в его восприятии носит, скорее всего, сезонный характер. А моё знакомство с Баку было озарено оголтелым августовским солнцем, жарившим напоследок перед приходом осени с её безумством ветров так, что иерусалимский зной вспоминался мне просто прохладой.

Прилетела в Баку я в середине августа 2023-го не только потому, что много лет мечтала посетить Атешгях и вскарабкаться на верхотуру Девичьей башни, заблудиться в легендарном лабиринте Старого города, окантованного зубчатым орнаментом крепостных стен. Потеряться в его улочках, тесных настолько, что влюблённые, гуляющие по ним, вдруг как-то неожиданно, но совершенно естественно, оказываются брошенными в объятия друг друга.

Вывод: золотистый Баку – город влюблённых.

И я тут же пополнила их ряды, влюбившись в Баку просто с разбегу! Влюбившись во всё здесь и всех! В дома, улицы, памятники, приветливые восточные лица исключительно красивых мужчин и женщин (других и не встречала); в национальный колорит и гостеприимство, оказываемое мне на каждом шагу; в музыку азербайджанского языка и какое-то очень органичное общегородское смешение стилей – восточного с европейским.

И тут сделан был ***второй вывод***: страстная и вдохновенная любовь к Баку может передаваться по наследству. Ведь главной причиной моего вояжа сюда было желание встретиться с городом, буквально обожаемым моим отцом, саратовским поэтом Борисом Озёрным, посвятившим ему лучшие стихи последних лет своей жизни, плюс великолепную, хоть, увы, и неоконченную поэму «Дочь Моряны», построенную на легенде из азербайджанского эпоса.

И потому теперь именно в Баку, более чем ощутимо, произошла моя новая и, возможно, главная встреча с отцом, которого я потеряла в таком раннем возрасте, что на физическом уровне не запомнила. То есть представить себе его я могу только

по фотографиям. А из реальных ощущений, причём детально осязаемых, мне вспоминается тепло его большой руки, в которой он крепко держал маленькую мою, гуляя со мной по городу. Незабываем обожаемый с тех пор типографский дух издательства, остро пахнувшего свежевыпеченными, зачастую ещё тёплыми книгами. Отец часто приводил меня в саратовское отделение Союза писателей, которое возглавлял. И мы с ним – рука в руке – торжественно поднимались на последний этаж Дома книги по парадной лестнице, украшенной чугунными балясинами с пятиконечными звёздами. В 1957 году он из Баку присылал мне, пятилетней, открытки с обещаниями, что, когда я подрасту, он обязательно возьмёт меня с собой в этот сказочный город, по улицам которого мы, как всегда, будем гулять вместе. Рука в руке.

Он трагически погиб в Астрахани в 1958-м по дороге именно в Баку, где собирался пожить некоторое время среди каспийских рыбаков, чтобы погрузиться в их быт и работу. Это казалось ему необходимым для окончания поэмы. Вся сюжетная часть её была уже сделана, и произведение выглядело вполне законченным. Но диктат времени требовал от писателя бесконечных доказательств того, что он, «инженер человеческих душ», является «сыном трудового народа»[1]. И я почти уверена в том, что эта творческая командировка была придумана отцом в первую очередь ради очередной встречи с Баку, Каспием, азербайджанскими друзьями, той ничем не заменимой ему атмосферой, всегда напитывавшей его и оборачивавшейся стихами.

Хожу по улицам Баку
Не час, не два, не три
И насмотреться не могу
Мне всё кричит: смотри!

Тот бакинский магнит, властвующий над ним большую часть его жизни, завладел им задолго до того, как состоялась его первая встреча с городом. Туда он мечтал попасть с детства, так как мать после гибели его отца, убитого в 1921 году бандитами, оставив десятилетнего сына на попечение деда, надолго уехала из-под Саратова на заработки в Баку. И в таком сложном и уязвимом подростковом возрасте мальчику, травмированному страшной смертью отца, пришлось несколько лет жить и без матери. Конечно, он рвался к ней, надеялся когда-нибудь погостить у неё, и потому непроходящая тоска по маме отождествилась у него с мечтой о Баку. Исходя из этого – ***вывод третий***: у моего отца любовь к Баку была сыновьей.

Через много лет, будучи уже известным поэтом, Борис Озёрный расскажет о своей неизлечимой тяге к обожаемому городу в стихотворении «Меня манил к себе Восток», посвящённом им Сулейману Рустаму:

Мне часто грезился Баку,
И возникал не раз во взоре
Венец огней на берегу,
Зеленоватый отблеск моря;
Я был на Каме и Печоре,
Но всюду грезился Баку.

Но мечта его осуществится только в 1929 году, когда он, восемнадцатилетний новоявленный агротехник Борис Дурнов (псевдоним Озёрный, ставший второй фамилией, возникнет позже), после окончания Садово-огородного училища под Саратовом, будет направлен на работу в Кировабад, как тогда назывался город Гянджа. А затем сжалившаяся наконец-то над ним судьба тут же перебросит его оттуда в подсобные хозяйства Бакинского транспортного потребительского общества. В Баку всё

[1]«Я, сын трудового народа» – название повести Валентина Катаева, изданной в 1938 г.

ещё жила его мать. И образ города, в котором враз закончилось сиротство юного поэта, навсегда объединит в себе его представления о возвышенном, прекрасном, женском, добром, родном, тёплом, то есть обо всём том, чего ему так не хватало в детстве. Именно в Баку он, атеист, крещённый в младенчестве, через обострившееся здесь понимание сути Материнства испытал на себе силу Божественного женского начала. Ведь не случайно древние называли Баку местом Бога.

Снова просится слово нежное
Заревым ветерком в строку…
У тебя в глазах ширь безбрежная
Голубых огоньков Баку.

Да, безусловно, Баку оказался судьбоносным городом для Озёрного. Ведь и стихи его впервые были опубликованы именно здесь: в 1932 году, в какой-то газете. И хоть в 1933-м он вместе с матерью вернулся на родину, в Саратов, где стал уже зарабатывать литературным трудом, точкой отсчёта его писательской деятельности, его alma mater являлся Баку, где, по его признанию, – «были песни недопеты». И, несмотря на преданность Саратову и фанатичную любовь к Волге, Озёрный всю жизнь скучал по азербайджанской столице и Каспийскому морю, по бакинским друзьям, восточному образу жизни и обычаям.

Я тосковал, друзья, недаром,
И был тоски моей исток
В том, что напев зурны и тары,
Как память юности, берёг.
Немолчным шёпотом чинары
Меня манил к себе Восток.

Именно в Баку Озёрный окончательно решил для себя, чем хочет заниматься в дальнейшем. А потому, вернувшись в Саратов, навсегда распрощался с профессией агронома. Устроился он в местное отделение Союза писателей, правда, пока ещё только на скромную должность инструктора по массовой работе. Работал журналистом в газетах и на радио. Участвовал в Советско-финской войне. Следом – в Великой Отечественной, во время которой – уже «в должности писателя» – служил в армейской газете «Вперёд за Родину». В 1942-м вышел его первый сборник стихов.

В 1944 году пребывание поэта на фронте резко закончилось. Он был контужен, после чего его лёгкие и гортань оказались поражёнными смертоносным бичом того времени – туберкулёзом. И до апреля 1945-го отец мыкался по военным госпиталям. Он выжил и написал множество стихов, сложившихся в его новый сборник «Рубежи», изданный в том же году. Из армии Озёрный был уволен в звании капитана и с инвалидностью второй группы.

По возвращении в Саратов он, больной и измученный, переживет новые удары судьбы: разрыв с первой женой и, самое горестное, смерть матери. Из-за того, что переселиться ему было некуда, он ещё какое-то время вынужден существовать под одной крышей с женщиной, ставшей ему чужой. Да и двум малолетним дочкам нелегко было сразу объяснить причину ухода. Ностальгическая тоска по Баку, вновь охватившая его по случаю смерти матери и семейному краху, не давала покоя и наводила на мысли о возвращении туда.

Почему он не переехал? Что задержало его в Саратове? Дети? Профессиональные перспективы? Волга? Ею он был одержим не менее, чем Баку. Думаю, что и то, и другое и третье.

Жизнь его понемногу наладилась. В том же 1945-м он был избран ответственным секретарём Саратовского отделения Союза писателей, который возглавлял с трёхлетним перерывом (из-за резкого ухудшения здоровья) по 1957 год включительно. Он, по словам прозаика Галины Ширяевой, буквально поднял писательскую организацию из руин, помогая старейшим её членам и привлекая в неё молодых талантливых литераторов, поддерживая их и словом, и делом. «Именно Озёрному, – вспоминала Ширяева, – Саратов обязан тем, что (к сожалению, уже после его смерти) в нашем городе начал выходить литературно-художественный журнал «Волга». Он хлопотал об открытии этого журнала долго и настойчиво»[1].

Вскоре у него появилась новая семья, в связи с чем он получил неплохое жильё в центре Саратова, куда меня и принесли из роддома. С моей матерью, еврейской красавицей, одарённым литератором и журналистом Розой Берлин, они были связаны и профессионально, потому этот брак оказался весьма гармоничным.

Судя по количеству и качеству выпущенных тогда отцом книг, он работал много и талантливо. В 1950 году было опубликовано два сборника его стихов: «У крутых берегов» и «Огни на стрежнях». Следующие – «На Волге» и «Волга – песнь моя» – вышли поочерёдно в 1954-м и 1955-м. Два издания –1947 и 1952 годов – его автобиографической прозы «Рассказы разведчика» были раскуплены мгновенно. Отдельные произведения и переводы с азербайджанского, грузинского, калмыцкого, туркменского, коми и других языков печатались в различных газетах, журналах, сборниках и альманахах.

В 1954 году отец, будучи делегатом Второго съезда советских писателей, встретился в Москве с замечательным и поистине народным поэтом Азербайджана Самедом Вургуном. О подробностях этой бесконечно радостной, плодотворной, настежь распахнувшей душу отца встречи, подробно рассказывают его стихи. Насколько близки были поэты раньше, история умалчивает, но только эта встреча, зеркально отразившаяся в стихах Озёрного, оказалась судьбоносной.

Вспомнил я нашу встречу –
Сидели тогда до рассвета,
Малость был тесноват
Для радушья восточного кров.
И читали стихи,
И курили безбожно поэты,
Проникая в глубокие
Тайны сердец и миров.

Это стихотворение, кроме художественных его достоинств, – огромная ценность для биографов и Озёрного, и Вургуна. Оно изобилует подробностями встречи и рассказывает о какой-то договорённости поэтов на будущее. Скорее всего, продолжение должно было стать не только дружеским, но и деловым.

Это было в Москве,
После съезда писателей вскоре.
Мы остались вдвоём.
Я мечтал о поездке в Баку…

Но встретиться им больше не пришлось – 26 мая 1956 года тяжелейшая болезнь всё же одолела Самеда Вургуна. На его похороны Озёрному, увы, приехать не удалось. Почему? Можно только предполагать. В тот год тучи над головой уже почти заслонили ему небо. Правда, пока ещё только почти.

[1]«Волга XXI век». 2015. № 9–10, с. 180.

Зависть, злоба соратников по перу, стремление подсидеть успешного руководителя и единственного в городе, по большому-то счёту, поэта, возведённые в степень постсталинских пятидесятых, обильно обгаженных анонимками, доносами, выкрикиваемыми на собраниях агитационными штамповками, привычно уже заменившими нормальную человеческую речь, идеологическая невменяемость во всём делали пространство возглавляемого им местного отделения Союза писателей безвоздушным и ядовитым. Судя по сохранившимся протоколам этих вакханалий, он вяло отбивался и, будучи одержимым созданием в Саратове межобластного журнала «Волга», скрепя сердце, терпел. В 1955 году председатель СП СССР Константин Федин поддержал идею Озёрного, разработавшего уже к этому времени схему создания «Волги». Федин писал ему: «Был бы рад и за всех саратовцев, за волжан, и за нашу литературу, если бы осуществилось намерение создать журнал по Вашей довольно стройной схеме...»[1]. Журнал «Волга», прочный фундамент которого был заложен моим отцом, появился в Саратове только через восемь лет после его гибели. Любопытно, что при этом имя основоположника и автора идеи не было даже упомянуто. Со временем слава создателя «Волги» целиком была присвоена другому писателю.

К марту 1957 года Озёрный, которому оставаться в Саратове стало совсем невмоготу, уже вовсю размышлял о переезде с семьёй поближе к Баку, в Астрахань. Его с нетерпением ждала тамошняя писательская организация, предлагавшая ему и жильё, и условия работы значительно лучшие, чем были у него в Саратове. Но неожиданно он попадает в омерзительную передрягу.

Как и большинство фронтовиков, Озёрный был человеком пьющим. И вот в начале марта 1957 года он оказывается в ситуации, схожей с описанной Высоцким в его «Балладе о правде и лжи»: «Часто разлив по сто семьдесят граммов на брата, / Даже не знаешь, куда на ночлег попадёшь». Ну и окончание этой стихотворной притчи в точности совпало с той действительностью, о которой пойдёт речь: «Глядь, а конём твоим правит коварная ложь». Казалось, история была вполне банальной: писатели разгулялись в ресторане и, напившись, стали расходиться по домам. Пьянствовали в этой организации, за редким исключением, все. Озёрный в подобных случаях, по рассказам мамы, обычно контролируя себя, так или иначе добирался до дома. А тут впервые не дошёл, оказавшись буквально в двух шагах от него. Причём не где-нибудь, а у обкома КПСС. Это место было особо охраняемым милицией. Недруги, мертвецки напоив отца, доставили его туда и бросили на тротуаре, откуда вскоре он был эвакуирован в медвытрезвитель. А далее – всё по канонам того времени: «Открытое письмо писателю Б.Ф. Озёрному» в газете «Коммунист», что явилось отличным поводом для обсуждения его на партсобрании как человека, порочащего «высокое звание советского писателя» и руководителя. Карательные меры торжественно завершились строгим выговором с занесением в личное дело. Тем самым чистая репутация Озёрного, как и у Правды в песне Высоцкого, оказалась «вымазанной… чёрной сажей» коллегиального предательства и лжи.

Мама говорила, что всё это было специально подстроено собратьями по перу. И не одна она так считала. Отец, по словам Галины Ширяевой, был очень мужественным и достойным «большим, красивым человеком»[2]. Она вспоминала, что, когда Озёрный «входил в крохотную каморку под крышей Дома книги, которую власти выделили для писательской организации, казалось, он готов был своими плечами раздвинуть тесные, тяжёлые двери этой каморки, разнести на куски тёмный, давно протекающий от непогоды потолок, чтобы открылось чистое небо… <Он> всегда болезненно воспринимал любые указания сверху, от чиновников: такого-то писателя считать хорошим, а такого-то – нет, такого-то идеологически выдержанным, а такого-то – нет»[3].

[1]Из письма К.А. Федина Б.Ф. Озёрному от 21 июля 1955 года // ГМФ. 527. Ф 5. KPN 59Ъ
[2]Цит. по: «Волга XXI век». 2015. № 9-10, с. 179.
[3]Там же.

Ширяева часто повторяла в разговорах и писала о том, что отец всегда протягивал руку литераторам, попавшим в трясину сталинизма, и делал всё возможное в попытках отстоять их. Она вспоминала, как Озёрный всячески поддерживал, вынужденного жить и работать в Саратове после десятилетнего пребывания в лагерях ГУЛАГа, знаменитого ленинградского литературоведа-пушкиниста, профессора Юлиана Григорьевича Оксмана, добившись в 1956-м его восстановления в Союзе писателей. «Сердцем он воспринимал все тяжкие обиды, приходящиеся на долю писателей того времени, не принимал всякого рода осуждения и оргвыводы, навязываемые тогда сверху»[1], – писала о моём отце Галина Ширяева.

Через два месяца после этого искариотского партсобрания Озёрный, окончательно уже решившийся распрощаться с Саратовом навсегда, едет по делам в Баку, где уже нет Самеда Вургуна.

Вот какая земля…
И тверда, и сурова,
А вокруг – тишина.
Хоть бы слово в ответ.
Слышишь?
Здравствуй, Самед!
Я пришел к тебе снова.
Я пришел
Повидаться с тобою, Самед!

Озёрный остро чувствует сиротство города, смешанное с его собственным одиночеством. Это уже не тот Баку, в который он так мечтал попасть после встречи с Вургуном в Москве. Отец вновь и вновь корит себя за то, что не смог разгрести дела и выбраться сюда при жизни Самеда.

Не успел… Опоздал…
Жизнь летучей звездой догорела…
Сколько б мог написать!
Оборвались мечты и дела…

Озёрный очень надеялся на то, что Баку станет ему, как всегда, отдушиной, а теперь ещё и лекарством от переживаний недавнего предательства братьев-писателей с его скверными последствиями. Но на этот раз город показался ему чужим.

«Что-то очень тяжело у меня на душе – словно камень висит, – пишет он 15 мая 1957 года в Саратов моей матери. – Живу все время в напряжении и беспокойстве. Надежды мои на Баку – не оправдались»[2].

Ясно, что без Самеда задуманные дела решались здесь значительно неповоротливее, да и «Расул Рза (*на его помощь Озёрный, по всей видимости, рассчитывал.* – **И.О.**) уехал на пленум СП, а оттуда поедет за границу», – сетовал он жене, продолжая о наболевшем: «…я опять подавлен морально. Здесь читали «Коммунист» и смотрят на меня косо, особенно в газете. Объяснять все – трудно, да, как я и убедился, незачем. Что доказывать?»[3].

Но его природный оптимизм, упрямство победителя и немеряная сила духа вновь помогли ему увидеть свет в конце тоннеля, во мраке которого он оказался. Всегдашняя привычка искать и находить выход из любой ситуации выручила и теперь. Вмиг отбросив назад все неприятности, он вновь начинает наслаждаться любимым городом своей юности, прекрасным майским Баку, где «теперь акации в цвету». И тогда к нему возвращается и Самед. О нём он думает здесь непрестанно.

[1]Цит. по: «Волга XXI век». 2015. № 9-10, с. 179.
[2]Из семейного архива.
[3]Из семейного архива.

Утро,
Майское утро над морем,
Солнце встало,
Вдали пролетел самолёт…
Салютует земля,
Ей гудки отзываются хором,
Это жизнь,
Дорогой мой,
О жизни и славе
Поёт.

«Что я решил? – сообщает он жене. – Написать два-три стихотворения, за которые ухватились бы, напечатали в газете, несмотря ни на что. Пять дней я прожил в Баку <…> сижу над стихами. Сегодня закончу стихотворение «Здравствуй, Баку!» Начну писать другие – о Самеде Вургуне»[1].

Мы ведь долго не виделись…
Горько и больно,
Разве так бы хотелось?..
Не слышишь…
Молчишь…
Только ветер летит
На морское раздолье,
Выбивая аккорды
На клавишах крыш.

Всё сбылось. Вдохновение вернулось к поэту. И большой восточный цикл великолепных стихов о любви к Азербайджану, к спасавшему его всю жизнь от невзгод Баку и двух пронзительных, посвящённых Самеду Вургуну, наполненных любовью и горечью утраты, были поначалу опубликованы в бакинских, саратовских, московских, ленинградских и других газетах и журналах, а через два года украсили лучший, но, увы, уже посмертный сборник Озёрного «Звёзды светят в пути», который он полностью подготовил, но издать не успел. И первый раздел книги – «Встречи», включающий в себя этот цикл, предваряет эпиграф из Самеда Вургуна:

«Весь я в будущем, в новом,
и мне все открыты пути».

Та удивительная, совершенно особняковая часть жизни Бориса Озёрного, связанная с Баку, полна загадок, мистических совпадений, отражений, параллелей, рифм, музыки и любви.

Кстати, о загадках. И о любви.

– Кто такая Сона ханум?!! – допытывалась моя мать у отца после появления его бакинского цикла стихов. В нём действительно слишком уж уверенно и горделиво, с полноценным правом обожаемой женщины, а не просто абстрактной музы поэта, существовала таинственная красавица Сона ханум. По ощущению – с натуры был написан её портрет. В стихотворении «Хабардар», – что в переводе с азербайджанского означает: «берегись!» – явно слышится просвист стрелы Амура. Или это поэт присвистнул от изумления, поражённый красотой и величием своей новой лирической героини? Сюжет этого стихотворения подробно автобиографичен. Его персонажи – известные люди.

[1] Из семейного архива.

Мы шли по улице Сабира,
Я, Сулейман и Кошкарлы…

Очевидно, что перечисленные попутчики поэта, с которыми «в этот час все судьбы мира / Казались радостно светлы», – это азербайджанские писатели: Сулейман Рустам, с которым отец был дружен с юности и посвятил ему стихотворение «Меня манил к себе Восток», и Орудж Кошкарлы.

И будто бы ничто не предвещало поэту беды, как вдруг:

В платье белом
Она, как лебедь, проплыла…

Его словно молнией поразил тот «строгий взгляд богини / Крутой разлёт её бровей». И все, кого он «знал доныне, / Поблекли сразу перед ней».

Прекрасная обладательница «тугих тяжёлых кос» была незнакома в этой компании только ему. Ведь на его вопрос: «Кимди?» (кто это?) друзья дружно ответили ему: «Сона!», тут же предупредив: «Хабардар!» Почему? Ответ – в сноске под этим именем, где говорится, что в переводе на русский язык оно означает «русалка». Видимо, друзьям была хорошо известна великая сила чар Соны ханум. Любопытно, что Чингиз Гусейнов в недавнем нашем с ним разговоре вдруг вспомнил, что в Союзе писателей Азербайджана конца 1950-х работала машинистка Сона ханум – красивая молодая женщина. Может, это и была та самая муза отца? Ведь классическое словосочетание «писатель и машинистка», издавна синонимически сравнявшееся с понятием адюльтер, до скучного традиционно в литературных кругах. Тогда легко предположить, что и сноска про русалочье значение имени – просто мистификация, весьма характерная для тех времён, была сделана для отвода глаз жены. Мол, это же сказка, поэтический образ! Кстати, забавно ещё и то, что в персидском, азербайджанском, туркменском и ряде других восточных языков имя Сона не переводится как русалка. В них оно означает: мудрая, красавица, прелестница, ценность, лебедь.

Но ведь имя Сона в Азербайджане – не редкость. И прототипом этой стихотворной «русалки» вполне могла быть и не секретарша вовсе, а какая-то другая «прелестница». Автобиографические вкрапления в стихи дают некоторую возможность угадываний и предположений.

Эта Сона ханум, то зовущаяся по имени, то безымянная «ты» или «она», безошибочно угадываемая по сопутствующему ей прикаспийскому антуражу, главенствует, по крайней мере, в десятке стихотворений Озёрного периода 1950-х. В стихотворении «Раздумье», например, точно указывается разница в возрасте автора и героини.

На пятнадцать лет меня моложе ты,
Весела, как иволга весной,
Ну, а мной уже полжизни прожито
Над крутой каспийскою волной.

А в пронзительнейшем стихотворении «Испытание» сквозь жар и плач израненной предательством души поэт обращается с волжского лесистого берега в сторону Каспия, взывая к своей бакинской музе, тянется к ней, молит о помощи.

Я бродил обросший, бородатый,
Слушая лесных артерий шум,
И готов был трубно, как сохатый,
Звать тебя в леса, Сона ханум.

Но съедали голос мой туманы,
Я шептал лишь на исходе дня:
– Ты ведь врач, Сона, ты лечишь раны,
Приходи и вылечи меня.

«Врач» здесь – скорее всего, метафора, а не профессия Соны. Хотя… кто знает?

Во всяком случае, это стихотворение напрочь разбивает предположение о мифичности Соны ханум, подтверждая реальность её существования в жизни отца.

Но далеко за морем была ты
И не знала, друг мой дорогой,
Как меня, бывалого солдата,
Недруг в душу ранил клеветой.

Итак, первое и очень яркое появление Соны ханум в бакинском цикле Озёрного 1950-х состоялось на подмостках его стихотворения «Хабардар». Именно на подмостках, потому что в целом эта любовная история поэта с его «русалкой», продолженная, судя по его посмертному сборнику, как минимум, десятком стихотворений, носит, конечно же, драматический характер. Но в книге они не собраны воедино, а рассредоточены по сборнику.

Почему?

Явно потому, что поэт не послушался предупредивших его об опасности друзей и, не раздумывая, кинулся в ту, разом накрывшую его с головой, оглушительную волну любви, в разбушевавшуюся стихию страсти. Об этом он безудержно, как утопающий, зовущий на помощь, кричит на всю округу в своих нескрываемо исповедальных стихах.

Как скажу жене, –
Каждый вздох твой люб,
Позабыть нельзя
Трепет жарких губ.

О, Сона, Сона,
Ночь прошла без сна,
Скоро шесть утра –
Уходить пора.

А вот в следующей строфе этого стихотворения «Откровенность» обнаружилось ещё одно подтверждение моей догадки.

Только его черновик (авторизованная машинопись) сохранился в нашем домашнем архиве. И единственным в нём фактом разночтения с опубликованным вариантом текста является вторая строчка последней строфы.

В рукописи её начало выглядит так (курсив мой):

Не могу никак
Встать с кушетки,
Вдруг
Разорвать кольцо
Милых
Смуглых рук.

А в сборнике, опубликованном мамой после смерти отца, эта строчка была изменена. В связи с чем и строфа, и стихотворение в целом приобрели более невинный характер.

Не могу никак,
Страшно стало –
Вдруг
Разорвать кольцо
Милых
Смуглых рук.

Кем это было сделано? Самим ли отцом в несохранившемся беловике, чтобы успокоить жену, допытавшуюся: кто такая Сона ханум? И так уже слишком много лишних подробностей он позволил себе в этом стихотворении: «ночь прошла без сна… шесть утра… кольцо милых смуглых рук… совсем помутился ум», а тут ещё и такой вещдок, как кушетка!

Кстати, в следующем сборнике отца – «Голосом сердца» (1962), целиком уже составленном мамой по её усмотрению, стихотворение «Откровенность» отсутствует вовсе.

Конечно же, первое, что приходит в голову при беглом знакомстве с Соной ханум в стихах Озёрного, – это продолжение восточных поэтических традиций или сопоставления её с есенинской Шаганэ. Мол, собирательный образ, какая-то красавица бакинка, «как лебедь» проплывшая» однажды мимо него и поразившая воображение, явилась первопричиной дальнейших фантазий поэта. Дескать, этакую идеальную восточную женщину сочинил он себе в стихах – прекрасную, отвечающую ему взаимностью, умную, манкую, понимающую его во всём и способную залечивать душевные раны.

Да, Озёрный был в своей лирике поэтом есенинского толка. Да, он был увлечён наполненной любованием восточной поэзией, в частности, лирикой Саади, Низами и Вагифа. Но стихи с присутствием в них Соны ханум по своему распахнутому настежь драматизму и живому, разрывающему на клочки душу накалу страстей, больше ассоциируются, к примеру, со знаменитой историей любви в цветаевских стихах и поэмах середины 1920-х, адресованных лицу не называемому, но реально существовавшему в жизни поэта.

Автобиографические подробности и обжигающие жаром невыдуманной любви строки выдают тайну Озёрного.

Я пробыл в Баку
Больше месяца,
Трудно так уйти,
Чтоб не встретиться.
У меня совсем помутился ум…
Не держи меня,
Джан Сона ханум!

Или такие:

Не давали спать мысли вздорные,
Видно, вправду, я так люблю,
Что возьму твои косы чёрные,
Заплету их, скручу в петлю.

В добрый, может быть, и в недобрый час,
На себе я, как скиф в плену,
Твой аркан волос, не смежая глаз,
Крепко-накрепко затяну.

Ну, никак не мог мой отец, волжский поэт Борис Озёрный, русский по паспорту, но скиф по самоощущению – недаром борода у него росла двумя клиньями, не говоря уж о небольшой, но очень знаковой горбоносости, скуластости и лёгкой азиатской раскосости глаз; немеряном свободолюбии и независимом характере – да, не мог он не влюбиться намертво в обожаемом им Баку. Насколько мне известно, он не славился донжуанством, и мама была абсолютно уверена, что он ей никогда не изменял. Видимо, именно поэтому он, ненавидевший ложь, так и страдал, околдованный «русалочьими» чарами Соны ханум.

Так ведь Баку Озёрного – это фантастическое место, где «ряды недремлющих чинар» хранят «в тиши покой влюблённых пар»! А потому невозможно человеку, познавшему душу этого города, не влюбиться в нём самому.

И не случайно поистине народный поэт Самед Векилов выбрал себе псевдоним – Вургун, что в переводе означает – влюблённый.

К тому же совсем не случайно и то, что правнука поэта, виртуозного пианиста, известного в мире с его юных лет, назвали Вургуном. Псевдоним знаменитого прадеда обернулся именем изысканного музыканта, безоглядно влюблённого в красоту, а потому и создающего её с помощью великой музыки, волшебно извлекаемой им из клавиш. А ещё Вургун Векилов – директор Дома-музея своего прадеда Самеда, созданного в его просторной бакинской квартире. Трудно себе представить, как знаменитому, часто концертирующему музыканту удаётся выкраивать время и для этой работы. Но имя прадеда священно для его Влюблённого потомка. В этом на редкость живом музейном пространстве, сохранившем дух дома и его творческую первооснову, вдруг ловишь себя на том, что вот-вот откроется дверь и шагнёт навстречу тебе гостеприимный хозяин, Самед Вургун.

И вошёл Вургун. И пригласил к столу. И напоил чаем. Конечно, это был другой Вургун. Но тоже Векилов. Член знаменитого клана, развесистое родословное (и родослАвное) древо которого гордо раскинуло «ветви, полные… листьев»[1] на музейной стене.

Мне не известно, бывал ли когда-нибудь в этой квартире мой отец. Но в тот момент, когда мы пили чай за семейным столом в гостиной и я рассказывала о нём и читала его стихи, посвящённые Самеду, мы с Вургуном одновременно почувствовали присутствие рядом наших с ним предков. «Crede aut non[2]»! – неожиданно вспомнилась мне латинская поговорка. «До мурашек! – подтвердил это, взглянув на меня Вургун. – Мы чувствуем одинаково».

[1]Из «Зависти» Ю.К. Олеши: «ветвь, полная цветов и листьев».
[2]Хочешь верь, хочешь нет.

Стихотворение Озёрного «В день прощания» заканчивается строками:

Пойдём на могилу к Самеду,
Почтим его память, Сона!

И далее события, совершенно неожиданно, стали стремительно развиваться согласно этим строкам отца, будто это был сценарий или указание к действию. Именно в музее, читая их, я почувствовала, что они обращены ко мне. «Сона ханум – это я!» – сказала я Вургуну Векилову. И спросила его: «Пойдём на могилу к Самеду?»

И мы пошли. И, стоя рядом с правнуком поэта у величественного монумента из чёрного лабрадорита, вглядываясь в бронзовое лицо Самеда Вургуна, я прочла ему это стихотворение отца. В нём есть такие строки:

Я знаю, что жизни нет края,
Умрёт всё, что стало старо,
Но только поэт, умирая,
Как лебедь, роняет перо.

И опять мистика! Две строчки стихотворения, написанного Борисом Озёрным на смерть Самеда Вургуна, обернулись эпитафией для их 49-летнего автора. Поэты умерли с разницей в два года. Один из них покоится в Баку на Аллее почётного захоронения, другой – на центральной аллее Воскресенского кладбища Саратова, неподалёку от могил писателя и революционера Николая Чернышевского и учёного-генетика Николая Вавилова. А на памятнике Бориса Озёрного, сделанного точно из такого же чёрного лабрадорита, что и монумент Самеда Вургуна, выбиты строки, объединившие поэтов и после смерти.

…только поэт, умирая,
Как лебедь, роняет перо.

Накануне моего отъезда из золотистого города влюблённых – Баку, Вургун Векилов подарил мне сборник своего прекрасного прадеда. И подписал его так: «В честь той магической связи между нами, которая была рождена ещё Борисом Озёрным и Самедом Вургуном!»

ИРИНА ОЗЁРНАЯ

Поэт, эссеист, литературовед. Окончила филфак Саратовского государственного университета. В Москве работала научным сотрудником в ЦГАЛИ СССР (ныне РГАЛИ), Институте мировой литературы им. А.М. Горького, завлитом в Московском театре «Эрмитаж».

Область научных интересов – русская литература первой половины XX века. Биограф и исследователь творчества Юрия Олеши.

Автор сборника «По ходу жизни» (Иерусалим, 2015) и многих публикаций в российских и зарубежных изданиях: «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Огонёк», «Современная драматургия», «Театр», «Минувшее» (Париж), «Иерусалимский журнал», «Дерибасовская-Ришельевская» и др.

Член Союза писателей Москвы.

С 2014 г. живёт в Иерусалиме.

ЗЕМЛЯКИ

АНАР БАДАЛБЕЙЛИ

ПОМОЛВКА

1

Он проснулся задолго до звонка будильника в телефоне. В субботний день, как обычно, можно было бы и поспать подольше, но сон куда-то испарился. На душе было неспокойно.

– Что же мне такое снилось? – вновь и вновь спрашивал он себя, прикрывая глаза и силясь восстановить в памяти то ли кошмар, то ли приключение, пережитые во сне.

Он всегда видел сны. Пожалуй что каждую ночь. Только какие-либо общепринятые вещие предсказания вроде того, что младенец – это к хорошей новости, а вода – к благоприятному течению дел и событий, никогда не сбывались. Кроме одного сюжета: отец... Покойный отец являлся ему в снах очень редко. Но если это случалось, то – не раз было проверено – это был сигнал. Он как будто предупреждал его остерегаться чего-то или быть готовым к неприятностям.

– Ну, конечно, отец! – зацепился он, наконец, за хвостик ускользнувшего было сновидения. – Я видел его, вот почему так маятно на душе. Что же может случиться? О чем он меня предупреждает? Главное сегодняшнее событие – сватовство дочери. Неужели с этим как-то связано? Но тут уже месяца три, как все было решено и заранее спланировано, оставалось только в лучших традициях поэтапно соблюсти все матримониальные ритуалы. Нет, наверное, что-то другое...

Сознание его медленно возвращалось из сна в реальность, выстраивая цепочку недавних событий наяву. Он стал перебирать в голове события вчерашнего дня. Было совещание на работе, которое пришлось проводить ему, заместителю гендиректора известной в Баку частной немецкой клиники, так как шеф был в командировке, и на котором произошла неприятная перепалка между двумя завотделениями. «Это, как минимум, неуважение с их стороны ко мне, – подумалось ему. – Будь шеф на месте, они себе этого не позволили бы». Затем был прием пациентов, – один день в неделю он сам, как лечащий офтальмолог, принимал больных с тяжелыми случаями, – и вчера, кстати, обошлось без единого инцидента. А закончился день в ресторане банкетом по случаю дня рождения его друга (где он, конечно, перебрал, о чем сейчас организм во весь голос напоминал ему), где все прошло мирно и весело. В общем, в голову не приходило ничего такого, что могло бы предвещать беду. «Надо вставать и ехать в бассейн, – решительно перебил он свои же размышления. – Вода меня исцелит. Вечером надо быть в идеальной форме. Сегодня знаменательный день – помолвка моей доченьки, моей единственной».

Все еще долеживая в постели до позывных будильника, он стал вспоминать яркие моменты ее жизни: первые шаги, первые смешно исковерканные слова, сказанные ею, первый класс, поступление в институт… Она всегда была умницей, хорошо училась, любила читать и рисовать, сама каким-то образом освоила фортепиано и подбирала на слух любые известные песни. В ее манере держаться, в умении подать себя в разных компаниях с разными людьми была та изюминка, которую ценила вся родня и за которую все ее любили и гордились ею. Только когда и как это успело произойти, что она вдруг стала взрослой, он не мог понять.

Но что он точно понимал – это то, что ее красота, воспитание и прекрасное образование обязывали его быть более чем взыскательным тестем для будущего зятя.

Резко зазвенел будильник на мобильном, окончательно приземлив его в окружающую действительность. Откинув одеяло, он медленно поднялся, сел на кровати и отключил его. Постель со стороны жены была пуста, хотя по будням обычно бывало наоборот. «Уже колдует на кухне», – подумал он и отправился в ванную комнату.

2

День был пасмурный, тихий, безветренный – по-обычному прохладная середина ноября. Он любил такие дни, особенно в выходные. Природа, как будто замерев, притаилась, прислушиваясь к себе, не понимая, что же с ней происходит – «не слишком ли тихо вокруг, так ли она себя ведет, как надо, не следует ли ей выкинуть фортель с дождем и ураганным ветром?» Лучше всего в такую погоду сидеть себе у камина на даче с какой-нибудь книжицей, временами поглядывая на часы, прислушиваясь к женской суете на кухне и предвкушая полагающиеся к обеду в холодное время года дюшбару или хингал; а в это время за окном неприветливая равнодушная неподвижная хмарь тем быстрее насыщается серым, чем ближе сгущаются сумерки. «Даст Бог, в выходные можно рвануть и на дачу», – подумал он.

Выезжая со стоянки на своем недавно доставленном из Германии новом внедорожнике, он сладко поежился от нахлынувшего на него состояния блаженной радости. У него есть все, что нужно мужчине: работа, семья, дети, достаток, уважение в обществе, статус успешного человека. От ночного сновидения уже не осталось и следа.

Конечно же, он задействовал связи, обратился к нужным людям, чтобы вскрыть всю подноготную семьи соискателя на руку его дочери. Выяснилось, что семья эта весьма уважаемая. Отец жениха – большой чин в МВД, мать – доцент в мединституте. Да и прочие родственники были в относительном достатке и неплохо устроены по жизни.

Но решающим фактором было то, что его доченька, которая уже отказала двум достойным, как всем казалось, женихам, в этот раз была уверена в своем выборе и желании выйти замуж за молодого врача. Конечно, она не могла не понимать, что сие профессиональное обстоятельство с энтузиазмом будет воспринято в семье медиков. И это с самого начала придавало ей уверенность в обсуждениях с родителями ее будущего.

Бассейн и сауна отлично справились с его недугом, оставив от утреннего похмелья смутные воспоминания. Выйдя из спорткомплекса в великолепном расположении духа, он решил заехать на базар, чтобы прикупить пару-тройку деликатесов к вечернему застолью.

Базаров всего-то в городе осталось раз-два и обчелся, из числа роскошных традиционных восточных базаров – да и те на окраинах города, куда съездить не всегда хватает времени. Многие снесли и возвели на их месте новостройки, на первых этажах которых, как правило, располагаются заменившие базары разнокалиберные маркеты. Оставив машину поближе к входу, он вошел внутрь. Взглянув на огромный старый циферблат под одним из арочных потолочных сводов, он настроился на неторопливую обстоятельную прогулку по торговым рядам.

Проведя на рынке больше часа и совершив нужные и совсем не нужные покупки, он с помощью проворного носильщика разместил все это под сеткой багажника машины и, щедро расплатившись с парковщиком и раздав оставшиеся мелкие деньги просящим милостыню, выехал по направлению к дому. Доехав до первого красного светофора, он подключил через телефон свой любимый альбом саксофониста Яна Гарбарека «Ragas and Sagas».

На протяжении лет двадцати пяти, с тех пор, как он отдал предпочтение фолк-джазу, как направлению, он не изменял этой музыке, она никогда ему не приедалась. Он не спешил, пропуская вперед машины и останавливаясь перед каждым пересекающим улицу пешеходом. Осознание значимости этого дня постепенно наполняло его, и он не хотел упустить каких-либо нюансов своего меняющегося состояния, внимательно прислушиваясь к своим мыслям, воспоминаниям, ассоциациям. Он даже не заметил, что на дорогу, которая в это время дня заняла бы обычно минут пятнадцать, ушло около получаса.

Квартира обдала его теплом и букетом пряных ароматов – разнообразных сладостей сегодня должно быть много. С кухни доносилось женское многоголосие, прерываемое временами взрывами смеха. «Уже собрались», – подумал он и быстро прошмыгнул на свою приватную половину квартиры. Сразу за ним появилась жена.

– Уже пришел?.. Ты так исчез, а я хотела тебя попросить купить кое-что…

– Может быть, я уже и купил… А Али где?

– Позвонил, сказал, что у него колесо спустило, задерживается. Но сейчас, наверное, уже внизу.

– Совсем обнаглел, уволю его к чертовой матери…

– Только ты тогда сначала другого нам подыщи, не наглого, но, чтоб и в праздники, и в выходные, как Алик… – полушутя заступилась она за водителя. – Ты как себя чувствуешь, дорогой? – она нежно слегка развернула к себе его голову, чтобы по-докторски заботливо заглянуть ему в глаза.

– Уже огурец! Кстати, принеси мне что-нибудь перекусить в кабинет.

– Хорошо. Выйдешь, поздороваешься? Мои сестры здесь, а твоя Нара раньше всех тут с утра, тебя все время спрашивают.

– Да я уж слышал, как вы там веселитесь. Аж завидно стало. Сейчас переоденусь, приду. А ты с едой поторопись!

– Самир, несу уже!

Переодевшись, он вышел на кухню и тут же попал под шквал объятий и поцелуев. Все представительницы женского легиона во главе с его тещей наперебой стали стучать по дереву, сплевывать через плечо, дергать себя за ухо, призывать Всевышнего, чтобы благоволил будущей семье и позаботился о ее потомстве. Он с благодарностью выслушал все пожелания, после чего поспешил в свой кабинет, где его ждал долгожданный горячий завтрак.

Смакуя крепкий кофе, он пролистывал томик Омара Хайяма, освежая в памяти стихи и афоризмы, которые могли ему сегодня пригодиться за вечерним застольем. В дверь тихо постучали.

– Папочка, можно? – сказала она, прежде чем полностью открыть дверь и заглянуть в кабинет.

– Заходи, родная, заходи, – с воодушевлением сказал он, вставая из-за стола.

Они обнялись, покачиваясь из стороны в стороны.

– Папочка, я так тебя люблю. Я так тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, больше жизни люблю. Если б ты знала, как я радовался, когда ты родилась. Представляешь, все думали, дураки, что я расстроюсь, что ты не мальчик. А мне бы и в голову не пришло расстраиваться. Я, правда, был так счастлив! А когда мама тебя в окно показала, то я заплакал. И я так этому удивился! Я даже не вспомнил, когда плакал до этого в последний раз. В каком-то глубоком детстве, наверное.

– А потом?

– Что, потом?

– Больше никогда не плакал?

– Нет, конечно! Ну… уже только, когда бабушки не стало.

– Аллах рахмят элясин. А я, что, правда так на нее в юности похожа?

– Ты очень на нее похожа. Я иногда прямо вздрагиваю. Только ты уж живи долго, пожалуйста! Задача ясна?

– Обещаю!

Они крепко обнялись, закрыли глаза и застыли на какое-то время, потом сели рядышком на диван, все еще не отпуская друг друга.

– Ну, что, ты готова?

– Да!

– Хоть бы паузу выдержала… для приличия, – сказал он с ироничным укором. Она так же игриво-смущенно улыбнулась и зарылась в его подмышку.

– Ну, па…

– Ладно, ладно, родная… Я почти пошутил, – она весело хмыкнула и заулыбалась еще шире. – А ты будь счастлива и знай, что на этом белом свете нет для меня родней и ближе человечка, чем ты. И раз уж ты его выбрала, то и он станет для меня родным.

– Я уверена, он тебе понравится. Знаешь, как все его уважают в клинике?! От пациентов отбоя нету, и все говорят, что он доктор от Бога!…

– …Пап, я хотела тебя попросить, – продолжила она после маленькой паузы, которая понадобилась ей, чтобы переменить тему на более серьезную.

– Конечно, дочка, проси, что хочешь.

– Я хочу, чтобы ты очень четко обговорил с ними один момент. В общем, что они не будут мне препятствовать пройти интернатуру за рубежом. Ни под каким предлогом! Тем более, эти расходы все равно берет на себя мой отец. Да ведь?

– Конечно, солнышко. Это моя мечта, чтобы ты стала знаменитым врачом. Тем более тебе есть, в кого. Так что за это не волнуйся, вопрос обозначим очень четко, – повторил он ее словечко.

В тот момент, когда она опять потянулась его обнять, в ее кармане завибрировал телефон. Она быстро поцеловала его в щеку и выпорхнула из комнаты.

Он хотел было усмехнуться тому, что его губам, вытянутым для поцелуя, осталось чмокнуть лишь воздух, но вместо этого почти физически ощутил резкую короткую боль. Мысль, которую он старательно и успешно отгонял от себя в последнее время, все-таки предательски подкралась в неожиданный момент и застала его врасплох, заставив покрыться холодным потом. Он был всецело сосредоточен на том, что замужество дочери – это светлая радостная веха в их семейной жизни, что совсем скоро он станет дедушкой, а его жена, Амина, станет молодой еще, красивой, полной сил, бабушкой, что вообще в традициях мусульманского востока девушка или женщина непременно должна быть при муже, и желательно с этим не затягивать, и что одинокая женщина, будь она даже вдовой или разведенной женой, вызывает в обществе сочувствие, а порой и скрытое подозрение… Сколько раз он спокойно и уверенно убеждал в этом и себя, и жену, и саму их дочь! И вдруг в одно мгновенье его воображение пронизала эта самая мысль, которая кажется банальной, пока не коснется тебя самого; мысль, что он навсегда отдает свою Айку, свою малышку, в другую семью, что частота их встреч и общения отныне будет обусловлена новыми, неведомыми пока обстоятельствами, что он не в силах будет защитить ее в трудных ситуациях просто потому, что может о них никогда не узнать, что от него больше не зависит ее судьба. Так вот что это была за боль, – это был секундный страх, страх неминуемой пустоты, сродни той осязаемой пустоте на диване, где только что они сидели в обнимку вдвоем с дочерью…

– Я там тебе все приготовила переодеться, не медли, вдруг они раньше придут, – сказала Амина, которая заглянула к нему в не успевшую закрыться за Айкой дверь. – И обязательно надень часы, которые я тебе подарила на Новый год, как их там, все время забываю?.. Ммм… а, «Убло», что ли?..

Он ничего не ответил, только мотнул головой и послал ей воздушный поцелуй.

3

Стол, покрытый белоснежной шелковой скатертью ручной работы, был вызывающе торжественен своей пустотой. Он сам был похож на невесту, ожидающую своего суженого. Гости обходили стол стороной, оберегая его целомудренную неприкосновенность до прихода сватов. Все кучковались у журнального стола, опоясанного помпезными диванами с упругими мускулистыми подушками. «Все» – это он сам, два его двоюродных брата, Закир и Заир, и друг детства Нариман. Он с пристрастием оценивал их внешний вид и поведение: осознают ли они в полной мере всю важность момента или для них это очередной благоприятный повод для праздничного застолья... «Да нет, они безупречны, и не стоит быть столь придирчивым к своим самым близким людям, ведь это и для них был ответственный знаменательный день!» – устыдился он своих сомнений. Все были в приподнятом настроении, шутили, смеялись, настраивая камертон сегодняшнего события. Мужчины были одеты с иголочки, в парадные костюмы. Бабочки, шейные платки «фуляр», заколки, браслеты, перстни, дорогие часы создавали ослепительный антураж. Что уж говорить про женщин, которые сверкали в прямом и переносном смысле, учитывая вечерние наряды и внушительные караты, вдохновенно подобранные по нынешнему поводу! И никто, разумеется, не поскупился на количество вылитой на себя парфюмерной продукции, поэтому воздух дурманил смешением различных изысканных ароматов. «Да, подготовились основательно, от души», – не без гордости за свою команду подытожил он.

Кто-то предложил немного «подкрепиться перед боем», и на столе сразу появилась бутылка Курвуазье. Закир на правах старшего брата произнес тост за семью, за старейшин рода, за преемственность поколений... Женщины, суетясь, сновали туда-сюда, меняя стаканы с чаем, расставляя десертные тарелки, поддерживая мужчин в их коньячной разминке.

– А что, хорошо пошло! – сказал Закир, смакуя последний глоток.

– Главное, успеть убрать со стола, пока они не зашли, а то, увидев наши эклеры, они решат, что мы уже согласны, – пошутил Заир и заслужил всеобщий дружный смех. Он был младше Закира на три года, но так уж сложилось, что с определенного возраста перешел в статус старшего. Работая главврачом в центральной клинической больнице, он имел обширные связи, которыми умело пользовался. Именно благодаря этому его старший брат Закир сумел сделать успешную карьеру на госслужбе и дорос до должности замминистра здравоохранения. Нетривиальным было то, что женаты они были на двух родных сестрах, причем Заир был женат на старшей из них, а Закир – на младшей. Братья всегда были близки и дружны. А вот между сестрами после замужества неожиданно возникло соперничество. От хорошей жизни, – а иначе чем это еще объяснить, – они вдруг увлеклись состязанием, стараясь перещеголять друг друга в количестве брендовых драгоценностей, семейных автомобилей, квартир, дач, круизных путешествий и т.д. Это можно было бы списать на безобидные женские причуды, если бы тень этих разногласий с недавних пор не стала прокрадываться в, казалось, незыблемые отношения их мужей. Хотя до критического рубежа, когда уже необходимо, как говорится, «шерше ля фам», пока вроде бы не доходило.

– Ну, что, еще по одной? – спросил Нариман, потянувшись к нарядной бутылке.

– По-моему, надо притормозить, – сказал он.

– А, вот так, да?.. – ехидно отреагировал Нариман. Его хитроватый, такой знакомый собравшимся взгляд говорил о том, что у него на языке уже вертится какая-то веселая история…

С Нариманом они росли в одном дворе. Нариман был из филологической семьи, и звание «профессорский сынок» не отстало от него даже тогда, когда его отец стал академиком.

Они вместе закончили медицинский, вместе были на армейских сборах, и это сцементоровало их дружбу на всю жизнь. Нариман был из тех, кому в жизни все дается легко, играючи. Никогда он, кажется, не унывал и не жаловался: как будто и вправду было не на что. Он был ненавязчив, но в любых непростых ситуациях всегда оказывался рядом. Эти легкость и надежность Наримана нельзя было не ценить, они задавали планку в их дружеских отношениях, которой и он сам старался соответствовать.

– Когда я был на практике в Шеки, – продолжил Нариман, начиная оправдывать ожидания публики, – был у меня дружок Мардан, режиссер местного драмтеатра. И вот у них долгожданная премьера – «Лейли и Меджнун». А актера, который должен играть отца Лейли, прямо из театра увезли на «скорой», потом оказалось, аппендицит. Что делать?! А там сцена, где он отказывает отцу Меджнуна и говорит только одну реплику: «Нет». Вся роль. Плюс костюм. Но кто-то же должен был это «сыграть»! Марданчик в отчаянии. Вдруг на сцене страшный хлопок раздается, оказывается, это прожектор лопнул. Прибегает электрик Юрик, чтобы лампу заменить. Мардан смотрит на него: ну, вылитый отец Лейли, то есть комплекция – один в один! А Юрик был большой любитель: пил всегда и беспробудно. Правда, у него был своеобразный метод, чтобы привести себя в рабочую форму перед спектаклем. У него была такая специальная вилка, он ее так: раз в розетку, благо, напряжение тогда было 127 вольт, его, естественно, тряханет, и через несколько секунд он уже трезвый, как стеклышко! Опять же, на закуске какая экономия! Мардан ринулся к нему, будешь, говорит, сегодня на сцене выступать. Выручишь? А это, отвечает Юрик, зависит от вознаграждения. Мардан говорит: ну, понятное дело, с меня бутылка коньяка. В общем, Юрик согласился, надели на него костюм, наклеили бороду. После первого звонка Юрик подходит к Мардану: налей, говорит, для храбрости. Мардан говорит: нет, нет, нет, только после спектакля. Юрик, значит, после второго звонка с тем же самым к нему подходит. Мардан ни в какую. Перед самым началом Юрик подходит и говорит: «Если ты мне сейчас не нальешь, клянусь, выдам Лейли за него замуж и даже глазом не моргну, посмотрим, что вы во втором акте будете делать!»

– Ну, и что твой режиссер, налил ему? – спросил давящийся от смеха Закир.

– Пришлось уступить пролетариату, – победоносно закончил свой рассказ Нариман, выжидающе глядя на хозяина дома.

На фоне очередной волны хохота Самир взял бутылку, прищурившись, оценил количество напитка и ровно распределил остаток коньяка на четыре фужера.

– Друзья мои, – начал он, укрощая смех и пытаясь деликатно растворить шлейф уморительной наримановской истории, – на самом деле это более или менее решенный вопрос. Предварительно все вы знаете, что за семья сватает мою дочь, сегодня надо просто на высшем уровне, как говорится, соблюсти формальности, – он поднял рюмку, намереваясь произнести тост за всех холостых и незамужних детей присутствующих, как зазвонил дверной звонок. Все встрепенулись, быстро выпили и стали оправляться, вставая со своих мест.

– Я открою, – сказала Амина, – а вы садитесь за стол…

– Давайте, садитесь уже, – сказал он, сам усаживаясь во главе стола. – А они пусть сядут напротив окна, чтобы мы их лучше видели.

4

Через некоторое время сваты стали по очереди осторожно заходить в залу. Переминаясь с ноги на ногу и здороваясь, они оглядывали хозяев и интерьер помещения, как если бы оценивали диспозицию противника, лица их были напряжены. Он встал и подошел к первому вошедшему в комнату моложавому мужчине приблизительно его возраста. «Наверное, это его отец», – подумал он.

– Самир, – представился он, пожимая руку гостю.

– Рамиз, я дядя, брат отца нашего мальчика, нашего Эмина.

Вслед за ним он пожал руку второму мужчине, очень похожему на первого, но более грузного.

– Эльчин, я отец, рад познакомиться, очень рад, – тряся двумя руками его руку, Эльчин слегка заискивающе улыбался. Отойдя немного в сторону, он обернулся к двери, чтобы представить следующего члена делегации, но никто не появился.

– Аксакал, ну, где ты? – с натужной веселостью крикнул он в направлении прихожей и оглянулся на Самира.

В эту секунду в дверном проеме появился молодой человек лет двадцати пяти.

– Это ваш аксакал? – не отказав себе в удовольствии поиронизировать над ситуацией, спросил Самир.

Все, включая Эльчина, засмеялись, и обстановка была несколько разряжена.

– Это мой младший сын Азад, будущий, надеюсь, аксакал, – поддержал шутку Эльчин и положил руку на плечо сыну. – Вот, поздоровайся, сынок, это Самир-муаллим, он... – Эльчин запнулся, не зная, каким статусом более тактично следовало бы обозначить его в представлении сыну, так как официального взаимного согласия двух отцов еще не было.

В этот момент в гостиную вошел человек примерно семидесяти пяти-восьмидесяти лет, весьма солидной наружности, с шикарной копной седых волос, зачесанных назад, и такой же белой бородой-эспаньолкой.

– Здравствуйте, молодые люди, – пробасил он с отеческой теплотой и решительно направился к Самиру, затем резко притянул его к себе и плотно заключил в свои объятия. Потом, прижимая руку к груди, он с каждым в отдельности поздоровался внятным кивком головы и стал усаживаться на указанное Самиром место, уже более пристально осматривая сидящих за столом.

Следом в гостиную вошел еще один молодой человек в очках с большими диоптриями. Держался он достаточно уверенно и раскованно, соответствуя своему авантажному виду. Впрочем, все гости были одеты с лоском и шиком и составляли в этом пункте достойную конкуренцию принимающей стороне.

– Самир-муаллим, разрешите представить вам сына моей сестры Кямала, – сказал Эльчин. – Он является ответственным лицом в структуре Национального банка.

Легкий кивок Кямала в адрес присутствующих выражал одновременно и приветствие, и извинение, поскольку, сев в конце стола, он тут же начал что-то активно набирать в своем телефоне.

После дежурных расспросов о здоровье, о благополучии и рассуждений о погоде Эльчин с молчаливого согласия аксакала взял слово.

– Уважаемый Самир-муаллим. Все мы, родители, хотим счастья своим детям. С самого рождения вкладывая в них лучшее, что есть у нас, мы до самого последнего момента вступления их во взрослую жизнь заботимся о них. Поэтому процесс создания семьи не может не волновать нас, и мы, естественно, самым непосредственным образом являемся создателями семейного счастья наших детей. Именно поэтому сегодня мы во главе с аксакалом нашей семьи Бахадур-муаллимом, братом моего покойного отца, Аллах рахмят элясин, пришли к вам за благословением для молодых. У вас, как говорится, товар, у нас – купец. Мы просим у вас руки вашей дочери, вашей замечательной Айлин, для моего старшего сына Эмина.

Выпалив все это на одном дыхании, Эльчин полез в карман за платком и, промокнув испарину на лбу, решил добавить, несколько понизив голос:

– Что вы думаете по этому поводу, Самир-муаллим?

Конечно, у него были заготовлены некоторые словесные конструкции, но ни одна из них не встраивалась в эту неожиданную скороспелую модель предстоящего ритуала, которую предложил Эльчин.

Самир был несколько обескуражен такой поспешностью. Пауза явно затягивалась.

– А я думаю, не стоит торопить с ответом уважаемого Самир-муаллима, давайте сначала поближе познакомимся, узнаем друг друга, – взял на себя инициативу Бахадур.

Он мысленно поблагодарил аксакала, оценив его опыт и такт.

– Да, как раз собирался вам представить, – быстро выкарабкиваясь из своего минутного замешательства, сказал он. – Это мои двоюродные братья по отцу: Закир, он замминистра здравоохранения, и Заир, главврач Центральной клинической больницы.

– Да, я прекрасно знаю вас, Заир-муаллим, – сказал Эльчин, пытаясь теперь чересчур размеренным тоном уравновесить скоропалительность своего выступления. – Вы года три назад оперировали моего товарища. Может, помните, Асифа Оруджева, начальника Губинской полиции?

– Ну, конечно, помню! – вступил в разговор Заир. – Мы с тех пор поддерживаем с ним теплые отношения, если я в Губе, обязательно с ним встречаемся. Душевный человек и друг, дай Бог ему здоровья, передавайте ему от меня большой привет!

– Обязательно передам! Наш мальчик тоже идет по вашим стопам, он молодой перспективный хирург. Хотя, если честно, мне это вообще непонятно, – такая ответственность, резать человека! А вдруг что-то пойдет не так?.. Вот я точно не смог бы.

– Я вас понимаю, поначалу и у нас у всех руки трясутся, но с годами привыкаешь, и все это превращается в обыденность, как бы цинично это ни звучало. Как говорится: «У каждого хорошего хирурга за спиной есть хоть и маленькое, но кладбище».

– Ну, не будем о грустном в такой замечательный день! – прочувствованно заметил Эльчин.

– Это наши медицинские будни. Кстати, старшая дочь моего брата – тоже практикующий хирург-онколог, – решил Заир все же дожать свою любимую тему, смысл которой заключался в редкой по нынешним временам приверженности целого семейства одной профессии.

– Что вы говорите! – восторженно покачал головой Эльчин, опять подлаживаясь под течение разговора. И тут же, словно что-то вспомнив, уверенно продолжил:

– Нет, молодежь у нас, без сомнения, талантливая! Вот, например, мой племянник Кямал… Кямал! Я про тебя рассказываю.

Кямал оторвал взгляд от телефона и, виновато улыбаясь, закивал головой.

– Сам поступил в один из топовых колледжей Англии, блестяще его закончил и еще какое-то время работал в штаб-квартире самой Делойт! У тебя ведь, по-моему, вид на жительство в Англии, не так ли, сынок? – Эльчин вновь пригласил племянника подключиться к беседе, но Кямал опять молча закивал. – А сейчас его назначили на должность зав. отделом в Нацбанке, он de facto правая рука председателя…

– Не преувеличивай, дядя Эльчин, – наконец заговорил Кямал. – Хотя многие вопросы мне приходится решать самостоятельно. Но скажу вам по секрету: ответственность не соответствует доходам.

Все весело отреагировали на слова молодого финансиста. Общение за столом стало более непринужденным. Образовалось несколько групп, которые стали обсуждать самые разные проблемы: цены, политику, уровень образования, климатические изменения, как вдруг аксакал Бахадур, второй раз взяв рычаги управления столом в свои руки, откашлялся, привлекая к себе внимание, и обратился к нему:

– Уважаемый Самир-муаллим, мы все ценим вас, как выдающегося врача, руководителя, достойного гражданина своей страны, образцового семьянина. Для нас было бы честью породниться с вами. Я, как аксакал нашей семьи, прошу вас дать согласие на брак вашей дочери и моего внука. Как вы на это смотрите?

В гостиной опять настала тишина. Звучно завибрировал телефон Кямала, он оценил важность звонка и, извинившись, все же вышел из комнаты в этот ответственный момент. Через плотно закрытые окна пробивалась полифония автомобильных клаксонов, видимо, внизу образовалась пробка.

Самир поднял брови и слегка разомкнул губы, словно думал, с чего начать, но так и застыл с этим выражением лица. Молчание хозяина дома вновь затягивалось. В комнату заглянула Амина:

– Извините ради Бога, Самир, можно тебя на минутку?

Он медленно поднялся и, показав жестом, что он ненадолго, вышел из комнаты. В дальнем конце коридора в растерянности стояла его жена.

– В чем дело, Самир, они тебе что, не понравились? Почему ты молчишь, почему ты им не отвечаешь?

– Даже не знаю, вроде бы культурные интеллигентные люди. Не знаю. Язык что-то не слушается, – попытался отшутиться он, – а, может, Айку ревную?..

– Прекрати, иди и уже ответь им, Айка совсем разнервничалась, да и все мы!

– Ладно, да благословит Аллах нашу дочь.

– Аминь. Все будет хорошо, не переживай, иди с Богом, – уверенно прошептала она и подбодрила поцелуем в щеку.

5

Войдя в комнату, где царила гробовая тишина, он первым делом увидел выражение беспокойства на лицах своих братьев и друга.

– Ну, что же, Эльчин-муаллим, Бахадур-муаллим… Да благословит Аллах наших детей!

– Аминь! – сразу раздалось со всех концов стола.

Эльчин и Бахадур, не скрывая искренней радости на лицах, поочередно подошли и обняли его. За столом вновь зажурчали разговоры, обсуждали в основном жениха и невесту, их таланты и достоинства, каждая из сторон расхваливала своего или свою… «Надо сказать им про Айкину интернатуру», – подумал он. Опять зашла Амина и вопросительно посмотрела на него. Поймав ее взгляд, он на секунду сощурил глаза, набрал воздуха и громко распорядился, чтобы готовили сладкий чай.

Женщины тут же стали накрывать на стол, который преобразился за считанные мгновения. Изысканная посуда, пестрое разнообразие блюд, дорогие напитки… Посыпались тосты за старших и молодых.

– Да, у нас амбициозная, в хорошем смысле слова, и талантливая, в своем большинстве, молодежь. Однако состояние образования оставляет желать лучшего. По статистике, население страны достаточно молодо, – Заир сел на своего конька. Он увлекался статистикой, отслеживал и фиксировал для себя всевозможные данные и опросы, находящиеся далеко за пределами медицины, и поэтому умело оперировал цифрами и микро- и макроэкономическими анализами. – Да, да, у нас 65 процентов населения находится в трудоспособном возрасте. Это очень хорошее сальдо с экономической точки зрения. А беда в том, что уровень профессионализма на очень низком уровне, то бишь рабочие руки есть, а квалификации нет.

– Это естественно, учитывая низкий, я бы даже сказал, не приемлемый уровень образования, – поддержал разговор Закир. – Я думаю, нужно с раннего возраста профессионально ориентировать ребенка. Вспомните, сколько в советское время было фильмов, исподволь пропагандирующих ту или иную профессию! А американский кинематограф, по-моему, только этим и занимается! У них даже про почтальона фильм сняли, с Кевином Костнером, кажется.

– Да, точно, «Пачтольону звонить дважды», – слегка переврал название фильма Нариман.

– Поэтому, – продолжил Закир, – государство незамедлительно должно обратить внимание именно на этот аспект образования и воспитания: с начальных классов формировать у ребенка интерес к различным сферам деятельности человека, конечно, в игровом формате, ну, как раньше в кружках, в домах пионеров.

– Да, но ты про родителей тоже не забывай, – продолжил Нариман, – они тоже должны принимать участие в этом процессе. А как же иначе?

– Благо, во многих семьях еще сохранились традиции потомственных специалистов, как, например, у вас, Самир-муаллим. Если учесть, что ваш дед был врачом, то ваша дочь – доктор уже в четвертом поколении, – сказал Эльчин, орудуя платком на лице…

– Да, вы правы, мой дед по отцовской линии был врачом, прошел войну в должности начальника санитарного эшелона и вернулся домой только в августе уже из Маньчжурии. Вам жарко, Эльчин-муаллим?

– Да, есть немного, Самир-муаллим.

– Если никто не возражает, я приоткрою окно.

Возражений не последовало.

– Вы знаете, Самир-муаллим, в вашей семье, конечно, устоялась замечательная преемственность, – вступил в разговор Бахадур. – Четвертое поколение врачей – это серьезно! Но мы, как бы сказать, тоже не лыком шиты. Ваш покорный слуга, например, почетный ветеран КГБ, полковник в отставке. Эльчин – начальник главка в МВД, отец Эльчина, Аллах рахмят элясин, был работником прокуратуры, а наш отец, то есть дед Эльчина, был чекистом, известной личностью в структурах. У него даже был партийный псевдоним Балта Юсиф, а настоящая его фамилия Балтаджа. Не слышали?

– Вы знаете, вполне может быть… хотя, откровенно говоря, я не уверен, – стараясь проявить деликатность в ответе, сказал он. – А почему у вас фамилия Гасан-заде?

– Она у нас всегда и была Гасан-заде, но после революции с такой фамилией было не безопасно, могли и припомнить происхождение! Самир-муаллим, а кем был ваш другой дед, по материнской линии?

– А он был репрессирован. К несчастью. Сгинул где-то в Сибири. Я изучал его дело. У меня друг есть, мой старый коллега по разинской районной больнице, он сам давно уже в Москву перебрался, и у него был доступ к архивам, и он мне прислал документы, и там… – последние слова он произносил, все больше замедляя ритм, пока, так и не закончив фразу, молчаливо уставился в одну точку перед собой. «Нет, не может быть, этого не может быть…» – он отчетливо ощутил равномерное биение пульса в затылке и не заметил, как сжал десертную серебряную вилку, отчего она погнулась.

– С вами все в порядке? – с тревогой в голосе спросил Эльчин.

– Да, да, извините, я на минуту, – рассеянно ответил он. – Вот, рекомендую, – зачем-то добавил он, указав на тарталетки с красной икрой.

Он неловким движением встал из-за стола и направился к выходу. Выйдя из гостиной, он столкнулся с домработницей, несущей на подносе сладкий чай.

– Назира, не торопитесь, отнесите чай обратно… пока что.

Не обращая внимания на недоумение в ее глазах, он прошел к себе в кабинет.

– Где может быть эта папка? Вспоминай быстро! – приказал он себе. Он стал рыться у себя в столе, руки начали дрожать, сердце билось все чаще. В комнату влетела жена.

– Самир, что случилось, что ты творишь?!

– Я сейчас вернусь, мне надо кое-что найти.

– Именно сейчас?

– Да, именно сейчас, вот именно сейчас! – ответил он, чуть не сорвавшись на крик. – Это важно, – беря себя в руки, добавил он.

В столе он ничего не нашел. Тогда он бросился к шкафу, и когда открыл первую створку, какая-то папка буквально вывалилась ему прямо в руки.

– Вот она!

– Что это, Самир?

– Помнишь, я тебе показывал? Документы о расстреле моего деда. Бабушка до конца жизни так и ждала его из Сибири. А он, оказывается, был расстрелян через месяц после ареста. Сволочи.

– Я помню, конечно. Но причем тут это сейчас, когда там люди за столом сидят? Я тебя умоляю, Самир, давай нормально закончим этот непростой и вообще-то радостный, если ты забыл, день! Да что с тобой происходит, ты в своем уме или нет? – не выдержала она.

Он ничего не ответил на ее выпад, только коротко и жестко взглянул на жену. Затем трясущимися руками развязал бечевку на папке. Он осторожно стал перебирать ветхие документы. Сверху лежало постановление о реабилитации посмертно, далее еще какие-то бумаги и в самом конце был конверт, откуда он вытащил вчетверо сложенный лист. Это была ксерокопия постановления особой тройки о расстреле Алиева Али Гумбат оглу «за контрреволюционную пропаганду и призывы к свержению советской власти». Подпись – Ответ. Секретарь особого Совещания – Балтаджа Юсиф.

Потрясенный подтверждением своих сомнений, он закрыл рукою глаза, а его рот искривила то ли боль, то ли дикая улыбка.

– Вот, посмотри, – он безвольно протянул ей листок.

Она в сердцах выхватила его, быстро пробежала глазами текст и с недоумением во взгляде обратилась к нему шепотом, больше похожим на шипение змеи.

– Что это такое, Самир?

– Что это такое?.. Да просто его дед убил моего деда.

Она еще раз посмотрела на документ, затем медленно опустилась на диван, еще медленнее откинулась назад и бессильно запрокинула голову. Необратимость случившейся трагедии, вскрывшейся правды и предстоящей пугающей развязки постепенно стала заполнять все уголки ее сознания. Она лишь точно понимала, что нельзя дать себе сейчас разрыдаться.

– И что нам теперь делать, Самир? – с дрожью в голосе произнесла она. – Неужели …

– Я не смогу с этим жить, понимаешь? Я не смогу. А ты сможешь?

– Я?.. Как такое могло с нами случиться? А что же ты раньше?.. Что мы скажем Айке?.. – она, тяжело поднявшись, бормоча что-то и причитая, вышла из кабинета, не закрыв за собой дверь.

6

Он судорожно думал, как ему сейчас себя повести: «Действительно, что сказать Айке? Будут ли для нее иметь какое-то значение события почти вековой давности. А, может, ради дочери надо просто стиснуть зубы, никому ничего не говорить и со временем самому постараться вычеркнуть это из памяти?.. Но нет, нет, все гораздо глубже! Получается, я прямо сейчас породнюсь… с кем? Нет, не с уважаемым родом, а… с отродьем. У всех у них, этих респектабельных мужей в дорогих костюмах с велеречивыми разговорами о чести семьи, благородстве фамилии, о преемственности поколений, течет в жилах кровь подлого убийцы моего деда и наверняка еще многих безвинно репрессированных, сосланных в лагеря и расстрелянных чьих-то мужей, сыновей, братьев, отцов и дедов»… Он застыл, сидя за столом, упершись яростным взглядом в сжатые кулаки, между которыми лежал злосчастный клочок бумаги.

Внезапно он резко встал с кресла, отчего оно чуть не опрокинулось, взял документ и стремительно вышел из кабинета.

В гостиной застолье набирало все больший градус, все по-прежнему оживленно переговаривались, искренне смеялись, не придавая никакого значения его отсутствию. Увидев его, Заир и Нариман сразу стали шутить по поводу застрявшего где-то сладкого чая, но, приглядевшись к выражению его лица, оба умолкли. Тут же замолчали все остальные.

– Вы хотели знать, что случилось с моим другим дедом, – с дрожью в голосе, сцепив зубы, произнес он. – Вот, – он протянул листок Бахадуру, – это постановление о его расстреле. А подписано оно вашим отцом, Балтаджа Юсифом, под псевдонимом Балта Юсиф. Он его расстрелял в 1939 году. А Балта – это, наверное, потому, что от его рук погиб не только мой дед, но еще много невинных людей. И я не хочу, чтобы в крови моих внуков текла дурная кровь. Вы знаете, где выход.

Произнеся все это уверенным, беспристрастным тоном, он твердым шагом вышел из гостиной и, пройдя к себе в кабинет, запер дверь на ключ.

7

Сев в машину, Айка прижалась к двери, полуповернувшись к нему лицом. Пальцы нервно теребили ее любимый ангорский белый жакет. Глаза опухли от слез, она шмыгала носом, боясь поднять глаза на Эмина. Он смотрел вперед в лобовое стекло, обняв руками руль и уперевшись в него подбородком. Пробка еще не рассосалась, а вместе с ней не утихала какофония медленно проезжающих мимо машин.

– И что же нам теперь делать, – размеренно сказал он, обойдясь при этом без вопросительной интонации. Она все же пожала плечами в немом отрицательном ответе.

– Это ведь было так давно, да и время было другое.

Он повернулся к ней и, заглядывая в глаза, взял ее руку.

– Айлин. Я люблю тебя. Понимаешь? Я не могу найти менее пафосные слова, но… Тени из прошлого не должны помешать нашему счастью. Понимаешь?

Она медленно покачала головой в знак согласия. Он резко нагнулся к бардачку и вынул из него сверток.

– Вот, собирался подарить его тебе сегодня сразу после всего...

Он развернул сверток и открыл красную бархатную коробку, откуда сразу же сверкнуло кольцо-солитер.

– Да пошли они все! – вдруг выкрикнул он. – Ты будешь моей женой? – весело и уверенно спросил он, протягивая ей кольцо.

Она улыбнулась, быстро-быстро замотала головой и кинулась к нему в объятия. Они долго и страстно целовались, не в силах остановиться, как будто вновь обрели друг друга после вынужденной длительной разлуки.

– Смотри-ка, – сказал он ей, когда она со счастливой улыбкой разглядывала кольцо на своем пальце, – а пробка-то рассосалась.

Он завел автомобиль, переключил скорость и с визгом колес, с места на большой скорости рванул по дороге вперед, увозя с собой правнучку того, в чьей смерти был повинен его прадед.

Анар БАДАЛБЕЙЛИ родился в Баку. Трудовую деятельность начинал рабочим в типографии, имеет три высших образования, опыт работы в различных государственных органах. Сейчас руководит собственным консалтинговым агентством. Увлекается абстрактной живописью, профессионально играет на фортепиано. Данной публикацией представляем читателям еще одну грань таланта автора.

НУРАНГИЗ ГЮН

Размышления

Такие вот дела, свет моих очей, такие дела...
Что же касается морской живности:
И они стали хитрее.
Не только рыбки золотые,
Но и мелочь всякая
Уйдет на самое дно.
Какая сила совладает с этим страхом?!
Только рожденье!!! А еще
Невинный младенец в колыбели...
Знает он истину, знает.
То плачет, то смеется.
Такие вот дела, свет очей моих,
Такие дела!..

Круговорот

Эта девчушка,
Эта маленькая девочка
С маленькой куколкой
Будет жить
И после меня.
Будут те, кто станут обращаться с ней ласково,
Будут те, кто станут ее обижать,
Будут те, кто ее полюбит,
Эта маленькая девочка станет невестой, взрослой матерью.
У этой маленькой девочки будут взаправдашние куколки.
У нее будет дом, где она будет метаться, плакать украдкой. –
Со стен будут глазеть печаль и разлука...
В доме будет властный муж, подбоченившийся,
Вдобавок и он будет глазеть властно!
Эта девочка вот так и состарится, станет бабушкой.
О Боже! Увянут все ее цветы, бутоны, сад!..
Не обижайте эту девочку!
Однажды, ночью одной
На последней ступеньке
Какого-то порога жизни
Замрет она.
А у самого порога
Другая девочка с куклой
В одежде как у бабочек
Будет бить крыльями и кружиться...

ВАГИФ ЮСИФЛИ

СОЛНЦЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Гюн – краткая форма слова Гюнеш, то есть Солнце.

Азербайджанская поэзия богата яркими светилами. Мехсети Гянджеви, Хан гызы Натаван, Хейран ханым, Фатма ханым Кямине, Уммугюльсум, Мирварид Дильбази, Нигяр Рафибейли, Медина Гюльгюн, Окюма Биллури – свет, источаемый этими поэтами, в поэзии вечен.

Нурангиз Гюн одна из таких светил, чей свет неиссякаем, неспроста она взяла себе псевдоним Гюн.

Нурангиз Гюн вошла в литературу со своей повестью «Творец – сын человеческий», опубликованной в 1981 году в журнале «Улдуз». Это произведение, наполненное лирикой, завоевало симпатии публики. Мы ожидали, что она продолжит писать новые, еще более интересные прозаические произведения. Но в ее сердце пылал огонь поэзии. В 1986 году была опубликована первая книга ее стихов – «Белые крылья», и стало ясно, что Нурангиз ханым настоящий поэт. После этого вышло несколько ее поэтических сборников, и в каждом стихотворении читатель ощущал ее неповторимую индивидуальность.

Нурангиз Гюн – лирический поэт. Она щедро делится с читателем своими чувствами и переживаниями. В ее стихах «Бакинско-Тебризские баяты», «Больше не зови» (посвящено Медине Гюльгюн), «Я твой должник, мама!», «Моей матери Бёюк ханым», «Скучаю, мама», «Ай лоло», «Мои белые цветы», «Потеряла», «Унеси меня, унеси», «Почему я пришла», «Моей Жале», «Еще раз моей Жале», «Греза», «Эта любовь последняя, цветочек мой», «Не знала я», «Приветствую хлеб, цветы и солнце», «Ты разжег мою любовь», «Что делать, ах, что делать», «Моя любовь» выражена вся палитра душевных переживаний поэта.

Ее особый поэтический стиль нашел свое блистательное выражение в стихотворении «Моя любовь», которое можно считать программным для всего творчества Нурангиз Гюн.

Моя любовь – могучий ветер,
Сильнее ветер всех преград.
Живет она в весеннем свете,
И каждый свету очень рад.
Моя любовь парит как птица,
Не ведая что значит гнёт.
Моя любовь в душе хранится
И весть благую всем несёт.
Моя любовь – зари покрой,
И пахнущий цветами бриз.
Моя любовь скакун гнедой,
Что мчится радостно в Тебриз.
Моя любовь – огонь и пламя,
Согреет тех, кто наг и сир.
Моя любовь растопит камень –
Дарю ее тебе, о Мир!..

Великий Самед Вургун писал:

«Лирика не должна быть похожа на птиц, которые, спев свою песнь, тут же улетают… Лирическое стихотворение, песня должны привести в движение человеческую душу, угнездиться в его душе и согревать его, как жар-птица, стать человеку другом в труде, борьбе, в печальных и радостных минутах, пробуждать в нем благородные чувства и таким образом возвеличивать человека, делать его сильнее, умнее и богаче с нравственной точки зрения».

Именно под этот критерий подходит ряд лирических стихотворений Нурангиз Гюн.

У нее есть несколько стихов о матери и в каждом из них звучат нежные, трогательные чувства.

Одно из них – «Улетает мой журавль» – особо отличается своей поэтичностью:

О, Рок, паду на колени,
Стану тебе рабой.
Она мне родная мать,
Сжалься над ней.
Рок, руку задержи,
Дай мне погладить ее по голове!..
Закрыты дороги-пути,
В груди рана, клеймо…
Птицей она в небе была,
Охотник ее подстрелил.
Боже, подоспей на помощь,
Излечи ее рану.
В тот неведомый мир,
Мир, где нет пути назад
Летит мой журавль,
Перебирается мой журавль.
Сжалься, Боже, она мне мать,
Она, Боже, мой перелетный журавль.

Понятие лирического стихотворения всегда связано с одним из высочайших чувств человека – с любовью.

Известно, что в нашей многовековой поэзии величайшим воспевателем любви был Мохаммед Физули. Любовь в философской поэзии Физули обрела чувственно-интеллектуальные оттенки и краски.

Образ мыслей Физули стал для его последователей главным мерилом в творчестве, они старались постичь, осмыслить любовь на том уровне, на который возвысился великий поэт. Дух азербайджанской любовной лирики пронизан поэтическими мотивами Физули, его попыткой постижения мира через любовь. Это стало неоспоримым эталоном азербайджанской поэзии. В лучших любовных стихах современной азербайджанской поэзии каждый может узреть присутствие великого Физули, взывавшего: «Всевышний, свяжи меня узами с несчастной любовью…»

Но удерживает ли любовь в современной поэзии свое величие и сакральность?

Внешне ничего не изменилось. Любовь всё еще воспевается как высшее и святое чувство. Конечно, меняется время, и любовь обретает новые оттенки и качества. А современная любовь отражает в себе изменчивые, обновляющиеся человеческие отношения…

Тему разлуки часто можно встретить в поэзии Нурангиз Гюн, но можно ли назвать эту любовь несчастной и безответной? Думаю, нет! Ибо в этих стихах звучат чистые чувства и признания, рожденные в глубине души.

В сборнике «Иду по пути» в разделе «Элегия древа любви» мы слышим любовные признания Нурангиз Гюн.

Поэтесса говорит: «Любовь есть жизнь». На извилистых путях этой любви встречаются и горечь, и нежные романтические чувства, и бурная страсть. Мы слышим и боль одинокой души, утомленной разлукой:

Растрескавшиеся от жажды губы,
Ни воду не пьют, ни о тебе не справляются.
Но меня изводит тоска:
Если заночую на чужбине,
Кто отыщет меня?

И неожиданное расслабление и покой:

«Луна села на мой подоконник. Погладила меня по лицу и глазам».

Может, эта картина прервет стенания во сне, печать уст, слезы? Красота луны и красота любящего сердца сливаются воедино.

Увидала я, что
На игольчатых
Лучах Луны
Мы вместе полетели, доверились Солнцу.
Утром спозаранку
Мы оба
Растеклись
По желто-золотистым лучам.

Стихотворение «Идем, мой кипарис, вместе поцелуем солнце» есть призыв к самоотверженности в любви, призыв к слиянию с Солнцем. И радость этого слияния перечеркивает мучения, доставляемые жестокими испытаниями судьбы.

В «Элегии древа любви» (по сути, это можно назвать и лирической поэмой) – показана живая природа, но в то же время она имеет символический смысл. Казалось бы, это древо воплощение любви. Но оно живет реальной жизнью, сражается с ветрами, испытывает все тяжести этой битвы. Оно ждет влюбленных. Но ждет молча и терпеливо.

Может, это живой человек,
Переодетый деревом?
Отчего ведь дереву страдать?
Может, эти одеянья из листьев и веток
Это сердце и душа?

Это полное любви дерево теряет свою «безжалостную гордость», яблоки сдались дождю, «стало оно духом».

Терпи, терпи это, поэт –
В стволе у него любовь,
В душе рисунок яблока,
Скрылось оно
В этом уголке.
Дерево
Давно мертво.

Действительно ли автор ставит целью проследить судьбу этого древа любви, одинокого дерева, побитого безжалостными ветрами, дождем, обреченного на смерть? На первый взгляд это так, и мы верим лирическому герою, сопереживающему судьбе этого древа любви. Но у этого повествования есть и подтекст. Поищем сходства между судьбой влюбленных и судьбой древа любви, ведь если и влюбленные перестанут понимать друг друга, в их судьбе может задуть ветер разлук. Так автор создает ассоциации между судьбой дерева и судьбой влюбленных.

Подобного типа ассоциации между человеческой любовью и природой мы можем встретить и в других стихотворениях Нурангиз Гюн. В стихе «Тайна ночи и мои чары-руки» встречается интересная ассоциация, таинственные руки ночи тянутся к влюбленному, мучающемуся от разлуки, но схватиться за таинственные руки той волшебной ночи невозможно. Нурангиз Гюн много писала о разлуке, о порожденной этой разлукой печали, скорби. Но в ее стихах эта Разлука относится не к одному отдельному человеку, ибо эта разлука проживается обоими влюбленными, и, естественно, нельзя обвинять только одну сторону. Дело в том, что эта любовь прожита и пережита. В любви, которая постепенно превращается в воспоминание, разлука не играет важной роли. Ее лирическая героиня говорит: «Останутся наши чужие голоса». Что останется от этой любви? Какие чувства выживут после любви?

Останутся
Растрепанные наши волосы,
Ресницы, заиндевевшие,
Две пары глаз,
А еще… «эти заматерелые ветра»,
Вклинившиеся в нашу судьбу,
Останутся наши потерянные голоса,
Что ветер разносит.

Скажем и об еще одном ее стихотворении: «Ясный ответ по поводу птицы, пространства и родины»… Стихи написаны в форме вопроса и ответа: «Какая птица лучше?», «Какое пространство лучше?», «Какой поэт лучше?». На первый вопрос ответ звучит так: «Все, кроме ласточки, совы и вороны». На второй вопрос ответ такой: «То пространство, чьи небеса пахнут свободой». Ответ на третий вопрос:

Если родились поэтом, то все.
Кроме подлиз, жестокосердых,
Фальшивых.
Самый родной –
Без орденов и медалей
Дошедший до нас,
Старый и мудрый
Скорбный Физули,
Поэт Востока.

Последний вопрос: А Родина?

Дитя, не береди мою рану,
Купол любви моей души!
Тюркский мир широк и огромен.
Родина,
Чья святость и человек нерушимы!

Данные ответы проистекают от характера и мировоззрения поэта. Нурангиз Гюн, говоря в своих стихах о своем отношении к каждому событию, людям (с этим мы чаще встречаемся в стихах, посвященных Назыму Хикмету), предпочитает продолжать свои мысли в эпическом плане (естественно, сюда привлекаются и лирические чувства и переживания). Она с большим воодушевлением говорит о роли нашего выдающегося артиста, народного артиста Фуада Поладова в спектакле «Заур и Тахмина» (Анар). В стихотворении «Не плачь, Заур, не плачь» она выражает не только полученные от спектакля впечатления, но и касается тонких нюансов в отношениях Заура и Тахмины, отделяет два этих образа от сцены, приводит в реальный мир. Она считает, что Заур находится в душевном плену, а то, что Тахмину не поняли и не приняли в качестве женщины, – есть трагедия. Она поднимает Тахмину и Заура до самых небес:

Исчезли, испарились, взлетели,
Облаком стали, водой
Облаком стала Тахмина! Заур!
Портрет Тахмины в небесах.

Заур и Тахмина больше не земные, а небесные люди. А небо чисто.

Завершим наши слова знаменитым стихотворением Нурангиз Гюн «Иду по пути». Пусть возрадуется ее душа!

На устах улыбка.
В глазах надежда и гордость.
Внутри желание выплакаться.
Иду по пути, пока не собьюсь.

В ладонях тайна,
Огрубели пальцы,
Всё, что имею – сердце.
Иду по пути, пока не сломлюсь.

Ветер в волосах,
В душе мамина колыбельная,
В памяти – рухнувшая любовь.
Иду по пути, пока не остановлюсь.

Впереди гряда гор,
Отвесные скалы, холодное море.
Одна-одинёшенька на закате
Иду по пути, пока не оступлюсь.

Позади ущелья,
На плечах Солнечный луч,
На руках моя Жаля и дрожь…
Иду по пути, пока в путь не обращусь.

ГОСТЬ

МАГДАЛИНА ГРОСС

Р А С С К А З Ы

Есть люди, обладающие даром эмпатии. А есть люди, предвосхищающие эмпатию. Человек еще не успел подумать или почувствовать что-то, а люди, предвосхищающие сопереживание, уже настроены на него, уже готовы правильно выслушать и правильно прореагировать. Это бесценное свойство можно было бы назвать сверхэмпатией. Творчество Магдалины Гросс, нового автора ЛА, обладает этим свойством. Оно словно сверхчувствительный камертон настроено на читателя, предвосхищая его мысли и чувства. Герои ее произведений не совершают великих подвигов, их действия лишены патетики. Они обыкновенные люди в будничных обстоятельствах. Но дар сопереживания в них огромен, они умеют слушать и слышать друга, и это, несомненно, находит отклик в душе читателя.

Магдалина Гросс – автор, живущий в Нижнем Новгороде. По образованию – лингвист с большим опытом педагогической работы. Неудивительно, что многие ее произведения посвящены воспитанию и образованию юношества и вечным проблемам отцов и детей. Магдалина Гросс – неоднократный лауреат и дипломант многих международных литературных конкурсов, автор нескольких книг.

Первое сентября под партой

Себя я помню хорошо лет с трёх. Хотя родители часто поправляют меня: не с трёх, а с двух. Точнее – с двух с половиной.

Я не знаю, почему они так говорят, но когда, желая поймать меня на моих же воспоминаниях, они спрашивают: «А как ты в садик мимо рельсов ходила, помнишь?» – я тут же киваю головой.

– Ага! – торжествуют они. – Вот видишь? В тот садик, в который ты ходила мимо железной дороги, мы отдали тебя в два года. А в три перевели в другой. Значит, ты помнишь себя не с трёх лет, а с двух.

Я машу рукой. Меня, если честно, не особенно интересует возраст, в который может совершить путешествие моя собственная память: ну, с двух – так с двух. Какая разница!

Вот что я действительно хорошо помню – это то, как я пошла в школу.

Праздник под названием «Первый раз в первый класс» мне запомнился беспросветно серым небом, моросящим дождём и совершеннейшим нежеланием заходить в громадное четырёхэтажное здание, казавшееся мне то ли унылым, то ли угрюмым. Лето в тот год закончилось, как по заказу: ещё вчера, тридцать первого августа, вовсю светило яркое солнце. Мы с соседским Вовкой гоняли на ве́ликах и играли «в вышибалы». А сегодня, ну что это за день? Откуда-то, не прекращая, звучит громкая музыка, да звучит настолько громко, что я не слышу того, о чём говорят стоящие рядом со мной бабушка и мама. Люди, поглядывая на небо, начинают доставать зонты, а мне почему-то хочется домой.

Я вручаю портфель с нарисованными на нём двумя хоккеистами из мультфильма «Шайбу, шайбу!» бабушке, разворачиваюсь и, не говоря ни слова, направляюсь в сторону дома.

– Ты куда? – бабушка вприпрыжку догоняет меня. – Стой здесь! Сейчас в школе начнётся линейка, и вас разведут по классам.

– Не хочу в класс! Не хочу в школу! – кричу я и топаю ногой.

– Не говори глупостей, – подбежавшая на выручку бабушке мама пускает в ход веский, по её понятиям, аргумент: – Там столько интересного! Ты же ещё не была, а уже сопротивляешься. – И потом, – добавляет мама, – ты сейчас уйдёшь, а учиться за тебя кто будет?

– Не хочу учиться! – кричу я ещё громче. Кажется, что даже радио, удивившись громкости моего голоса, решило сбавить собственную и зазвучало немного потише. – Не хочу! Не хочу! – упрямо повторяю я и вдруг краем глаза замечаю то, что стоящий около забора мальчишка неожиданно кривит губы и начинает плакать. У него в руках огромный букет ярко-красных гладиолусов, которым он пытается закрыться, чтобы никто не видел его слёз. Стыдно! Стыдно плакать будущему мужчине!

Я вырываюсь из бабушкиных рук и направляюсь к незнакомому мальчику.

– Чего ревёшь? – осведомляюсь, как бы между прочим.

– М-м-мамы нет, – всхлипывает он.

– В смысле – нет? Уехала, что ли? – в моём голосе нет ни капли сожаления. Одно только любопытство.

– Работает, – вздыхает незнакомый мальчик, – я и пришёл один. А все с ма-а-а-амами, – и он снова начинает плакать в голос.

– Не реви! – строго говорю я и беру его за руку. – Сейчас нас в класс отведут, а у тебя лицо всё заплаканное. Как тебя зовут-то хоть?

– Миша, – тихо отвечает мой новый знакомый. – А ты что, тоже в школу не хочешь?

– Не-а! – мотаю я головой. – Не хочу ни капельки!

– Я тоже не хочу. И тоже ни капельки, – ещё тише отвечает Миша. И добавляет: – Я вообще в деревню хочу.

Я смутно представляю себе, что такое деревня. В моём воображении – это какая-то не приспособленная для проживания местность, в которой, кроме лесов и полей, ничего больше нет.

– В деревню? – разочарованно спрашиваю я. – Чего там делать хоть? В поле, что ли, жить?

– Зачем в поле? – теперь уже Мишино лицо выражает недоумение. – У нас там дом есть. А ещё речка, где можно купаться и брызгаться целыми днями. А до поля там далеко идти…

Раздавшийся звонок прерывает его объяснения.

Я забираю из бабушкиных рук лёгкий портфель, в котором лежат две или три тетрадки, яркий круглый пенал с хохломской росписью (учебники нам ещё не выдали) и уверенно беру Мишу за руку:

– Пошли!

Вместе с другими первоклассниками мы заходим в школу и поднимаемся на второй этаж. Взрослые идут за нами до лестницы, но дальше им идти не разрешают.

Молодая симпатичная учительница, которая привела нас, куда-то исчезает, и вместо неё откуда-то возникает женщина постарше. Она внимательно оглядывает нас и впускает в класс…

Так начинается школьная жизнь. В первый же день я проявляю свой настырный характер. Мишка, который сел вместе со мной за первую парту, был безапелляционно выдворен оттуда строгой учительницей: «Такому высокому за первой партой не место!»

Во мне всё закипает: как же так? Разве оттого, что мой новый друг выше остальных, ему теперь и впереди сидеть нельзя? В этот момент я просто затылком ощущаю Мишкин отчаянный взгляд, которым он буравит меня, оказавшись за четвертой партой. Я стремительно поднимаюсь, забираю свой портфель с весёлыми хоккеистами и направляюсь к нему.

– Я буду с тобой сидеть! – без капли сомнения в голосе говорю я.

– Нет, не будешь, – строгая учительница, имени которой я ещё не знаю, делает попытку вытащить меня из-за парты. – С твоим ростом как раз надо впереди сидеть.

Я ужом выскальзываю из её жёстких рук, мгновенно забираюсь под парту и оттуда заявляю во всеуслышание:

– Я же сказала, что буду сидеть только здесь – значит, буду!

Остальные начинают смеяться. Мишка уже давно не плачет. Букет красных гладиолусов лежит на парте, а их хозяин смеётся вместе с остальными.

– Вылезай! – строго говорит учительница. – И делай то, что тебе говорят!

Ну, как же! Пусть другие делают то, что им говорят. Я, насколько себя знаю, могу, что называется, пойти навстречу, если меня о чём-то попросят. Но никогда не подчиняюсь требованиям.

Проходит время. Все, кто столпился около четвертой парты, начинают спорить. До меня только доносится:

– Вылезет, подожди немного.

– А вот и не вылезет.

– И долго ты намерена там сидеть? – судя по всему, учительница уже не на шутку сердится.

– Ага! – громко заявляю я, поблескивая глазами. – Вот так всю жизнь и буду сидеть.

Видя, что спорить со мной бесполезно, а тратить на меня время ещё бесполезнее, учительница говорит:

– Ну, и сиди! Вот испачкаешь сейчас свой белый фартук и будешь похожа на замарашку.

Стоящие около парты одноклассники опять громко смеются, но интерес ко мне потихонечку начинает пропадать.

Учительница начинает ходить между рядами, рассаживая остальных по всем правилам. Я аккуратно, чтобы не испачкать красивый белый фартук, вылезаю из-под парты и внимательно слежу за ней взглядом, готовая чуть что – снова съехать со скамейки вниз, в спасительное пространство. Но ко мне больше никто не подходит.

Мишка смотрит на меня благодарным взглядом и говорит, краснея:

– Первый раз с девчонкой подружился.

Я, всю свою сознательную семилетнюю жизнь предпочитающая водиться исключительно с противоположным полом, отвечаю:

– А я всю жизнь с мальчиками дружу.

– Да? – внезапно загорается Мишка. – Тогда поедем на следующей неделе ко мне в деревню! Ух, я тебе там такое покажу…

– Ты же не дружишь с девочками! – хитро улыбаюсь я.

– Ну, не дружу, – снова краснеет Мишка. – Но ты… – и он запинается. – Ты такая…

– Какая? – спрашиваю и улыбаюсь.

– Нормальная! – выпаливает Мишка. – И храбрая! Под парту так стремительно залезла, даже я бы так не сумел.

И в знак своего расположения он осторожно пожимает мне руку.

Я пока ещё в таком возрасте, что слово «нормальная», сказанное мальчиком, воспринимается как комплимент. А оттого, что он оценил моё упорство, приняв его за храбрость, и совсем, как взрослый, пожал мою руку, возвышает меня в собственных глазах.

– Ладно, – соглашаюсь я, – так уж и быть. Если меня отпустят – поедем с тобой в твою деревню.

С Мишкой Захаровым мы просидели за одной партой всю начальную школу. Учился он неважно, но с ним всегда было весело. Рёва и плакса неожиданно оказался человеком с бойцовским характером, и чуть что – сразу пускал в ход кулаки. Меня, правда, он ни разу не тронул. Может быть, понимал, что подсказывать ему никто не будет. Равно как и давать списывать тоже.

А, может, его так сразил мой детский поступок, когда, не желая оставлять его одного в незнакомой ситуации, я залезла под парту – не знаю. Но тот день, когда мы впервые перешагнули школьный порог, мы с ним, хохоча во всё горло, вспоминали ещё очень и очень долго.

История о том, как мне трёх свиней подложили

Есть вещи, которые я не люблю с детства. То ли воспитание было «не то», то ли отношусь я к категории каких-то особенных людей, но я не перевариваю (или перевариваю, но с больши-и-и-им трудом), когда какие-то вещи называют не своими именами. А уж если речь идёт об именах собственных… тут я вообще в категорию «нормальных людей», которые с лёгкостью переделывают одно слово в другое, ну, никак не попадаю.

Когда мне было 17 лет (удивительно, но ведь это когда-то было!), пришла мне в голову совершенно не типичная для молодой девушки идея: научиться водить мотоцикл. Ни на какие права с получением категории «А» я, конечно же, претендовать не собиралась. Мне просто очень хотелось залихватски прокатиться «с ветерком» по посёлку, в котором мы жили, будучи студентами, когда приехали на втором курсе «на картошку».

Местные ребята сразу отнеслись к нам хорошо, и когда я однажды скромно намекнула, что хотела бы научиться ездить на мотоцикле, один паренёк по имени Кеша незамедлительно вызвался мне помочь.

«Атаман в юбке» – звали когда-то меня в детском саду. Видимо, «атаманские» черты не угасли во мне и в более старшем возрасте. Техника с любым количеством колёс меня не то что манила – нет! Она притягивала меня к себе, да так, словно каждый проезжающий мимо мопед, мотоцикл, автомобиль, независимо от цвета и модели, был снабжен огромным магнитом. У меня же в кармане куртки или плаща, судя по всему, должен был находиться магнитик поменьше. Но, каковым бы ни был его размер, большой магнит любых двухколёсных или четырёхколёсных агрегатов неизменно действовал на меня так, что я была готова сесть за руль любого транспортного средства. Даже если бы это был известный в те времена автобус-«гармошка» под названием «Икарус»! Одно слово: безбашенный «атаман в юбке»…

Так вот, Кеша, который был владельцем, как он говорил «ИЖака» (мотоцикла «ИЖ-планета»), начал меня терпеливо учить:

– Первая скорость включается, если правую педаль опустить вниз, ну, а все остальные, если эту же педаль поднять кверху.

Будучи по натуре очень торопливой, я постоянно путала, когда именно надо было делать так, чтобы педаль плавно принимала верхнее положение. Конечно же, моя собственная забывчивость мне не нравилась. Мотоциклу такое обращение с ним, судя по всему, нравилось ещё меньше. В отместку за мою неучтивость, проявляемую к его железной персоне, он постоянно «глохнул», чем выводил меня из терпения ещё больше.

Но Кеша был несгибаем. Он вновь и вновь принимался показывать мне, как надо правильно обращаться с педалью переключения скоростей так, чтобы она приняла правильное положение. При этом он частенько повторял: «Знаешь, «ИЖак» – он суеты не любит».

– Слушай, а зачем ты его так называешь? – однажды не выдержала я. – Ведь твой мотоцикл служит тебе верой и правдой, а ты его чуть ли не с ослом сравниваешь!

Что верно – то верно: каждый раз, когда Кеша произносил «ИЖак», мне слышалось не что иное, как «ишак». Я (ещё раз позволю себе повториться) не люблю, когда слова вот так «перекраивают» на свой, непонятный лад.

– Ну, привык я так, – недоуменно воззрился на меня мой деревенский «инструктор по вождению» и потом добавил: – Да у нас все так эти мотоциклы зовут!

Я уже открыла рот, чтобы сказать ему, что я «не все» и называть «ИЖ-планету» лично я буду только правильно, и что если уж есть у мотоцикла нормальное название, то его, в общем-то, не надо портить, но вовремя вспомнила пословицу, гласящую: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

Промучившись с неделю с непокорной педалью, я всё-таки запомнила, когда её надо опускать вниз, а также, когда поднимать наверх. И когда эти нехитрые действия наконец-то стали получаться, счастью моему не было предела! «ИЖ-планета», видимо, тоже был доволен тем, что я наконец-то в полной мере усвоила Кешины уроки, и подчинялся мне уже намного охотнее.

Как-то раз поехали мы в магазин на самом конце посёлка, который на месяц стал нам «вторым домом». За руль, конечно же, села я, а Кеша со всей галантностью, на какую он только был способен, уселся сзади. Доехали мы до магазина, Кеша слез и попросил меня не глушить мотор.

– Я быстро, – пообещал при этом мой спутник, – только куплю сигарет и тут же вернусь! – минут через пять я и вправду почувствовала, как он садится сзади меня. Не поворачивая головы (в шлеме это делать не очень удобно), я спрашиваю:

– Ну что, купил сигареты?

– Угу, – слышу я в ответ и догадываюсь, что, очевидно, Кеша закуривает, оттого он так немногословен. Дальше до меня долетают ещё какие-то звуки, понять которые шлем основательно мешает.

Я кручу ручку газа правой рукой, опускаю педаль вниз и трогаюсь. Сидящий сзади Кеша продолжает молчать, но я не удивляюсь: парень он немногословный, да и причин для разговоров нет – делаю-то я всё правильно, мотоцикл не захлёбывается рёвом, как это было в первые дни моих учений-мучений, а едет ровненько.

Я переключилась на вторую передачу и поехала уже побыстрее. Эх, кто бы знал, какие в этот момент я испытывала ощущения! В душе просто скрипка пела, да так мелодично! Переключаюсь на третью скорость – Кеша всё молчит!

– Ничего себе, – думаю, – раз так долго молчит, значит действительно еду хорошо!

В иные времена он бы сделал замечание, но на моё счастье дорога ровная, день солнечный. В душе… О! Там уже играет целый оркестр, состоящий из скрипок, виолончелей, каких-то духовых инструментов… Я уже подумываю над тем, чтобы переключиться на четвертую передачу, но мне ещё не приходилось ездить на ней.

– Кеш, а Кеш, – я чуть-чуть оборачиваюсь, – а может, я на четвёртой передаче…

При этом я скашиваю глаза и… в этот момент чуть не выпускаю руль из рук. Сзади меня НИКОГО НЕТ! Как же так? Я же сама видела, как Кеша вышел из магазина, а затем сел сзади меня. Правда, мне показалось, что он сел как-то далеко, но я легко нашла этому объяснение, подумав: «Надо же, какой внимательный, даже сел подальше, чтобы дым от сигарет меня не беспокоил!» В том, что Кеша закурит, я не сомневалась. Он частенько так делал: закуривал, даже если за рулём сидел сам. Позже, когда мы, смеясь, обсуждали этот казус, произошедший со мной, я всё-таки поняла, что не видела, а просто решила, что это был Кеша. Но в тот момент, когда я обнаружила, что управляю мотоциклом одна, мне было не до смеха.

Кое-как остановившись (по счастью, мой приятель обучил этой премудрости меня чуть ли не сразу), я слезаю, ставлю подножку, чтобы мотоцикл стоял ровно и… моим глазам предстаёт картина: на заднем сиденье действительно никого нет. Зато на багажнике стоит корзина, на дне которой лежит то ли старая куртка, то ли телогрейка, а на ней лежат три поросёнка, тихонько хрюкают и, как мне кажется, даже посмеиваются надо мной!

– Господи, откуда вы взялись? – хватаюсь я за голову. И тут же спрашиваю то ли поросят, то ли саму себя: «Как вы только не упали с багажника?»

Но поросята беспечно смотрят на меня своими маленькими глазками, продолжают весело похрюкивать и, судя по всему, не имеют никакого желания давать мне ответ на вопрос.

И только тут я понимаю, как этой троице (а в первую очередь – конечно же, мне!) повезло. Во-первых, ровная дорога и относительно невысокая скорость позволили корзине удержаться на месте, потому что багажник у мотоцикла совсем не похож на своего велосипедного собрата. У велосипеда багажник ровный, у мотоцикла же он чуть-чуть изогнут кверху, и, видимо, именно это можно было посчитать удачей номер два. Благодаря этому небольшому подъёму на конце багажника корзина, прислоненная вплотную к заднему сиденью, не упала во время движения! А вот если бы она упала, то… Мои руки и ноги начинают трястись самым предательским образом, как только я начинаю рисовать в своём воображении то, что могло бы случиться, упади корзина на проезжую часть. А если бы сзади шла машина? А если бы грузовик? И малыши попали бы под колёса? Они хоть и свинские, но всё же дети! Справившись с дрожью в руках и ногах, я убираю подножку, завожу «ИЖ-планету» и тихонечко разворачиваюсь. Поросятам, очевидно, нравится бесплатное катание, потому что корзина стоит ровно (я это вижу по тени). Значит – малютки не шевелятся.

Назад я еду очень тихо, выше второй передачи не переключаюсь и то и дело посматриваю на тень, которая неотступно следует за нами. Повернуть голову, да ещё и в шлеме, я боюсь, потому что мои навыки в вождении мотоцикла пока что исчисляются днями.

Я подкатываю к магазину и вижу, что там собралась небольшая толпа. При этом в глаза мне сразу бросается усатый мужик в помятой кепке, который что-то горячо доказывает женщинам в платках, размахивая при этом руками. Женщины слушают, сокрушаются и сочувственно кивают головами. Сквозь шлем до меня при этом доносятся слова «нечистая сила» и «нехристь». Ну, а дальше… дальше я больше слышу, чем вижу. Слова, которые долетают до моих ушей, здесь лучше не употреблять, ибо литературными нормами они не блещут.

– Куда ты уехала? – из толпы ко мне бросается Кеша.

– Я… я… – пытаюсь я что-то объяснить.

Но Кеше не до моих объяснений. Я только замечаю в его руках изрядно исхудавшую пачку из-под «Столичных». Видно, моё внезапное исчезновение заставило его здорово напугаться и понервничать. Потом мой приятель снимает с багажника невесть откуда взявшуюся корзину с поросятами, протягивает её воинственно настроенному усатому дядьке, но тот, вместо того, чтобы обрадоваться, продолжает награждать всё теми же нелитературными словами, но теперь уже Кешу.

– Слезай, – хмуро говорит он, – назад поеду я сам.

А мне уже и не хочется ни поездок, ни звуков скрипки в душе, ни желания «прокатиться с ветерком». Я уже готова идти назад пешком, о чём незамедлительно заявляю вслух.

– Не дури! – Кеша сводит брови ещё сильнее. И я, не позволяющая с собой такого обращения, подчиняюсь! Удивляюсь самой себе, но, тем не менее, сажусь на заднее сиденье, обхватываю моего водителя за талию, и мы уезжаем от магазина. Впрочем, такую, не характерную для меня уступчивость можно объяснить ещё и тем,

что я просто побоялась бы пойти пешком, зная, что меня в любой момент может настигнуть сердитый владелец корзины с поросятами. И тогда не известно, чем всё закончилось бы.

Произошло же вот что. Когда я ждала Кешу около магазина, из него вышел дядька с жёсткими усами и поставил мне на багажник корзину. Оказывается, это был Кешин дальний родственник, который, встретив его в магазине, договорился о том, что тот подвезёт его до дома. После этого усатый дядька вышел, поставил (как он объяснил, временно) корзину с поросятами на багажник и вернулся в магазин, чтобы забрать ещё и сумку с товаром. Выходит – а мотоцикла и след простыл! Словно его тут и не было!

Я же, подумав, что это был Кеша, и, почувствовав тяжесть сзади (недаром же мне показалось, что он сел как-то далеко от меня), завела «железного коня» и преспокойненько поехала. Солнце светило в другую сторону, тени не было. А то, что масса корзины не соответствует массе молодого парня, я даже не подумала – вернее, ввиду неопытности ещё не научилась обращать внимания на эти нюансы. Мною на тот момент владело только желание езды, и не просто езды, а езды красивой!

И вот такая красивая езда у меня в тот день получилась…

Благо, Кеша был отходчивым человеком. Подулся-подулся на меня пару дней, а потом, как ни в чём не бывало, подкатил к нашему студенческому флигельку и, прищурясь от солнца, весело спросил:

– Ну что, прокатимся?

– Только чур я за рулём, – мгновенно загорелась я.

– Конечно, – степенно ответил Кеша и, освобождая мне место у руля, добавил, растягивая слова: – Только… не к магазину. И потише, пожалуйста. «ИЖак» – он, знаешь ли, суеты не любит…

А вы, друзья, как ни садитесь… Дойка коровы почти по Крылову

У каждого из нас в жизни есть моменты, когда хочется посмеяться. Наши родственники, друзья, знакомые, а порой совершенно чужие люди дают нам повод, чтобы мы улыбнулись. Если, прочитав эту небольшую историю, вы улыбнётесь – я буду только рада.

Итак…

Год 1986.

Кто помнит, что такое ездить «на картошку» – объяснять не буду. Для тех, кто не знает, скажу коротко: в начале сентября студентов младших курсов в качестве помощников (читай: практически бесплатной рабочей силы) отправляли в колхозы и совхозы нашей необъятной Родины для уборки урожая: картошки, морковки, свеклы и прочих овощей, растущих на полях.

Наш курс не стал исключением. Не успев получить студенческие билеты и зачётки, мы через несколько дней уже ехали в электричке на юг нашей области, дабы помочь сельским жителям справиться с выросшими на полях овощными культурами.

Жить нам пришлось у всё тех же сельских жителей. Прямо в их домах. Как говорится, просили помощи – помощь приехала. А уж как размещать – думайте сами.

Председатель колхоза почесал-почесал затылок и изрёк:

– Гостиниц тут у нас нет. Потому я вас поселю к нашим односельчанам.

Ну, к односельчанам – так к односельчанам. Нам, на тот момент не знавшим, что такое Holiday Inn[1], было безразлично, у кого жить. С гитарой и магнитофоном «Романтик – 206» мы завалились в указанный председателем дом.

[1] Гостиница VIP-класса, с уровнем не ниже четырёхзвёздочного.

Вот так наша студенческая команда, состоявшая из шести человек, стала жить у бабушки, которая в виду своих почтенных лет даже и не помнила, сколько ей этих самых лет было (очевидно, настолько они были почтенными, что говорить об их количестве вслух было не очень прилично).

На вопрос: «Тёть Тань, а сколько вам лет-то будет?» старушка обычно улыбалась, махала рукой и отвечала: «Да кто же его знает, детки? (для бабушки студенты, которым было 18-20 лет, очевидно казались совершенными малышами) и после этого добавляла: «Наверное, лет сто. А, может, и больше. Не считала я их».

Из всей живности тётя Таня держала только двух петухов, которые ещё затемно начинали так кукарекать на заднем дворе, что мы, не привыкшие к таким «будильникам», поначалу вскакивали и думали, что уже надо бежать к машине и ехать на поле. Потом, правда, мы привыкли и спустя какое-то время уже не обращали на голосистых птиц внимания.

А вот тёти Танина соседка – баба Рая – большим количеством лет похвастаться не могла. Как раз накануне нашего приезда она отпраздновала всего-то… семидесятипятилетие. То есть до сотни было ещё жить да жить. У себя на дворе она держала корову, которую сама же и доила. Молоко, бывало, и нам перепадало, если надой был большим.

И вот как-то раз одна наша студентка (назовём её Леной), увидев в очередной раз, как баба Рая собралась доить корову, опрометчиво бросила: «Чего тут уметь-то? Это и я смогу! Велика ли премудрость?» Надо сказать, что со слухом, несмотря на возраст, дело у бабы Раи обстояло очень даже неплохо. Услышав такое заявление, она моментально поднялась со своей низенькой скамеечки и обратилась к Лене:

– Ты, дочка, корову подоить хочешь? Пожалуйста!

Лена и глазом моргнуть не успела, как в её руках оказалось эмалированное ведро. Отступать, как говорится, было некуда. Позади, конечно, была не Москва, а мы, раскрывшие от удивления рты. Но Лену это не остановило. Судя по всему, собираясь показать нам мастер-класс по дойке, она довольно храбро подошла к корове, села на табуретку, взяла в руки вымя и… Мы, спокойно стоявшие за забором, как по команде начали зажимать ладонями рты, чтобы не засмеяться.

А засмеяться было от чего, потому что стоим мы за забором и видим следующую картину: сидит наша однокурсница сбоку от коровы и… вот во всю ивановскую старается! А старания заключаются в том, что она усердно дёргает корову за соскú.

Дёрг, дёрг, дёрг, а молока нет!!! Ещё раз дёрг, дёрг, дёрг… Нет молока, и всё тут!

Ага! Что-то здесь не так. Лена переставляет табуретку на другую сторону, вновь садится и… дёргание сосков начинается по-новой. Но молока как не было, так и нет. Ну нет, хоть ты тресни! Лена уж и куртку сняла (жарко стало), и вязаную шапку скинула. И опять: дёрг, дёрг. А молока нет. Да, судя по всему, и не предвидится!

Скамеечка возвращается на предыдущее своё место. Лена опять ставит ведро под вымя, занимает прежнюю позицию, но… Как говорил Иван Андреевич Крылов: «А вы друзья, как ни садитесь...» далее следовало бы перефразировать: «В доильщики вы не годитесь!»

Промучавшись минут двадцать, и вытирая пот со лба, Лена, которая поняла, что молока ей в тот день не видать, с нескрываемой обидой в голосе закричала бабе Рае:

– Вы мне НЕ ТУ КОРОВУ ПОДСУНУЛИ! В НЕЙ НЕТ МОЛОКА!

Баба Рая, не сказав ни слова, подошла к Лене, взяла ведро у неё из рук. Потом погладила корову, села на табуреточку, помассировала ей вымя, нажала на соски и… молоко потекло обильными струями прямо сквозь её пальцы.

Молока, как выяснилось, в тот день у коровы было предостаточно, что баба Рая с гордостью и продемонстрировала, выделив нам под конец дойки целую трехлитровую банку.

Оказывается, надо было не дёргать за вымя, а просто нажимать на соски двумя пальцами. Но Лена, которая с этими премудростями была не знакома, почему-то решила, что за соски корову надо дёргать так, как будто ты дёргаешь за верёвку колокола. Естественно, такое обращение рогатой кормилице не понравилось. Вот она и решила про себя, что неумехам молока давать не полагается.

История эта имела продолжение, но уже на втором курсе.

Нас снова отправили «на картошку», только район уже был другой, и жили мы не у сельских жителей, а в старом фельдшерско-акушерском пункте. Как люди «бывалые» (всё-таки уже были не новички-первокурсники!), управлялись со всем практически сами. Как говорил небезызвестный товарищ Дынин в фильме «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён» – «сами чистили картошку, сами готовили себе еду на костре, сами таскали воду, сами стирали».

Нет, руководители у нас были, но они были из числа всё тех же студентов. С четвёртого курса политехнического института.

Узнав, что наши однокурсники, среди которых была уже известная Лена, расположились в соседней деревне, мы в один из выходных дней решили съездить туда и посмотреть, как они там живут, чем дышат и так далее.

Приезжаем. Видим, что жилище у них более добротное – каменный флигель с двумя выходами.

– Неплохо, – подумали мы.

Познакомились и с контингентом постарше. Студент 4-го курса политеха – на тот момент это звучало гордо! По крайней мере, для нас, второкурсников...

Ну, и дёрнула нас нелёгкая рассказать Сергею о том, как Лена в прошлом году вздумала подоить корову, и что из этого вышло.

Сергей после нашего рассказа аж в близлежащий стог упал – и ну хохотать! Мы думали, что так развеселили его этой историей, а он вдруг заявляет сквозь смех:

– А я-то думаю, чего это Ленка не то что коров, а даже коз и овец за километр старается обходить! Ой, мама, не могу!

И опять захохотал. Ну, и мы с ним, естественно...

После окончания института Лена вышла замуж за парня, закончившего переводческий факультет, и они уехали жить и работать в Тунис.

Там, я полагаю, коров Лене доить не предлагали. Свои нюансы жизни там, скорее всего, были. Но это уже совсем другая история.

А польский проще!

Недавно случилось мне проехаться в общественном транспорте. Обычно я езжу на машине, поэтому поездки в вагонах метро, на трамвае или автобусе – для меня дело редкое. В машине, кроме радио, как правило, послушать нечего. Да и те передачи, которые предлагаются радиослушателям, в добрые советские времена не прошли бы ни одной цензуры. Штамп с единственным (хотя, возможно, не особо блещущим литературными нормами) словом «ХАЛТУРА» стоял бы на каждом сценарии передач, которым предстояло бы выйти в эфир. Иными словами, они в этот самый эфир никогда бы не попали.

В общественном же транспорте ехать хоть и неудобно, зато намного веселее. Едешь – и прислушиваешься. И главное – никакой цензуры!

Вот с одной стороны двое импозантных мужчин тихонько обсуждают то ли бизнес-планы, то ли какие-то деловые проекты. Я до проектов далека, но скашиваю глаза и вижу, что между обсуждениями весьма серьёзных вопросов мужики ухитряются стрелять глазами направо и налево.

На кого? Ну, не на толстую же кондукторшу, обвешанную рулонами билетов и постоянно призывающую вновь вошедших пассажиров не забывать вовремя оплачивать свой проезд. Голос у этой работницы автопарка чем-то смахивает на голос Яна Арлазорова, только в женском исполнении. Вот это арлазоровское протяжное, да ещё и произносимое с особой интонацией «Граждане-е-е-е!» и далеко не статная фигура с кучей билетов-роликов на груди (я даже затрудняюсь сказать, какого размера), видимо, совершенно не привлекают мужчин, которые за свой проезд давным-давно уже заплатили. Посему бизнесмены, которые обсуждают свои дела, смотрят не на неё, а на вновь входящих людей. И если среди них встречаются молодые барышни, то глаза их задерживаются на пассажирках ровно до следующей остановки. А там… Там начинается всё сначала: «Граждане-е-е-е!» где-то на передней площадке и стрельба глазами в разные стороны на задней. Разве в машине увидишь такое?

А вот два парня-студента, судя по всему, из какого-то технического вуза, на чём свет стоит ругают некоего доцента со стандартной фамилией Иванов. По их словам выходит, что работает в этом вузе далеко не человек, а какая-то помесь, состоящая из целого зоопарка зверей, из которых «горилла» – самый безобидный. Речь парней пестрит сравнениями и с другими животными, в основном, конечно, вооруженными рогами и копытами. За что так досталось не известному мне Иванову, выясняется тут же в разговоре: молодым людям никак не удаётся получить зачёт по высшей математике.

Я искренне внутри себя жалею и Иванова, о породе которого я могу только смутно догадаться, и пареньков, потому что сама в высшей математике не понимаю ровным счётом ничего. Окажись я на их месте, я высшую математику не сдала бы никогда. И тогда, вполне возможно, Иванов получил бы от меня какое-то дополнительное сравнение с животным, коего, возможно, ещё даже в зоологическом атласе нет.

Сиденье у меня боковое, на ближайшей остановке справа от меня садятся мальчик и девочка – судя по ранцам за плечами, школьники – и тут же затевают спор: «Где в наше время находится самое смешное место?»

– В цирке! – моментально чуть ли не кричит паренёк в синей куртке с мехом. – Я, когда последний раз с отцом там был, чуть со смеху не лопнул, когда клоуны на арену вышли. У одного штаны были такие широкие, что там, наверное, двое поместились бы. А ботинки… те вообще «каши просили»! Как он в них только ходил?

Но о ботинках он договорить не успевает, потому что девочка тотчас же перебивает его. В голосе – ирония чистейшей воды. Такой интонации позавидовали бы даже артисты театра и кино:

– Да ну, этот твой цирк… Я там была. Ничего интересного. Одни гимнасты да лошади с бантиками. Детский сад какой-то, а не цирк.

Я встаю и начинаю потихонечку продвигаться к выходу. При этом я незаметно улыбаюсь словам «детский сад». Давно ли эти юные создания сами ходили в детский сад? А вот теперь сидят и рассуждают, как взрослые, приводя в пример детский сад, как что-то несерьёзное. Бизнесменов на задней площадке уже нет, они вышли остановкой раньше. Вместо них на сиденьях восседают две старушки, весьма похожие на молчаливые мумии. Мумии же, как известно, не склонны говорить о бизнес-планах. Да и «стрельба глазами» явно не по их части. Я выхожу и направляюсь во Дворец культуры, где провожу индивидуальные занятия со школьниками.

Первым по расписанию стоит Артём. Про себя я называю его «философом», потому что прежде, чем выполнить то или иное упражнение, он долго вчитывается в задание. При этом он шевелит губами, периодически бросая на меня взгляд, правильно ли он мыслит. То есть я для Артёма – своеобразная «лакмусовая бумажка», которая в зависимости от правильности или неправильности сразу же среагирует каким-либо движением глаз, рук, рта – в общем, Тёмик ждёт типичной учительской

реакции.

В этот раз, не начиная урока, я решаю задать Артёму только что услышанный в автобусе вопрос:

– Тёма, а где, по-твоему, у нас самое смешное место?

– Во Дворце, что ли? – Тёмка реагирует на мои слова дословно.

– Да нет. Вообще. Как ты считаешь, где, например, тебя могут рассмешить больше всего?

Артём морщит лоб, потом трёт его двумя пальцами, словно я дала ему задачку из той самой высшей математики, по которой два парня из автобуса никак не могли получить зачёта, потом вздыхает, видимо, пытаясь найти в моих словах какой-то подвох, и говорит:

– Не знаю.

– Ну, не знаешь – и ладно, – и чтобы не мучить ребёнка, я начинаю урок с повторения слов, которые Тёмику даются куда легче, чем поиск ответа на мой вопрос.

Затем наступает черёд фонетики, потом идёт грамматика, в которой Тёма с некоторых пор начал разбираться более-менее нормально. Однако больше всего его ввергает в недоумение вопрос, как англичане используют целых шестнадцать времён, в то время, как русские люди с лёгкостью обходятся всего-то тремя.

– Артём, – начинаю я. – Английский язык на самом деле намного проще русского.

– Не может быть, – и Тёмик рисует на своём лице такое неподдельное недоверие, что я… я не нахожу ничего лучшего, как прибегнуть к сравнению.

Снимая с полки два томика нашей родной русской грамматики, я показываю их Артёму: «Видишь?»

– Ну… – подперев кулаком голову, довольно равнодушно выдаёт мой «философ».

– А вот теперь смотри, – и я достаю небольшую книжицу. Это хорошо известная всем лингвистам грамматика Шубина. – Видишь разницу?

Разница мгновенно вырисовывается на лице моего ученика! Удивлённо хлопая глазами, Тёмка переводит их то на два увесистых и толстых фолианта, то на худосочное (если, конечно, так можно выразиться по отношению к книге) издание в синем переплёте с надписью «Грамматика английского языка» и, почесав затылок, протягивает:

– Да… Вы, пожалуй, правы. Английский язык куда проще.

При этом в его голосе одновременно звучат и разочарование, и радость. Последняя, я полагаю, связана с тем, что на самом-то деле английский язык не такой уж сложный и страшный. Срабатывает стереотип: «Раз книжка тоньше, значит и язык легче». Но при этом я в Тёмкиных глазах вижу что-то такое, чему объяснения найти пока не могу.

Следующий день – это следующий день...

Проведя пять уроков и присев выпить стакан чайку, я слышу, как по коридору кто-то бежит. То, что это не ко мне, я знаю точно, потому что у меня больше нет уроков. Но мой кабинет самый последний, а топот не стихает. «Ну, не может ко мне никто прийти!» – думаю я во второй раз и подношу стакан чая к губам.

И тут… Дверь со всего размаху распахивается. В кабинет гурьбой вваливаются Тёмка, Мишук, Никитос, Аришка с Полиной и даже Славик, с которым я уже год, как не занимаюсь. При этом они так громко кричат и размахивают руками, что я делаю неверный глоток, захлёбываюсь чаем и начинаю кашлять, но пока ещё не могу разобрать, о чём они говорят.

Тёмка, как истинный философ, понимает моё замешательство и командует:

– Стойте!

Все тотчас же замолкают.

А Артём вытаскивает из-под куртки книжечку, которая по толщине раза в два меньше уже известной грамматики английского языка.

– Знаете, что я вам скажу? – рассудительно начинает он (остальные пока молчат) – а давайте учить ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК!

– Зачем? – искренне удивляюсь я, забыв пустить в ход главный аргумент, что польского языка я не знаю.

– А вот зачем! – и Тёмик торжествующе подходит к книжной полке, снимает оттуда учебник по грамматике английского языка и прикладывает к его корке принесённую тонкую книжечку.

– Видите? – в Тёмкином голосе звучат и радость, и уверенность. – Я вчера ходил в библиотеку, где работает моя старшая сестра. И вот что я там нашёл! Посмотрите, какая тонкая книжка! Это польская грамматика. А раз она такая тоненькая, значит, она проще английской! Намного! – как всегда, в своём стиле философски заканчивает он.

Остальные дети не выдерживают, они вновь начинают кричать, тормошить меня, дёргают за руки, за свитер, за новый сине-зелёный шарф с мягкой бахромой по краям…

– Ну, пожалуйста, – умоляюще смотрит на меня Аринка, – правда, давайте учить польский язык. Вон он какой простой… Посмотрите, правда, какая тонкая книжечка. И Тёма говорит…

Я нисколько не сомневаюсь в умении Артёма убедить кого хочешь. Но тут я начинаю смеяться, причём с каждой минутой всё сильней и сильней…

Польский язык! Да его даже в программе нет! Да кому он в наше время вообще нужен! Да и не знаю я его! Да и настолько ли он простой, как убеждённо доказывает нам всем Артём? Вряд ли…

Всё это я пытаюсь объяснить галдящей ребятне. Но аргумент, находящийся в Тёмкиных руках, перевешивает. И дети тормошат меня снова и снова. А я всё смеюсь, не в силах остановиться!

Ну, и где у нас самое весёлое место?

Ужовка… А это где?

В 1988 году я окончила второй курс Горьковского педагогического института иностранных языков им. Добролюбова. Впереди были летние каникулы. Но ещё задолго до этого, где-то в марте, в нашу студенческую среду просочилось удивительное слово «стройотряд». Оно захватывало, манило, будоражило воображение и таило в себе столько романтики, что мы, ещё не очень хорошо представляющие себе, что вообще это такое, очень хотели туда поехать.

Чуть позднее на студенческой доске объявлений появились места, где требовались рабочие руки: Якутия, Чувашия, Краснодарский край. Особняком стоял ССО «Стрела», где набирали бригады проводников, которые должны были в летнее время работать на дополнительных поездах южного направления. (Это для меня загадка до сих пор: ведь в «Стреле» ничего не строили, но на шевроне у нас, как и у всех остальных, стояла аббревиатура ССО – «Студенческий стройотряд»). Вот тогда-то мы с моей подругой Светланой решили записаться в эту самую «Стрелу».

Сказано – сделано. Мы пришли в студенческий профком, но там, посмотрев на двух худеньких второкурсниц, только с улыбкой покачали головами: «Вам и восемнадцать-то едва исполнилось, да и здоровье там нужно железное, ночами приходится иногда не спать (Ого! Серьезное предупреждение для студента!) Да и вообще набор на проводников уже закончен. И езжайте-ка вы, девчонки, лучше в пионерский лагерь работать вожатыми – там хоть воздухом подышите!»

Тогда я даже предположить не могла, что у скромницы-Светки окажется такой дар красноречия и умения убеждать; что ей (и это было бы чистой правдой!) сумели бы позавидовать Демокрит и Сократ вместе взятые, услышь они тогда двадцатиминутную тираду, просто битком набитую различными вескими доводами. Мне выпала роль только изредка вставлять кое-какие реплики, когда Светка переводила дух. Очевидно поняв, что в полемику с нами вступать бесполезно, председатель профкома всё же записал нас, пробурчав себе под нос, что «малявки и так сбегут сами, испугавшись первых же трудностей».

Однако «малявки» не сбежали и, пройдя трёхмесячные курсы в ДОП-2 (кто не знает, что такое ДОП-2, могу объяснить: «Дирекция по обслуживанию пассажиров»), успешно сдали экзамены на проводников.

И вот подошёл к концу июнь, нам выдали формы, нашивки, золотистый значок МПС и записали на первый рейс в Адлер.

Так началась наша вагонно-колёсная жизнь. Через каких-нибудь две недели стало привычным делом носить сразу по шесть стаканов чая за раз (три в одной руке, три в другой), заправлять перед поездкой вторые полки в вагоне постельными принадлежностями, быстро заполнять «бегунки» (листы, где отмечалось наличие свободных мест) и т.д. Спать и вправду приходилось мало, но это было ничто по сравнению с тем, что впереди, в Адлере нас ждало море! Правда, приезжали мы на конечный пункт с неизменным опозданием, и купаться в море нам приходилось по ночам, но для нас в то время это не имело никакого значения. Жизнью мы были не избалованы и, надо сказать, что на море многие из нас тогда впервые попали именно благодаря работе в «Стреле».

За два месяца мы очень сдружились, так как ездили практически всегда одной бригадой. Не обошлось и без курьёзов, без которых, по-моему, вообще немыслимы студенческие будни. Об одном из них я расскажу.

На пути следования нашего поезда была станция под названием Ужовка. В одну из моих поездок ко мне в вагон сел пассажир, следовавший как раз до этой станции (поезд прибывал туда около часа ночи). Ехал этот товарищ в какую-то очень важную командировку, о чём в дороге успел поведать мне раз пять. Он очень боялся пропустить свою станцию и поэтому периодически подбегал ко мне с одной и той же просьбой – вовремя напомнить ему, что мы приближаемся к Ужовке. В десять часов, когда большинство пассажиров уснули, я зашла в дежурное купе проводников и незаметно для себя задремала. Приблизительно в половине первого я проснулась и решила пойти разбудить гражданина, дабы тот потихоньку начал собираться. И тут… Я дёргаю за ручку двери своего купе изнутри, а её, как на грех, заклинило. Я и так пытаюсь, и сяк, и осторожно открыть, и нажимаю на неё – всё впустую. Время идёт, я сижу в запертом купе, как в заточении, вот уж и Ужовка скоро, а мой командированный пассажир там в вагоне, наверное, спит и ничего не подозревает. Вот ситуация!

Однако дядька, словно солдат на посту, и не думал спать. Он по времени сообразил, что подъезжает к своей станции, подошёл к моему купе и постучался. Здесь мне и пришлось ему объяснить, что дверь заклинило, и я не могу выпустить его из вагона. Что тут началось! Пассажир с воплями стал призывать в свидетели всех святых, упоминая при этом о том, что он, добропорядочный гражданин, едет в командировку в Ужовку, но его не выпускают из поезда! На шум и крики прибежали проснувшиеся пассажиры и стали думать, как вызволить меня из злосчастного купе. В это время поезд остановился. С криками: «О, ужас! Моя Ужовка! Мне же здесь выходить!» и что-то ещё в этом роде, дядька заметался в тамбуре (ему и в голову не пришло выйти через другой вагон, а я с перепугу тоже этого не сообразила).

В этот момент одному из мужчин всё же удалось отжать заклинившую дверь. Я быстренько юркнула в тамбур, открыла входную дверь вагона, и мой пассажир, увидевший освещённый перрон и огни вдалеке, выскочил из поезда, не помня себя от радости.

…Мы поехали дальше. Разбуженные пассажиры потихоньку разошлись досматривать сны, я же больше не решилась закрывать купе до отказа и оставила дверь полуоткрытой. Через полчаса мы вновь остановились. Яркие огни за окном дали понять, что мы подъехали к какой-то довольно большой станции. Я открыла дверь вагона. Платформа была пуста, никто в наш поезд не садился. По перрону ходил только человек в форменной фуражке с железнодорожным фонарём в руках. На мой вопрос, какая это станция, он лениво ответил:

– Так Ужовка!

– Как Ужовка? – вытаращила я глаза. – Мы же должны были её давно проехать!

– Опаздываете вы по расписанию, – всё так же, позёвывая, ответил человек в фуражке. – На предыдущей станции ваш состав, хоть вы и не должны были там остановку делать, всё же пришлось остановить, чтобы пропустить встречный поезд. Да вы-то что беспокоитесь, к вам же всё равно никто не садится!

Баку

Как Азербайджан появился в моей жизни? Не совсем обычно.

Когда-то давно, я училась тогда ещё только в третьем классе, наша учительница, строгая и правильная коммунистка, Анастасия Демьяновна велела выучить всему классу стихотворение «Пятнадцать республик – пятнадцать сестёр». Все, конечно же, выучили. После того, как половина класса довольно бойко отчеканила про то, как «эстонка и русский, грузин и узбек, с открытой душой породнились навек», Анастасия Демьяновна довольно улыбалась. А потом вдруг задала вопрос: «Ребята, а куда бы вы хотели съездить, если бы представилась такая возможность?»

В то время идеология, видимо, распространялась даже на учеников начальной школы, поэтому в тупик такой вопрос никого не поставил.

Первой подняла руку отличница Светочка Слюнина и сразу же ответила, что хотела бы поехать в Белоруссию, потому что её папа – зам.главного инженера местного завода телерадиоаппаратуры – постоянно туда ездит в командировки и всегда что-нибудь привозит. И ей, и младшей сестре Наташе.

Вторым оказался, как ни странно, Мишка Захаров. Вообще-то Мишка учился плохо. Мы втихаря называли его «балбесом» и «двоечником», но Мишка, хоть это и было чистой правдой – двойки он получал с завидной регулярностью – если это слышал, тут же начинал лупить всех подряд: как мальчишек, так и девчонок. Не трогал он только меня, потому что сидел со мной рядом, а я ему частенько подсказывала.

В этот раз Мишка с ходу выпалил о родственниках, живущих на Украине. Для убедительности мой сосед по парте энергично жестикулировал во время своего «выступления», а в конце даже попробовал сплясать гопак, за что растроганная до глубины души Анастасия Демьяновна незамедлительно поставила ему «пятёрку».

Весь наш класс вытянул вперёд головы, потому что появление «пятёрки» напротив фамилии Захаров – было событием уж если не вселенского, то всеклассного масштаба – это точно. А я даже привстала, чтобы посмотреть на то, как чудеса иногда происходят наяву.

– Ну, а ты, любопытная головушка, – обращаясь ко мне, спросила Анастасия Демьяновна, – куда хотела бы поехать?

Почему я тогда так ответила, сказать не могу. Нет у меня объяснения. Но не любившая, чтобы меня заставали врасплох, я выпалила: «В Азербайджан!»

Мой ответ вызвал удивление у нашей идеологически правильно подкованной преподавательницы, потому что она озадаченно спросила:

– У тебя там тоже родственники живут?

– Нет, – отрицательно помотала я головой.

Вновь взглянув на меня с любопытством, словно она видела меня впервые, Анастасия Демьяновна, не найдя в моей внешности ничего азербайджанского, задала очередной вопрос:

– А зачем ты хочешь туда поехать?

– Там тепло. И там есть море, – нисколько не растерявшись, ответила я.

То, что в Азербайджане действительно есть Каспийское море, я знала от отца. Не особо баловавший меня своим вниманием, мой родитель как-то рассказал о том, что ему пришлось лететь в командировку в столицу Дагестана – Махачкалу, и там ему посчастливилось несколько раз искупаться в Каспийском море.

– А оно большое? – спросила я тогда, совершенно не представляя себе размеров морей, какие бы названия они ни носили.

– Конечно, большое, – усмехнулся мой папаша. И многозначительно добавил: – До самого Азербайджана тянется.

Короче, из этого разговора я поняла две вещи: Дагестан и Азербайджан находятся рядом с Каспийским морем.

Ну, а в тот день, когда я, не подумав, сказала, что хочу поехать в Азербайджан, я пришла домой и, пообедав, открыла дверцы старинного книжного шкафа. Пододвинув к нему вплотную стул и взобравшись на него, я вытащила с полки девятый том «Детской энциклопедии». Правда, мои надежды на то, что я найду там что-то интересное, не оправдались. Промучившись с полчаса над непонятным текстом, который пестрил цифрами, свидетельствовавшими об ударных темпах развития Азербайджанской ССР, я уже разочарованно хотела закрыть толстый жёлтый том, как вдруг на глаза мне попался азербайджанский флаг. Внизу у него была яркая синяя полоска, а наверху, на красном фоне, как обычно, располагались серп и молот. Вытащив цветные карандаши, небольшой лист ватмана, я высунула язык и с усердием стала рисовать этот так понравившийся мне флаг, раздумывая над тем, что и наш, тогда ещё советский, флаг, мог бы быть поинтереснее, если бы у него внизу тоже была какая-нибудь цветная полоска. Или даже не полоска, а что-то такое, что хотя бы немного разбавило бы красный цвет, из которого весь флаг, в общем-то, и состоял.

… Шли годы. Ходики на стене мерно отсчитывали минуты и часы.

Я иногда вспоминала эту историю, заставившую от удивления высоко поднять брови нашу учительницу.

К примеру, тогда, когда после долгого простоя располагавшийся в нашем районе завод «Красное Сормово» вновь стал выпускать танкеры для Азербайджана. Только, естественно, уже не советского. Или, например, тогда, когда первым пациентом моего сына стал азербайджанец, Хаял Сафаров.

И ещё тогда, когда в мой кабинет с блестящими от радости глазами не вошла, а влетела Нургюль Салахова. Милая девочка, азербайджанка, которой никак не давался английский, положила передо мной раскрытый дневник с первой «четвёркой». Это действительно была победа после года мучений с неподдающейся фонетикой и трудной, по мнению Нургюль, грамматикой.

Таких случаев было в моей жизни несколько. Может быть, пять, а может, и все десять. Считать их мне просто не пришло бы в голову.

– Совпадения, – каждый раз думалось мне, – надо же, как в жизни бывает!

Но всякий раз перед моим мысленным взором вставала картинка из далёкого-далёкого детства, когда на вопрос: «А куда ты хочешь поехать?», я, не задумавшись ни на секунду, ответила:

– В Азербайджан!

***

Не счесть, сколько раз я проходила мимо этого строя междугородных автобусов, которые отправлялись с Московского вокзала в Москву, в Питер, в Казань и в другие города. Видела я их всегда только сзади, и мне в голову не приходила мысль посмотреть, как они выглядят спереди.

Вот и в этот раз, проводив моего двоюродного брата на поезд, следующий в Пермь, дружески расцеловавшись на прощание и дав ему кучу нужных (а ещё больше – совершенно ненужных) советов, мы с мужем вышли из здания вокзала. Я осталась стоять на старых выщербленных ступеньках, которые повидали на своём веку все виды сумок, тележек и чемоданов на колёсиках. Это они, разношёрстные и разноликие, именуемые одним словом «багаж», оставили на когда-то новых ступеньках свои следы. Муж, наказав мне не отходить с этого места, чтобы не потеряться, отправился за машиной, пообещав вернуться через десять минут. Напротив вокзала красовался недавно отстроенный торговый центр, который казался сделанным из одного только стекла – так сильно он блестел на солнце. А мимо меня продолжали сновать отъезжающие и приехавшие в наш город люди или просто те, кому требовалось сделать пересадку именно в этой точке.

Заметив наш старенький «Рено», я спустилась со ступенек, и через минуту мы уже огибали вокзал с другой стороны. Муж был весел, насвистывал какую-то мелодию в тон работающему в салоне машины радио, я же, глядя в окно, увидела, как мы подъезжаем к ровному строю автобусов, которые подобно поездам скоро должны были отправиться по разным направлениям.

Москва, Москва, Ульяновск, Саранск, …. – замелькали передо мной таблички на автобусах.

– Стой!!! – я закричала так громко, что муж вздрогнул.

Я же только через несколько секунд поняла, что мы стоим не потому, что он нажал на тормоз по моей просьбе, а потому, что перед нами ярко-ярко горел запрещающий движение красный свет. Дёрнув за ручку передней дверцы, я, как колобок, выкатилась из машины. Муж даже не успел схватить меня за руку. Наша машина тронулась и продолжила свой дальнейший путь, но я даже не обернулась в её сторону. Ноги сами понесли меня к автобусам.

Я никого, кто мог бы так резко заставить меня принять какое-то решение, там не увидела. Моим вниманием завладел только большой серо-голубой автобус, с белыми «ро́жками» – зеркалами бокового вида и надписью «IVECO». Приблизившись, я была готова обнять бампер этой красивой махины, которая через тридцать семь часов окажется там, куда меня тянуло магнитом. Я была готова упасть на колени и прочитать этому красавцу напутственную молитву. Боже мой, я готова была на месте расцеловать его!

Конечно, увидев подобную сцену выражения любви к четырёхколёсному великану, люди бы шарахнулись от меня в сторону, а то и вовсе вызвали бы мне «неотложку». Нет, я не до такой степени не дружу с головой (хотя после травмы ей, бедной, досталось изрядно). Поэтому я стояла, переминаясь с ноги на ногу, и не сводила глаз с автобуса, за передним стеклом которого красовались всего четыре буквы: БАКУ.

Водитель, увидев меня, расценил моё появление перед автобусом по-своему:

– Эй, красавица, садись, поедем со мной прямо до моря!

Я никогда не считала себя красавицей, более того – по моему твёрдому убеждению, во мне не было даже намёка на это обольстительное женское качество.

Впрочем, водитель моментально изменил своё решение, потому что за моей спиной неожиданно выросла шкафообразная фигура мужа. Водитель оказался умницей во всех отношениях, потому что он сразу же сделал вид, что ему что-то срочно понадобилось найти в «бардачке», который был расположен справа от его сиденья.

– Не понял, – искренне произнёс муж, попытавшись развернуть меня к себе лицом, – ты что, совсем с ума сошла – чуть ли не на ходу выпрыгивать из машины? Это ради того, что ли, чтобы полюбоваться на какой-то там «IVECO»? Да сейчас этого добра хоть пруд пруди развелось! Нет, я конечно, понимаю, – продолжал он, – твою ненормальную страсть к четырёхколёсной братии, но чтобы до такой степени… И потом, это не представительский чёрный «Меган» последнего выпуска, который тебе по ночам снится, а автобус. Ты понимаешь? Ав-то-бус.

Он говорил ещё что-то, довольно убедительно и абсолютно правильно, а я стояла и думала: «Слава Богу, он ни о чём не знает». Потому что, если бы знал, он меня точно бы посчитал за ненормальную. Или, в лучшем случае, неправильно бы понял…

***

Так уж получилось, что с недавнего времени Баку стал тем городом, куда меня тянет с непреодолимой силой. Как другие стремятся попасть в столичные города – Москву и Санкт-Петербург, вот так же мне хочется побывать в Баку.

Частый просмотр фотографий и открыток привёл к тому, что я, наверное, уже выучила все достопримечательности столицы Азербайджана: Дворец Ширваншахов и улицы, где снимали знаменитый фильм «Бриллиантовая рука», Музей ковра и мечеть Биби-Эйбат, Площадь фонтанов и телебашня, мечеть Тезепир, Центр Гейдара Алиева… И это далеко не всё!

Если быть до конца честной, больше всего меня восхищают Пламенные башни. Наверное, потому, что таких я нигде не видела. Судя по фотографиям, в ночное время они ещё и подсвечиваются. Представляю себе, какая это красота и как везёт тем, кто в это время находится рядом!

Иногда мне так и кажется, что я стою в одном из бакинских парков, и Нариман Нариманов смотрит на меня со своего высокого постамента.

В Баку вообще много памятников. Бакинцы – молодцы. Сразу видно, что здесь ценят и уважают всех тех, кто оставил след в истории Азербайджана и не только. Какие только имена не увековечены в этом прекрасном городе!

Классик азербайджанской поэзии Низами Гянджеви. Поэт и мыслитель Физули. Выдающийся поэт Имадеддин Насими, писавший на азербайджанском, персидском и арабском языках. Композитор Узеир Гаджибеков. Академик Юсиф Гейдарович Мамедалиев. Разве всех перечислишь…

А ещё я знаю, например, что если встать к памятнику Наримана Нариманова лицом и, обойдя его с левой стороны, пройти наискосок несколько кварталов, можно попасть на улицу Фаика Юсифова – сержанта, который погиб, выполняя боевое задание во время Карабахского конфликта. А если с этой улицы дойти до ближайшей станции метро и проехать три остановки, то взору предстанет Национальная библиотека Азербайджана. Здание, проект которого архитектор Микаэль Усейнов спроектировал в 1949 году, было выстроено одиннадцать лет спустя. В то время долгострои были не в почёте. Однако выстроить такое величественное здание быстро не получилось бы. А библиотека и вправду привлекает к себе взоры проходящих мимо людей: хоть с точки зрения красоты, хоть по своим масштабам. Хотя первое, однозначно, перевешивает.

Я очень люблю осень. Это моё любимое время года. Как у Пушкина. Кстати, памятник «солнцу русской поэзии» в Баку тоже есть. И порой мне так и кажется, что я неспешным шагом иду по сентябрьскому или октябрьскому Баку и опавшие с деревьев листья шуршат у меня под ногами. Словно что-то тихо рассказывают мне об этом удивительном городе.

***

С некоторых пор я не люблю число 2500 и даже, проходя с учениками тему «Четырёхзначные числа», стараюсь обходить его стороной. Почему не люблю – да только потому, что это число превратилось для меня в показатель недосягаемости. Две тысячи пятьсот километров от нашего места жительства до Баку. Две с половиной тысячи километров… Дети же – наоборот – так и норовят вставить именно это число в разряд «примеров».

– Ту саузэнд, файв хандрид… – бойко начинают Славик или Мишка и тут же замолкают, забывая, что по-английски два нуля подряд читаются как «двойной ноль», а слово «двойной» у них вечно вылетает из головы.

– Энд дабл зироу, – со вздохом заканчиваю я.

– Энд дабл зироу, – с улыбкой повторяют мои ученики. Мне же не до улыбок. В лучшем случае я изображаю на своём лице подобие этой самой улыбки, которая получается довольно кислой, и тут же «переключаю» ребят на чтение текста о достопримечательностях Британии.

Ночью число две тысячи пятьсот «оживает», и цифры принимают вполне реальный человеческий вид. Двойка начинает бешено хохотать над моим, даже во сне не пришедшем в норму, настроением. Пятёрка скромно молчит, потупив взгляд, а два нолика неизменно принимают образы Рината и Рифата – братьев-близнецов, которые отслужили в мор. флоте полтора года (а не год, как принято сейчас).

Эти два нолика-брата стоят навытяжку около Вечного огня в Севастополе, и я всегда вижу их только там, в отглаженных чёрных брюках, в белоснежных рубашках и бескозырках, с автоматами за плечами.

Между нами начинается мысленная беседа, ибо мы уже давно научились понимать друг друга, не открывая ртов.

– Магдалина Вячеславовна (ребята воспитаны идеально, обращаются ко мне только по имени-отчеству и знают только это моё имя, что меня безмерно радует), – начинает Ринат, – перестаньте расстраиваться.

Естественно, Ринат ничего такого не произносит, ему нельзя говорить, он же на боевом посту! Вместо него эти слова произносят его выразительные тёмные глаза.

– Ну, правда, перестаньте, – тотчас мысленно подхватывает Рифат. – Вы лучше представьте себе, что было бы, если бы с нами ещё был и Ришат!

О, я прекрасно понимаю, что он хочет этим сказать! Дело в том, что всего их трое. Не двое, а трое, и они не двойняшки, а тройняшки, которым несказанно повезло оказаться служить в одной роте, в одном подразделении… И если бы Ришат был сейчас с ними, то «братцев-ноликов» было бы не два, а три, и число две с половиной тысячи превратилось бы… в двадцать пять тысяч. Соответственно, число километров возросло бы в десять раз. И тогда Баку благополучно оказался бы где-нибудь в Австралии или (ой, я не сильна в географии), может быть, даже на Южном полюсе. Бр-р-р, мне даже во сне становится холодно от этой мысли, и я просыпаюсь.

Проснувшись, я пытаюсь сообразить, что это был всего лишь сон, и Баку пока ещё стоит на своём месте, на берегу тёплого Каспийского моря, и ни в какую Австралию, а тем более на Южный полюс он не переместился. Отчасти меня это успокаивает.

«Жизнь прекрасна!» – и с этими знаменитыми чеховскими словами я вновь засыпаю, радуясь про себя, что за время моего сна географическая карта мира не подверглась никаким изменениям.

***

Водитель сине-серого «IVECO» мягко закрывает двери. У меня внутри тоже словно что-то захлопывается.

Небо, с которого только что светило ласковое солнышко, начинает предательски хмуриться, выдвигая напоказ «тяжёлую артиллерию» в виде тёмно-серых облаков.

– Пойдём, – то и дело дёргает меня за руку муж, – что ты прилипла к этому автобусу?

Я и вправду будто «прилипла», хотя со стороны нет ничего такого, что могло бы доказать моё нежелание уйти.

Меж тем серо-синий междугородный красавец едва слышно трогается с места. Мигнув провожающим на прощание ближним светом фар (я к провожающим не отношусь, но мне тоже достаётся небольшое количество желтовато-белого ободряющего света), он сначала выезжает на Привокзальную площадь и затем, постояв там минуты две, разворачивается и берёт курс на противоположную от Москвы сторону.

– В следующий раз… В следующий раз… В следующий раз… – колотит меня по вискам совершенно неправдоподобная фраза, потому что я прекрасно понимаю, что «следующего раза» не будет. По крайней мере, в этом сезоне – точно!

Начавшийся дождь смывает с моего лица невесть откуда взявшиеся слезинки. Муж, пребывающий в полном непонимании моего поведения и настроения, раскрывает надо мной (я всегда поражаюсь предусмотрительности моей второй половины) зонт, и, глядя на его синее полотно, я опять начинаю думать об уехавшем в Баку без меня «IVECO».

– Ну, почему в жизни всё всегда заканчивается полной несправедливостью? – думаю я, пряча лицо в надетом на голову капюшоне.

Гроза, заставшая нас так внезапно, не даёт ответа на этот вопрос. Она только заставляет нас поторопиться и ускорить шаги.

В машине муж смотрит на меня совсем уж пристально и вдруг почти догадывается: «Тебе на море, наверное, захотелось, да?»

Видимо, моя заплаканная и просящая сочувствия физиономия заставляет его задуматься о чём-то, и затем он в нерешительности произносит: «Так врачи же запретили тебе менять климат!»

Боже мой! А я и забыла об этом! Мне много чего запретили после той ужасной январской ночи две тысячи четырнадцатого года. То нельзя, другое нельзя – вся моя жизнь превратилась в сплошное «нет» и «не полагается».

Я с тоской оглядываю светло-бежевый салон нашего видавшего виды «Рено» и произношу: «Я не к морю хочу, зачем оно мне? Я всё равно плавать не умею». И, выждав минуту, заканчиваю фразу: «Я в Баку хочу».

– В Баку-у-у-у? – муж широко раскрывает глаза и на мгновение теряется. – А там-то тебе что делать?

– Национальную библиотеку Азербайджана посмотреть, – бурчу я, проглатывая очередной ком, застрявший в горле.

– Ну, правильно мне отец говорил, что никогда не поймёшь, что этим женщинам надо, – с этими словами он заводит мотор и, неодобрительно качая головой, трогается с места. – Библиотеку посмотреть! Люди добрые, ради библиотеки надо ехать за тысячу вёрст! – не унимается он.

Мне хочется его поправить, что «вёрст» намного больше. В два с половиной раза больше.

Но я ничего не говорю. Смотрю в окно, за которым перекатываются дождинки, обгоняя друг дружку, стекая по стеклу машины, и… молчу. Да и что я вообще могу сказать?..

ДМИТРИЙ ДАДАШИДЗЕ

Осенний сезон

**Он чувствовался смутно.
И, солнцем обожжён,
в его ладонях смуглых
метался Абшерон.
Метался в знойной зоне,
а там, на берегу,
был весь как на ладони
взлохмаченный Баку.
И были в лихорадке
видны со всех концов
сутулые лопатки
бесчисленных домов.
Приспущенные шторы
виднелись там и тут,
и люди ждали шторма,
как телеграммы ждут.
Да, люди ждали ветра,
и, как идут в прорыв,
раздвинул смело ветви
его сквозной порыв.
И пыль, уже дурея,
он гнал издалека,
и шли поверх деревьев
густые облака.
...Он стороной пронёсся,
прошёл недолгий дождь,
но местные прогнозы
ещё бросало в дрожь.**

Дальтоник

**Побыть на цветовом режиме
полезно даже иногда,
мне часто говорят, что в жизни
я вечно путаю цвета.**

**Люблю я осенью и летом,
на перекрёстке с давних лет
зелёным любоваться светом,
перебегать на красный свет.**

**Сгущаю краски то и дело,
доказывая битый год,
что чёрное зовётся белым,
а белое – наоборот.**

Смешались все цвета, недаром
я в море Чёрное нырну
и, шоколадным от загара,
опять уйду на глубину.

Но с каждым разом всё сильнее
зов ощущаю белизны,
когда, от холода синея,
вершины вижу с вышины.

Я краски узнаю любые,
их приближенье, голоса.
И называю голубыми,
как тучи, серые глаза.

Восклицание

Моей пишущей машинке
в металлической обшивке
не хватает одного
удивительного знака –
буквы испещрить бумагу
ухитрились без него.
Восклицательный! Куда же
делся он? Кому ни скажешь,
улыбаются в ответ.
Запятые есть и точки,
и кавычки стиснут строчки,
а его в помине нет.
Усмехнулся старый мастер:
«Знак пустил я на запчасти,
он ни сердцу, ни уму.
Приложил я тьму стараний,
чтоб прожить без восклицаний
и без возгласов. К чему?»
Он сказал: «Сынки и дочки,
вы над «и» поставьте точки
и поставьте под вопрос
всё, что пишется с заглавных,
и старайтесь быть на равных,
а не то утрут вам нос.
Не надейтесь на цитаты,
ну, а коль припрёт, ребята,
с подлецом лицом к лицу,
научитесь вы отваге
восклицать не на бумаге,
а пощёчиной лжецу».

МАРАТ ШАФИЕВ

«Нет, он прежний, мой жизненный почерк»

В сентябре 2023 года я издал «Историю русскоязычной бакинской поэзии», в тексте об Илье Дадашидзе мельком упомянул и его младшего брата. Через несколько дней прилетело электронное письмо из Израиля от фантаста Павла Амнуэля (ещё не знающего о моей книге): «Есть ли у вас последние стихи Дмитрия Дадашидзе?» А потом Ляман Багирова сообщила, что из Германии пожилая бакинка прислала ей книгу Дадашидзе: «Пусть у вас, здесь она никому больше не понадобится». И эти совпадения были знаком, голосом самого Дмитрия: *«И я здесь был».*

Я только раз его видел. Более 10 лет он руководил (сам и создал) поэтическим объединением «Хазар», и вот в 1997 году в небольшой комнате Дворца культуры имени Мустафаева (бывшее Фиолетова) он прощался со своими соратниками. Время уже потрепало шелковистые завивающиеся волосы, но в свои 50 (в потёртой джинсовке) он ещё хорохорился, топорщились чуть посеребрённые мужественные усы (*«Он знал, что за блаженство кисти/ нередко платят сединой»*), и только близорукие глаза за толстыми стёклами очков выдавали вовсе не воинственную интеллигентную породу.

В Ганновере его беспокойный дух при Толстовском обществе создаёт студию «Lister Turm», приступает к составлению Антологии современной азербайджанской лирики. Многих переводов под рукой не оказалось, и в Баку Мансур Векилов и Севиндж Гейдарова шерстят местную периодику.

В 2003 году он везёт тяжеленный багаж, в Санкт-Петербургском аэропорту ломает ногу и возвращается обратно. Книги прибыли на родину без автора… Я читал этот солидный труд (56 имён: Мамед Араз, Фикрет Годжа, Сабир Рустамханлы, Чингиз Алиоглу, Идаят и прочие), понимал всю его значимость, но мне не нравилось. Дело не в Дадашидзе, он сделал всё возможное, но… пришли другие времена, взошли другие имена. Но, ей-богу, лучше читать этот крепко сбитый восторженный соцреализм, чем пропадать в хаосе сегодняшней деструктивной поэзии.

Дадашидзе-поэт интереснее Дадашидзе-переводчика. Не веря в Потусторонность, он тем не менее несомненно был на стороне Светлых: *«Но ангелы-хранители –/ Хранители огня,/ я с вами заодно»*. В поэме «Огнепоклонники» (из первой книги 1975 года «Притяжение огня») разговор о Доме огня – Атешгях расширяется до большего: не просто физика, но священный символ и паломников, и Инквизиции, и тех, *«кто в штурме и обороне/ пред лицом мировых агоний/ вызывали огонь на себя»*. А ещё «водородный» огонь, оставляющий от городов только тени, огонь газовых скважин и огонь вдохновения, страсти. Этому свету он остался верен до конца жизни, уточняя: *огнепоклонник – это ведь не идолопоклонник*.

«Вновь горяча моя ладонь,/ её согрели стены эти,/ на башне Девичьей огонь/ пылает не одно столетье», – вечные огни Баку (города Бога) зажгли не одну душу; и обожжённые и закалённые люди вступили в схватку с другими стихиями: *«Стремительный Хазри,/ раздуй пожар внутри/ у тех, кто поднимается на эти алтари»*, и отступил Хазар, посередине которого *«люди железной воли»* возвели *«город из швов и свай!»*

Как складно рифмуются Хазри-ветер и Хазар (древнее название Каспия). И нет одного без другого. Для этого и задумывался поэтический «Хазар», где соловьиные партии Добра и Зла, и людские голоса *«обретают торжественность хорала»*.

Да! свою Антологию Дадашидзе назвал: *«О Хазар! Это таинство Слова»*.

Дело не в пушкинском Олеге, захотевшем *«отмстить неразумным хозарам»* – страшнее открытого зла духовное банкротство. В чём же выход? *«Может, спасение в следующей жизни, очередной творческий набег – иммиграция по высшему разряду»*. «*На земле немало магистралей,/ а Млечный Путь не пройден был никем»* – так он переводил Лятифа Велизаде. (И не этот ли «Хазар» всплыл в подсознании, когда я придумывал имя для конкурса хайку? Так и стало: «Хайку на волнах Хазара».)

Дадашидзе учился в московском Литературном и в его аспирантуре, был свидетелем и соучастником рождающихся на глазах легенд. Это тогда отчислили Николая Рубцова, сорвавшего со стен в коридорах общежития портреты классиков, чтобы выпивать с ними в своей комнате: *«Мне хотелось прочесть стихи, все кругом спали»…»* Окончание вуза справляли в «Арагви», сокурсник Эльдар Шарифов вдруг метнулся и стал обниматься с поэтом, *«чьё имя при жизни в истории вошло»*. Оказалось, они сдружились ещё в 1969 году в Гаграх: пили «изабеллу» из трёхлитровых банок и закусывали мандаринами из ведра. Евтушенко не удержался похвастаться военными часами со множеством функций: «Мне их в Нью-Йорке продал за гроши седой, как лунь, часовщик из Одессы. Эти часы ещё будут носить мои внуки и правнуки». Эта побасенка в итоге стала «Стихами о московском времени», о стране, *«что в воде не тонет и не горит в огне»*. Жаль, будущее не оказалось столь однозначным, и в итоге колокольный звон трезвонил и по нему самому: *«О, времена! Что с теми/ стряслось, кто мог во мгле/ московское знать время/ на матушке-земле?»*

По окончании института выпускник предъявлял рукопись, которую государство обязательно печатало. К первой книге Дадашидзе предпослал введение Лев Озеров: *«Стих в лучших своих проявлениях повинуется воле песнопевца, певца своего огнедышащего и морского края»*. Какое точное схватывание сути ученика! *«Я лишь Баку дышал и жил»* – из братской Грузии, из Москвы, из чужого «немецкого окружения» Дадашидзе всегда будет рваться *«в тот город, что ночами снится,/ где с каждым камнем был на "ты"»*.

Вторая его книга «Меж Арагвой и Курой» будет издана только через 14 лет после первой. Что было причиной такой задержки? Неумеренное питие, сформировавшее по отношению к нему критическое общественное мнение? В стране повального пьянства, конечно, питие – грех не смертельный, но всё равно внешние правила приличия должны были быть соблюдены, хотя бы со стороны ответственных лиц. Но как же при этих условиях я говорю о Дадашидзе, как об игроке на стороне Светлых? Но разве не был «пригвождён к трактирной стойке» Блок, тем не менее осознаваемый и боготворимый нами по иной шкале ценностей? *«Простим угрюмство – разве это/ Сокрытый двигатель его?/ Он весь – дитя добра и света,/ Он весь – свободы торжество!»*

Весь спектральный мир заключён в белом. *«Но с каждым разом всё сильнее/ зов ощущаю белизны,/ когда, от холода синея,/ вершины вижу с вышины»*, – 22 апреля 2010 года Дадашидзе дождался своего корабля (*«Похожи листы бумаги/ на белые паруса»*) и окончательно слился с белым светом.

15 октября 2023

ЛЯМАН БАГИРОВА

ЭССЕ

Музыка дождя

К 60-летию со дня смерти А.М.Герасимова

Вступление

Джанни Родари убеждал когда-то: «Цвет свой особый У каждого дела». Но разноцветными бывают не только ремесла. Аура любого человека и место его обитания, его дом имеют собственный цвет и бесконечное богатство оттенков. Я глубоко убеждена, что каждый человек подобен минералу. Только руда на изломе являет причудливые узоры и тончайшие переходы цветов, а человек в течение жизни преломляется в чертах характера. А дом его, словно зеркало, отражает эти черты.

Дом моего деда был зеленым. Все оттенки изумрудного царствовали в небольшом пространстве двухкомнатной московской квартиры по улице Ферсмана, 12. Восточный ковер в зеленых тонах на стене, зеленоватое шелковое покрывало на кровати, настольная лампа под зеленым абажуром-ландышем, оливковый плюшевый диван. Даже круглые медные чеканки и рамы картин на стенах тускло отблескивали зеленым.

Дед самозабвенно любил искусство. Чудесно пел, играл на народных инструментах, собрал прекрасную библиотеку и большую коллекцию картин. Шесть из них мама взяла потом на память, и они украшали наш дом изысканным и печальным великолепием. От роскошной картинной галереи остались лишь нежные искры. Но это было потом…

Дед трепетно относился к своим сокровищам. Каждое утро повторялся один и тот же ритуал. Дед перетаскивал за собой стремянку, устанавливал ее возле каждой книжной полки и картины и тщательно вытирал с них пыль. При этом корешки книг и верхние панели рам оглядывались очень тщательно: не завелись ли в них жучки-древоточцы и серебристые юркие чешуйницы, не пожелтели ли страницы? К счастью, ничего такого не было, да и не могло быть при дедовом усердии.

Около двух картин дед задерживался подолгу. Оглаживал темные простые рамы, любовно проводил рукою по полотнам. Да и висели они рядом, удивительно схожие названиями – «Вечер после дождя» Исаака Левитана и «После дождя» Александра Герасимова.

На мой осторожный вопрос, что же в них ему так нравится, дед отвечал кратко и точно:

– Запах. Неужели ты не чувствуешь, какой аромат исходит от них? Посмотри на картину Левитана. Вечернее осеннее небо, всюду сырость – весь день шел дождь. Пустынный перрон маленькой станции, блестящие влажные рельсы, отъезжающий поезд. И где-то вдали темные крыши домов. Кажется, что особенного? А сколько поэзии в каждом штрихе, сколько тихой нежности! Какое счастье ощутить запах мокрых после дождя досок перрона, почувствовать холод осеннего вечера, проводить взглядом уходящие огни поезда. Может, в этом поезде едет кто-то близкий и дорогой тебе. А ты смотришь вслед и волнуешься за него. А потом, хорошо прозябнув, идешь домой.

И, вдыхая острый свежий воздух, думаешь: вот сейчас приду, надену домашнюю теплую одежду и тапочки, сяду за круглый стол под фикусом и буду пить горячий чай с вишневым вареньем. И где-то за окном будут идти поезда и мелко стучать дождь, а ты будешь пить чай и желать, чтобы все, кто уехал, непременно вернулись бы домой с добрыми вестями. Разве не хорошо?

– Хорошо, – завороженно выдыхала я, а дед улыбался и переводил глаза на вторую картину:

– А теперь посмотри сюда. Это картина Герасимова. Так и называется «После дождя» или «Мокрая терраса». Тоже вроде ничего особенного, а сколько света, сколько очарования. Только что прошел весенний бурный дождь, терраса, деревянная скамейка, стол – влажные, сияющие, словно их специально мыли шампунем и оттирали дочиста. А это все сделал дождь! И чувствуешь, как доносится с картины запах отмытых деревянных досок, словно они радуются своей чистоте и говорят: «Чистыми мы тоже можем пахнуть, как цветы!» И сад за террасой тоже сверкает чистотой, и на каждом зеленом листе горят, как алмазы, дождевые капли. Хорошо?

– Да!

– И видишь, какой сильный был дождь, он даже уронил стакан на столе рядом с вазой с цветами. Хорошо еще, что не сломал!

– А мог сломать?

– Все бывает, – усмехался дед и, бросив еще раз любовный взгляд на картины, уводил меня гулять.

Мне вспомнились его слова через много лет, когда случайно на выставке-ярмарке картин перед базиликой Святой Екатерины в Санкт-Петербурге увидела лихо нарисованную копию «Террасы». Художник-продавец, видимо, и не рассчитывал ее сбыть, картину оттеснили бесчисленные виды Петербурга и портреты вальяжных питерских котов. Стоила «Терраса» копейки, и мне показалось, что в лице продавца мелькнуло нечто похожее на удивление: «Неужели и впрямь покупают?» А мне, помимо памяти о детстве, стало обидно за незаслуженно забытого художника – Александра Герасимова, чей лирический дар был неповторим. И захотелось вспомнить о нем…

1. Ода в честь «Террасы» и еще!

Всего и надо, что вглядеться, – Боже мой,
Всего и дела, что внимательно вглядеться…

Ю.Левитанский

Картина «После дождя» («Мокрая терраса») – одна из самых ярких работ Александра Михайловича. Она была написана в 1935 году всего за три часа! Александр Михайлович был просто потрясен, ошеломлен видом родного сада после сильного дождя. Благоухание свежести и юности – вода, словно живописный аккорд природы, лежала на листве, на полу беседки, на скамейке, сверкала и переливалась, а за деревьями уже прояснилось небо...

Вот как он сам описывал историю создания картины:

«Произошло это так: я писал на террасе групповой портрет моей семьи. Припекало солнце, яркими пятнами разбегаясь по зелени. И вдруг… порывистый ветер, срывая лепестки у роз и рассыпая их по столу, опрокинул стакан с водой. Хлынул дождь… меня охватил неописуемый восторг от свежей зелени и сверкающих потоков воды, залившей стол с букетом роз, скамейку и половицы… Я лихорадочно начал писать…»

Но самое удивительное, что у Герасимова была и другая картина с точно таким же названием «После дождя», но написанная спустя 20 лет после «Террасы»! Видимо, не находил покоя лирический талант художника, мгновенно отзывавшийся на красоту мира.

Картина «После дождя» 1955 года построена так, будто зритель, переживающий ливень, находится внутри дома и наблюдает роскошный пир природы. И она, умывшись, – свежая, оживленная после озорного летнего ливня – приводит живописца в восторг. Художник уловил рассеянный солнечный свет, на фоне которого трепещет листва, переплетаясь в причудливое зеленое кружево. Кажется, еще немного – и появится в золотых лучах солнечный летний день. Но пока дождь только закончился – и сама терраса во влажных блестящих пятнах луж. Еще не высохшие капли влаги везде: на ветках, заглядывающих под навес террасы, на деревянных перилах, на дощатом полу. И везде сирень! Ее бал, праздник!!! Справа на подоконнике стеклянная ваза с букетом лиловой и белой сирени. Рядом на полу в ведре еще букет лиловой. Мягкий свет, промытая дождем зелень сада, блики на мокром полу и божественный аромат сирени, пронизывающий пространство картины. Это ликующий праздник жизни и обновления, неповторимость и непредсказуемость изменчивой природы.

2. Жизненный путь

Импрессионистская и монументальная живопись, сочные натюрморты и портреты советских вождей. Вот в таких несовместимых направлениях работал Александр Михайлович Герасимов.

Он был любимым художником Сталина. Обласкан властью безмерно – четырежды лауреат Сталинской премии, лауреат орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, президент Академии художеств СССР в 1947-1957 годах, педагог, профессор. В чем же секрет выходца из провинциального тамбовского городка Козлов, сына бывших крепостных крестьян?

Он родился 31 июля (по ст.стилю) 1881 года в городе Козлов. Так раньше назывался Мичуринск. Родители – Михаил Софронович и Евдокия Яковлевна – были бывшими крепостными, но отец смог дослужиться до приказчика, а потом открыл собственное дело. Торговал лошадьми и быками и часто брал себе в помощники сына Александра. Знания по зоотехнике и ветеринарии академик Герасимов сохранил до конца жизни и никогда не отказывал в консультациях по этим вопросам.

В 1903 году Герасимов приехал в Москву, где поступил в столичное Училище живописи, ваяния и зодчества. Его учителями были выдающиеся русские художники: Абрам Архипов, Валентин Серов и Константин Коровин.

Слава к Александру Герасимову пришла уже на первой ученической выставке, где его талант по достоинству оценил известный русский публицист и писатель Владимир Гиляровский. Проходя мимо одного из пейзажей Герасимова, Гиляровский воскликнул: «Это же Козловщина Тамбовская!» Герасимов был поражен: как Гиляровский так хорошо знает Россию, что даже в небольшом этюде узнал его малую родину! В тот же вечер Герасимов был приглашен в квартиру Гиляровского, в Столешников переулок.

Маститый писатель часто собирал у себя и признанных людей искусства, и молодых авторов. Герасимов пользовался особым расположением. Гиляровский называл его ласково-шутливо «Сашка» и всегда повторял: *«Сашка, твое призвание писать пейзажи. В них твоя сила»*. Он всячески поддерживал начинающего художника, говорил о нем как о большом таланте. Связи и авторитет Гиляровского открыли Герасимову путь в мир большого искусства. С легкой руки «дяди Гиляя», как называли В.А. Гиляровского, многие коллекционеры приобретали картины Герасимова. И любовь к пейзажу и натюрморту он пронес практически через всю свою жизнь.

После окончания училища в 1914 году Александр Герасимов ушел на фронт Первой мировой. К строевой службе он оказался негоден и поэтому служил начальником санитарного поезда. По окончании войны он вернулся в свой родной город Козлов. Это были первые годы революции, и в обязанности молодого художника входило оформление улиц и площадей к первомайским демонстрациям. Но Герасимов уже узнал вкус жизни большого города, он видел, как ярко и интересно живут художники в Москве, и делал все возможное, чтобы из захолустного города Тамбовской губернии перебраться в столицу.

В середине 1920-х годов художник переезжает в Москву. Но это была уже совершенно другая – советская Москва. И время совсем уже другого искусства.

Сочные радостные натюрморты, красочные виды родного Козлова с румяными купчихами, чаевничающими за яркими занавесками деревянных расписных домов, уже мало интересовали публику. Мало интересовали ее и степные пейзажи Герасимова, изображающие родную Козловщину. И даже милые сердцу пейзажи московских окрестностей, того же загородного дома Гиляровского, где Герасимов часто гостил, тоже не привлекали внимания. Время изменилось, требовало четких жестких форм и монументальности. Искусство должно было служить народу и отражать историческую действительность в стране победившего пролетариата.

Герасимов вступает в ряды Ассоциации художников революционной России. На собраниях ассоциации он знакомится с Климом Ворошиловым, Иосифом Сталиным и в скором времени становится одним из самых любимых художников вождя. Власти, конечно, благоволили к нему, но прежде всего не за пейзажи и натюрморты, а за произведения, написанные в духе соцреализма, и величественные портреты вождей. Четырежды лауреат Сталинской премии – это предел мечтаний для советского художника! Редкий деятель изобразительного искусства удостаивался такой чести. Как правило, рекордсменами в получении Госпремий были представители театра и кино. От изобразительного искусства разве что Вера Мухина и скульптор Евгений Вучетич – лауреаты пяти сталинских премий.

Герасимов написал целую серию портретов вождей – Ленина, Сталина, Ворошилова, Молотова. Самой известной была работа «Сталин и Ворошилов в Кремле», которую народ метко окрестил «Два вождя после дождя».

В 1944 году из здания Астраханской картинной галереи был переведен эвакогоспиталь, который находился здесь в годы войны. И одним из первых почетных посетителей только что открывшейся картинной галереи был народный художник СССР Александр Михайлович Герасимов. Со слезами на глазах он рассматривал зал, где были вывешены картины его учителя Константина Коровина и его собственные. И радовался тому, что среди бесчисленных портретов вождей нашлось место и его пейзажам и натюрмортам.

Но были и темные моменты в его биографии.

Обласканный властью, он в какой-то момент почувствовал себя вершителем судеб и жизней людей. Список репрессированных и обиженных за время правления Герасимовым АХ СССР неумолимо увеличивался. Он не уклонялся и от травли, если того требовали сверху. Трудно сказать, что им двигало. Святая вера в идеалы партии, Иосифа Виссарионовича или страх за себя, своих близких? Скорее всего, и то, и другое. Времена не выбирают…

Все кончилось со смертью вождя.

Художника Герасимова словно ель из сказки Андерсена в образном смысле (а его работы и в прямом смысле) выбросили на чердак. Новый Генеральный секретарь Компартии СССР невзлюбил фаворита Сталина. Поразительно, что не только Герасимов не понравился Хрущеву, но и Хрущев не пришелся по душе художнику. Он несколько раз начинал писать его портрет, но работа не шла, рука сама словно отказывалась выводить облик нового вождя.

Вскоре художника сместили с поста президента Академии художеств, а картины стали изымать из залов музеев. Их отправляли в запасники, а иногда и попросту в подвалы и на чердаки. Этого уже стерпеть Герасимов не смог. Однажды он обратился к Хрущеву с отчаянием в голосе: *«Зачем вы сжигаете картины, что за варварство, ведь это искусство!»* Глава государства лишь отмахнулся, ему было не до пожилого художника.

Герасимов заперся у себя в мастерской и буквально на глазах стал стареть. Жизнь теряла смысл. Его стремительно бросали те, кто еще вчера пел ему хвалебные оды и пресмыкался перед ним.

В период с 1957 по 1963 год Герасимов писал очень мало и в основном только цветы – любимые свои пейзажи и натюрморты. Одинокий, растерянный, может, он и вспоминал в эти минуты насмешливо-заботливый голос дяди Гиляя: *«Сашка, твое призвание писать пейзажи. В них твоя сила»*. Быть может…

Он скончался 23 июля 1963 года. Это прошло незамеченным: ни пышных некрологов, ни организации похорон, ни комиссии по творческому наследию. Просто: *«Похоронен на Новодевичьем кладбище...»*

Первая персональная выставка работ Александра Михайловича состоялась только в 2016 году. Новое время постепенно возвращало из небытия прежних кумиров.

Единственный ребенок Герасимова – дочь Галина Александровна – стала художницей. Писала пейзажи и натюрморты с цветами. Больше всего любила цветущую сирень. Словно сиреневый отблеск картин ее отца озарил и ее полотна.

А для меня имя Герасимова навсегда запечатлелось в мягкой улыбке моего деда и негромком его голосе, рассказывающем о картине «После дождя» («Мокрая терраса»).

Всего и надо, что вглядеться, – Боже мой,
Всего и дела, что внимательно вглядеться…

«И помнить, – прибавила бы я. – Помнить только хорошее и светлое». Плохое и так не даст себя забыть…

Сплетение линий

Ломаные линии, острые углы.
Да, мы здесь – мы прячемся в дымном царстве мглы.
Мы еще покажемся из угрюмых нор,
Мы еще нарядимся в праздничный убор.
Глянем и захватим вас, вбросим в наши сны.
Мы еще покажем вам свежесть новизны.
Подождите, старые, знавшие всегда
Только два качания, только нет и да.
Будет откровение, вспыхнет царство мглы.
Утро дышит пурпуром... Чу! Кричат орлы!

К.Бальмонт

У него лоб философа и профиль легионера. Мопассановские усы и волосы черненого серебра. Его взгляд цепок, а пальцы тонкокостны. Он – абрис, он – штрих, он – линия. Он – Расим Назиров. Художник.

Нет, я не буду рассуждать о нем с позиций искусствоведа. На это у меня, по меньшей мере, нет профессионального права. Но я попытаюсь рассказать об интереснейшем человеке, чья речь не банальна, ум остер, а глаза светятся любовью к жизни. А радоваться жизни, верить в то, что она удивительна и прекрасна, как бы ни была горька, – это, поверьте, немало. Во всяком случае, в нашей жизни таких, одержимых любовью к жизни, людей становится все меньше.

Итак, позвольте представить: Назиров Расим Мамед оглу – член Союза художников Азербайджана, лауреат серебряной медали ВДНХ, премии «Красного Креста», бронзовой медали Закавказья, участник всевозможных художественных конкурсов, преподаватель Азербайджанского государственного института искусств, директор Азербайджанского Детского центра искусств, доцент кафедры рисунка Азербайджанской государственной художественной академии, доктор факультета изобразительного искусства Карадениз Текник университета Турции, где по сей день продолжает работать.

Но это так, официоз. Не это определяет творческую личность. Суть творчества, его животворный огонь – в умении синтезировать жизнь в капле прекрасного. Великий русский писатель и поэт Ф.К.Сологуб сказал: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду...».

О, эта легенда может быть разной: доброй, ласковой, жгучей, нежной, страстной, убийственной, но всегда – Прекрасной. Это аксиома.

Когда-то очень давно педагог в институте, объясняя нам особенности письма слева направо и справа налево, дала совершенно неожиданное и поэтическое толкование этому явлению. «Слева направо – это от сердца к миру, – говорила она, и слова ее звоном отзывались в моей душе, – а справа налево – это от мира к сердцу». Переведя эти слова на язык графических рисунков и миниатюр Расима Назирова, могу искренне сказать, что пишет он и от сердца к миру, и от мира к сердцу. Пишет, как дышит. Вбирая мир в свое сердце и отдавая его в мир. Не ожидая от мира ничего, кроме капельки внимания и понимания.

Передо мной буклет его графических работ. Четкие линии, штрихи, нервы. Как Марина Цветаева в тире, так и он – в линиях. Линия чиста и незыблема. Она правдива. На неверную черту просто нет права. Вот набросок фломастером «Смотрящий» (2005 год). Кажется, одним росчерком, не отводя пера от бумаги, художник передал не только вальяжную позу, но и снисходительную заинтересованность человека: «А ну-ка, батенька, что вы нам покажете, чем побалуете на этот раз!»

Или вот рисунок «Женский портрет». Размашистыми, но в то же время плавными линиями художник создал не портрет – характер молодой женщины, с капризно вздернутыми губками, высокой шеей, настороженным и вместе с тем призывно-манящим взглядом.

А вот картина 2003 года «Флейтист». Ах, о Чюрлёнисе говорили, что у него музыкальная живопись, или музыка, растворенная в живописи. Но, глядя на эту картину, поневоле чувствуешь, не слышишь, а чувствуешь звуки, растворенные в пальцах. И радуешься откровению, сопричастности чуду. И звучит в душе: «А девочка играет на флейте. Целует алюминием звуки. Я знаю, что на всем белом свете. У нее самые волшебные руки!»

И вот моя любимая «Солнечный день». Залитая светом картина. В этих жестких линиях растворено наше бакинское солнце, яростное, неукротимое, как солнце Ван Гога, солнце Арля – лимонное, обжигающее. Но оно не затопляет, как лава, не убивает жаром, оно раздроблено на квадраты окна, отраженных на столе и на полу, оно перетекает в квадрат двери. И происходит чудо – картина струит самые чистые, самые святые свет и тепло. Это наше детство: бабушкина кухня, нагретая солнцем клеенка стола, дощатый пол, частые переплеты окон и две сиротливые веревки для белья, протянутые от дверного косяка к окну.

Это то, что уходит безвозвратно и остается навсегда. «Милое, тихо-печальное, все это в сердце живет»…

Линии, линии, линии… Как стрелы в душе художника. «Мне не надо, чтобы меня почитали, лучше бы понимали». Стрелы, посылаемые миром, он переосмысливает, проживает, синтезирует и возвращает миру своими картинами. Разными – тяжелыми, за которыми чувствуются боль и ужас («Геноцид», 2013, «Последний день Помпеи», 2012), ироничными («Корабль дураков», «Бюрократ», «Театр марионеток»), скорбными («Вера», «Поминание»), неистовыми («Двоякость») и светлыми как «Солнечный день».

Ибо: «Простим угрюмство! Разве это сокрытый двигатель его? Он весь дитя добра и света. Он весь свободы торжество».

***

Мне довелось беседовать с Расимом Мамедовичем единожды. Я была наслышана о нем от общих знакомых, но обстоятельно смогла поговорить только недавно. Меня поразила манера разговора этого человека – быстрые, четкие отрывистые фразы, словно линии, которыми он вычерчивает свое отношение к жизни. Каждая фраза лаконична, даже лапидарна. Если бы он не говорил по-русски, он мог бы говорить на латыни, настолько сжат и конкретен его язык. Золотая латынь не потеряла бы и унции своего золота. Мысль, доведенная до предельной ясности. В ней нет словесной трухи. *«Истинное искусство достигается только путем визуального мышления, преобразования и синтеза»*. *«Гений и злодейство? – Совместимы!»* Вот так, наперекор Александру Сергеевичу! Совместимы! Увы… *«К чему вы тяготеете: к гармонии или надрыву?» «Смотря по настроению: важна искренность и в том, и в другом»*.

Он любит Маяковского. Неудивительно. У какого другого поэта встретишь такую армию линий, где каждое слово ощущается «весомо, грубо, зримо», где характеры лепятся не эфемерностью, а живой плотью метафор. Маяковский графичен и резок, и этим он притягателен для души Расима Назирова.

Но в каждой резкости есть тонкость и лиричность. Ведь по сути все мы розы под нашими шипами. И я никогда не забуду, как одна общая знакомая рассказывала о Расиме Назирове потрясающий факт. Когда он преподавал в Детском центре искусств и входил в класс, маленькие дети с визгом повисали на нем, словно виноградинки. А детей не обманешь, и детскую любовь не купишь. Ее надо заслужить. Не талантом. Талант может быть, увы, и злым, и мрачным. А сердцем и душой. Помните Некрасова?

Как не плакать? Диво великое!
Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки заплакали,
Тот, наверно, был доброй души.

Воистину, лучше не скажешь!

Послесловие:

19 октября у вас, Расим Мамедович, день рождения. 65 лет. Юбилей. Счастья вам и успехов, человек четких линий и доброго сердца. Да не дрогнет ваша линия, да не оскудеет душа! Ибо добру откроется сердце!

Статья была написана в октябре 2014 года к юбилею художника.

Кипарис

Есть хорошее выражение: «И в стороне, и в людях». Если применить его к деревьям, то в большей степени оно относится к кипарисам, которые хоть и создают красивую живую изгородь, но высаживать их надо на расстоянии не менее двух метров друг от друга. При более тесной высадке они хиреют. И только при достаточной удаленности друг от друга возносятся к небу красивой пирамидальной или раскидистой кроной. Вот и получается: «и в стороне, и в людях».

В мире литературы таким кипарисом был Иннокентий Федорович Анненский.

Человек

Его называли «Чеховым в поэзии» и «Человеком в футляре». Футляров было четыре.

Его щегольские, чуть подкрученные усы, надушенная эспаньолка, белая хризантема в безукоризненном фраке, лаковые туфли, жестко накрахмаленные и подсиненные рубашки – были первым внешним футляром.

Вторым футляром был интеллект. Он был филологом высочайшего класса, знавшим множество языков: французский, английский, немецкий, греческий, итальянский, польский, сербский, болгарский, латынь, санскрит, древнееврейский. Знал их в совершенстве. По собственному признанию, был настолько влюблен в филологию, что забросил собственное творчество и долгие годы писал только диссертации – исследования чужих трудов.

Третьим футляром была его просветительская деятельность. В молодые годы он давал 56 часов уроков в неделю. Затем его назначили директором Царскосельской гимназии, и его отрешенный и безукоризненный облик всегда внушал уважение и какой-то непонятный страх и ученикам, и преподавателям. С учениками, независимо от их возраста, он всегда был на «вы», выразив однажды свое категоричное мнение по поводу «ты» и «вы»: «Где говорят на «ты», там недолго и до дурака».

А четвертый футляр — чиновник Министерства народного просвещения. Не просто чиновник – чинуша! Он был настолько отстраненным, что казался спесивым. Поразивший композитора Бориса Асафьева: «Утонченный поэт оказался сухим, равнодушным чиновником и внушил мне еще больший ужас перед этим сословием».

И только о-оочень немногие знали, что под всеми этими футлярами, под всем, что им самим называлось «подневольным участием в жизни», живет истинный поэт – хрупкого, изысканного и глубокого дарования.

День был наполнен будничными делами, к которым он подходил по-своему – отстраненно-снисходительно. Так добрые учителя смотрят на шалости детей – с усталой и всепонимающей улыбкой.

Однажды два гимназиста не поздоровались с великим князем в парке. Тот был несколько подшофе и в таком виде затеял стрельбу по воронам. Гимназисты почли за благо не заметить царственное лицо в таком виде и прошмыгнули мимо. Анненский не стал наказывать их.

Другой гимназист в разгар революции 1905 года явился на занятия в красной рубашке. Это было неслыханной дерзостью. Гимназия замерла: как отреагирует директор?

– Рекомендую вам переодеться, – не повышая голоса, медленно сказал Анненский, – красный цвет рубашек приличествует лишь палачам. Надеюсь, вы к ним не относитесь?

Он ценил в своих учениках творческое начало. Его могла привести в негодование бездумная зубрежка текстов.

Однажды на экзамене поставил «неуд» гимназисту только за то, что тот, цитируя наизусть стихотворение, не смог вспомнить какого-то слова. Гимназист осмелился спросить директора о причине низкой оценки. Неужели из-за такого пустяка?!

– Это не пустяк, – медленно ответил Анненский. – Не вспомнить слова – действительно ерунда, а вот в ту же минуту не заменить его подходящим по смыслу – уже серьезно. Значит, все, чему учил вас я на своих уроках, прошло мимо.

Его уклад жизни был установлен раз и навсегда еще с юности.

Возвращаясь домой, он около часу сидел в саду, прикрыв пледом ноги и устремив пристальный взгляд в книгу.

За обедом с королевской осанкой сидел во главе стола и внимательно смотрел, как вышколенный слуга подает блюда. Всегда в соответствии с классическим порядком – закуски, первое, второе, десерт.

Затем наступало время общения с семьей. С нежно любимыми сыном Валентином и пасынком Павлом. С супругой – очень эффектной женщиной – Надеждой Хмара-Борщевской, которая была старше Анненского на 14 лет, отношения были ровными, но, как вспоминали близкие, не особенно теплыми.

Вечером он удалялся в свой кабинет, стены которого были обиты зеленоватой плотной тканью. От этого комната больше походила на поросший мхом грот. На письменном столе, затянутом зеленым сукном, лежала только большая лупа и ваза с любимыми белыми лилиями. В этом сумрачном, зеленовато-белом царстве ничто не мешало свободному полету воображения.

К святая святых – к стихам – он допускал только избранных. При этом никогда не читал нового. Долго выдерживал стихи в кипарисовом ларце, словно пропитывал терпким ароматом этих деревьев. И только, когда считал нужным, собирал слушателей в кабинете и, стоя перед ними с неизменной королевской осанкой, священнодействовал.

Сын приносил ему кипарисовый ларец. Анненский поднимал крышку и брал по одному большие, крупным почерком исписанные листы. Глуховатым ровным голосом начинал читать.

Когда стихотворение заканчивалось, он ронял лист из рук, словно отпускал птицу на волю.

К концу чтения пол вокруг Анненского был устлан белой бумагой.

Свой любимый цветок, белую лилию, он собирался взять с собой в иной мир. И будто предчувствовал его. В его стихах всегда было что-то отстраненное, словно пропитанное терпкой горечью кипариса. Даже слово «тоска» в своих стихах он всегда писал с большой буквы. Казалось, он все время думал о боли и подсознательно стремился к ней. Слабое с детства сердце — причина этих мыслей.

В небе ли меркнет звезда,
Пытка ль земная все длится;
Я не молюсь никогда,
Я не умею молиться.
Время погасит звезду,
Пытку ж и так одолеем...
Если я в церковь иду,
Там становлюсь с фарисеем.
С ним упадаю я нем,
С ним и воспряну, ликуя...
Только во мне-то зачем
Мытарь мятется, тоскуя?..

Поэт

Он жил странно и умер странно. Он жил вне литературы, вне кружков, вне салонов, вне богемы. В нем не было ничего специально поэтического. Вокруг него шумели какие-то литературные битвы, он этого не замечал, а люди, участвовавшие в этих битвах, не замечали его. Он жил в Царском Селе, приезжал на день – на два в Петербург прочитать лекции на Высших женских курсах. Возвращался на Царскосельский вокзал в Петербурге (теперь это Витебский вокзал), ехал обратно в Царское Село. И в одно из таких возвращений, выходя из извозчичьей пролетки, сделал два шага с красным портфельчиком в руках и упал на ступеньки лицом в мокрый снег.

Говорили, что в тот день он не взял с собой сердечных таблеток. Ему было 54 года. Это случилось 13 декабря 1909 года.

Вскоре после смерти Иннокентия Анненского его ученик по гимназии и ученик в литературе – Николай Гумилев – написал: «Не только Россия, но и вся Европа похоронила большого поэта». Строчка эта вызвала недоумение, потому что не только Европа, но и Россия не знала, по сути, никакого поэта Анненского. Знали чиновника, директора гимназии, филолога, но не поэта.

Его похоронили на Казанском кладбище в его любимом Царском Селе. Он писал о нем, что «любит эту особую забвенность природы», разлитую в воздухе Царского Села.

Я на дне, я печальный обломок,
Надо мной зеленеет вода.
Из тяжелых стеклянных потемок
Нет путей никому, никуда…

Он словно напророчил этим стихотворением себе судьбу. Она тоже была предана забвению на долгие годы. Только небольшой кружок поэтов-акмеистов, близких к Гумилеву (он сам, Анна Ахматова, Георгий Иванов, Георгий Адамович, Осип Мандельштам), чтили Анненского и понимали его значение. Это ощущение бесценности Анненского было у немногих. Хотя поэтического наследия он оставил немного. Основное место в его собраниях сочинений занимают переводы античных авторов.

С 1896 года он в чине статского советника возглавлял знаменитую Царскосельскую Николаевскую мужскую гимназию, где одновременно преподавал древнегреческий язык и латынь, русский язык, русскую и зарубежную литературы. Он был уже очень известным человеком. Одно звание – действительный статский советник и член Ученого совета Министерства народного просвещения – чего стоит!

Его знал мир ученых, академиков и школьников. Анненский-поэт был не известен. И он для всех был очень закрытым. О нем говорили: «С каким-то таинственным изломом в фигуре».

И вот в 1904 году выходит его первая книга стихов «Тихие песни». С подзаголовком: «Переводы из французской поэзии». А вместо имени стояло «Ник. Т-о». Только несколько очень близких людей знали, что за этим странным псевдонимом стоял Иннокентий Федорович. Он, беззаветно влюбленный в античную литературу, даже псевдонимом себе избрал слово из «Илиады» Гомера. Там на вопрос циклопа Полифема «Кто ты?» Одиссей отвечает: «Никто». Гениальный ответ! В нем и желание скрыться от опасности, и учтивость!

Действительно, кто такой жалкий человек Одиссей по сравнению с великаном-циклопом? Никто! Но порой для того, чтобы стать великим, разумно назваться ничтожным!

Анненский выбрал себе псевдоним, смиренно склонив голову перед величием литературы, и сам стал великим.

А вторая его книжка – одна из самых драгоценных поэтических книг в России «Кипарисовый ларец» – вышла в свет уже после смерти автора, в 1910 году.

И только тогда заговорили об Анненском, как о большом поэте. Но в полной мере оценить значение Анненского удалось гораздо позднее. В 1923 году его сын, однокашник Александра Блока, литератор Валентин Кривич опубликовал сборник последних стихов своего отца. И вот тогда все были потрясены! В русскую поэзию вернулась вереница шедевров, вернулось жемчужное ожерелье ее стихотворного лада.

Творящий дух и жизни случай
В тебе мучительно слиты.

Вот это тончайшее сочетание огромной духовной силы и заурядного обыденного слова, бытовой стороны жизни рождали в представлении Анненского истинную поэзию. «Будничное слово – самое важное в поэзии», – говорил он и следовал этому своему правилу. Именно поэтому как поэта его не заметили. Он старался не пользоваться специальными поэтическими словами:

Оставь меня. Мне ложе стелет Скука.
Зачем мне рай, которым грезят все?
А если грязь и низость – только мука
По где-то там сияющей красе?..

Он родился в 1855 году, в Омске в семье крупного чиновника. Первые пять лет его жизни прошли там, и он их не запомнил. Потом семья переехала в Петербург, и с тех пор его жизнь почти беспрерывно была связана с этим городом и Царским Селом.

По эрудиции с ним мало кто мог соперничать. Знания были просто колоссальны. Он оставил много научных трудов. Это были статьи об античной литературе, о писателях русских, европейских. Он открыл русскому читателю Еврипида – все пьесы этого древнегреческого автора были переведены Анненским. И всю жизнь был истовым поборником классицизма. Его литературная активность связана уже с 1900-ми годами. И, к сожалению, Анненского сразу стали воспринимать как-то ярлыково: мол, это поэт уныния, печали, осени, одиноких и грустных прогулок по паркам, любования увядающим лотосом и т.д. Но применять эти эпитеты к одному из самых утонченно-мужественных лириков было бы нелепо.

Как-то Георгий Адамович, один из пропагандистов творчества Анненского, заметил: «Если Достоевский о «Шинели» Гоголя сказал, что «мы все вышли из шинели Гоголя», то к Анненскому это определение относится больше! Даже сама фактурность его поэзии шинельна, рубчата».

Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.
Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.

Анненский писал: «Мы просыпаемся с дребезгом нашего существования» и этим очень точно выразил сущность идеи как понятия: «Идея жива до сих пор, пока в ней дребезжит, вибрирует вскормившее ее томление».

Он так ощущал или, по словам Мандельштама, «когтил поэзию». Царственный хищник русской поэзии, которому дано было возноситься в необозримые выси и погружаться на дно человеческой души. И горнее, и дольнее сочеталось в нем:

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.
Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенский синий
И заплаканный лед!
Но люблю ослабелый
От заоблачных нег –
То сверкающе белый,
То сиреневый снег...

Какие точные и противоречивые сравнения, какая образность в выражении мыслей!

Пожалуй, самое известное его стихотворение, находящее отклик в любой душе, – это «Звезда». Известное в большей части благодаря А.Вертинскому, огранившему строки Анненского своим уникальным певческим даром.

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя.
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Если вчитаться в эти строки, то удивляет обилие… канцеляризмов. Сплошные уточнения, пояснения: «потому что», «не потому что», «если». Но Аненнский парит и царит над словом, извлекая хрупкую душу его из жестких рамок синтаксиса.

Обычно поэты такого рода, как он, склонны к философско-созерцательному восприятию мира. И это у него, несомненно, было. Он писал о себе: «Я люблю все, чему в этом мире ни отзыва, ни отклика нет».

И, тем не менее, неизменно было то, что питало его душу и давало ей силы возноситься к горним высям: любовь к родной земле и к дому.

При всей своей изысканности он был очень добр и бескорыстен. С ним пришли прощаться поэты, профессора, курсистки, студенты, чиновники. И, к изумлению родственников, пришли какие-то неизвестные старушки в салопах и околоточный надзиратель в сапогах. Всем им, их семьям, их детям и внукам Анненский помог как учитель, как директор гимназии. Он никому не говорил об этом.

Не случайно поэтому два его самых трогательных стихотворения звучат тихо, просто и бессмертно. Первое из них посвящено сыну его пасынка:

Где б ты ни стал на корабле,
У мачты иль кормила,
Всегда служи своей земле:
Она тебя вскормила.

А второе, «Сестра», посвящено жене брата Николая:

Вечер. Зеленая детская
С низким ее потолком.
Скучная книга немецкая.
Няня в очках и с чулком.

Желтый, в дешевом издании
Будто я вижу роман…
Даже прочел бы название,
Если б не этот туман.

Вы еще были Алиною,
С розовой думой в очах,
В платье с большой пелериною,
С серым платком на плечах…

В стул утопая коленами,
Взора я с Вас не сводил,
Нежные, с тонкими венами
Руки я Ваши любил.

Слов непонятных течение
Было мне музыкой сфер…
Где ожидал столкновения
Ваших особенных р…

В медном подсвечнике сальная
Свечка у няни плывет…
Милое, тихо-печальное,
Все это в сердце живет…

Пророческие строки… Все, что мило сердцу, живет в нем. И лелеет его.

При написании статьи были использованы книги: «Современники» К.Чуковского, «Из прошлых лет» (Воспоминания А.Н.Анненской), материалы из интернета. Автор приносит благодарность за предоставленную информацию.

***Прим.**: Детская писательница и педагог Александра Никитична Анненская была супругой Н.Ф.Анненского, старшего брата Иннокентия Федоровича. Помимо этого, она приходилась братьям кузиной. Именно поэтому стихотворение «Сестре» основано на детских воспоминаниях поэта.*

Э.Г.ГАУЗЕР

УДАЧНАЯ НЕУДАЧА

Рассказ

После долгих лет космического застоя Россия снова устремилась к далеким мирам. Впрочем, не таким уж и далеким в данном случае: речь шла о полете на Луну. Разумеется, весь опыт американских пилотируемых полетов был тщательно изучен и перепроверен. Как не жаль, но американцы на Луне все же побывали, и не раз. Все домыслы о студийных съемках были всего лишь домыслами…

Цель пилотируемого полета была двоякой. Во-первых, конечно же, хотелось вернуть себе славу космической державы. А во-вторых, российские ученые в одном из закрытых НИИ разработали дешевую и эффективную методику добычи кислорода и воды из лунного грунта, что открывало перспективы создания поселения на Луне. Зачем? Этого пока никто не знал, но возможность сама по себе уже согревала сердца руководства страны.

Однако надо было испытать все на деле, ведь на Земле все исследования велись не с настоящим лунным грунтом, да и отнюдь не в лунных условиях.

В середине XXI века полет на Луну сам по себе не был очень сложным. Организаторов полета смущало только одно: американцы уверяли, что на Луне есть базы инопланетян. Когда их астронавты ступили на поверхность Луны, они увидели очень странные сооружения: огромные каменные дома в виде параллелепипедов, без окон и дверей. Но это никак не могло быть природным образованием. Кстати, и стены этих «домов» не имели ни малейшей царапины, а ведь Луна постоянно подвергается падению метеоритов.

Никаких иных строений и уж тем более никакой техники они ни разу не видели. К домам астронавты подходили, но происхождение, материал, назначение – все было загадкой. Таких домов было немного, они были разного размера и разбросаны по поверхности Луны без всякой видимой системы.

Экипаж корабля «Сокол-3» состоял из 5 космонавтов. Двое должны были оставаться на орбите, а трое – спуститься на поверхность Луны, развернуть там временный лагерь и повторить земные опыты в реальных лунных условиях. На всю эту работу им был отпущен целый месяц. Хотелось больше, но космические полеты не бесплатны…. Впрочем, месяца вполне должно было хватить.

Командир был опытным космонавтом, в сумме провел в космосе более трех лет. Звали его Сергей Константинович Крылатов. Вместе с ним на орбите должен был оставаться бортинженер Георгий Алексеевич Узков. А на поверхность земного спутника готовились высадиться также опытный космонавт Ренат Мусаевич Алиудинов и двое ученых: Абрам Карлович Шнессельман и Рамиз Ниязович Агамамедов. Такой вот пестрый состав…. Впрочем, в те годы национальности людей были достаточно условным понятием.

***

В назначенный день их ракета благополучно стартовала с российского космодрома на Дальнем Востоке. Времени до Луны было много, 8 дней, потом еще два дня на орбите, проверка всех систем, отделение посадочного модуля. А потом…. Да, все было заранее тщательно спланировано, продумано и выверено. Но Луна – это не Земля…

Время в пути космонавты коротали за беседами на посторонние темы, о предстоящей работе говорить не хотелось. Да и психологи советовали отдохнуть перед самым трудным этапом.

Луна в иллюминаторе росла не по дням, а по часам. Многочисленные приборы следили за параметрами полета, искусственный интеллект, ставший уже почти привычным, молча корректировал отклонения. Собственно говоря, в ручном управлении полетом не было никакой нужды, параметры орбиты были заданы, место посадки тоже давно выбрано.

Космонавты не были романтиками, все они были сухими технарями до глубины души и до последней клеточки мозга. И атеистами, несмотря на серьезное влияние религии в обществе. Перед полетом им даже предложили покреститься, но они, сдерживая смех, отказались. Однако, почувствовав себя оторванными от родного и привычного мира, осознавая бесконечную бездну вокруг себя, они все чаще стали задумываться о месте человека во Вселенной.

Нет, они не говорили об этом вслух, ведь каждый боялся насмешек и осуждения. А спрятанные в себя переживания давили и портили настроение. Даже бывалые космонавты – Сергей Крылатов и Ренат Алиудинов – ощущали непонятную грусть. Да, они много времени провели в космосе, но тогда Земля была рядом, а вокруг на орбитах болтались сотни кораблей и десятки экипажей…

А здесь – никого. Безмолвие открытого Космоса.

***

Прошли 8 дней полета, компьютер вывел их корабль на орбиту. Впереди два дня последних проверок, уточнения места приземления, последние советы с Земли - скорее формальные, чем реально полезные.

И вот три героя (хотя за полеты в космос уже давно перестали давать это высокое звание) перешли в спускаемый аппарат, люк закрылся, и равнодушно-бесполый голос робота сообщил о готовности к расстыковке. «С богом!» – мелькнула мысль в голове у всех, но не от веры в Создателя, а по давней привычке, поэтому с маленькой буквы.

Сейчас космонавтам было не до размышлений, сейчас они реально следили за приборами и переговаривались друг с другом и ЦУПом на Земле. Спуск должен был быть недолгим, два с половиной часа. Космонавты все переговоры вели по радио, как и почти 100 лет назад делали их первые коллеги. Вот только связь была странной, ужасного качества. Причем связь орбитального модуля с Землей была идеальна, но вот в посадочном блоке у всех троих возникло четкое ощущение, что их глушат. Или слушают. Или и то, и другое.

Разумеется, ни о какой биологической жизни на Луне и речи быть не могло. И никаких «тарелок» космонавты за время полета ни разу не видели. Но сейчас они снова вспомнили американцев, настойчиво советующих «этим русским» отказаться от пилотируемого полета.

Ренат смотрел в иллюминатор. Поверхность Луны была ярко освещена, но Солнце светило сбоку, и были ясно видны тени от гор и крупных обломков. Место посадки было идеально ровным, вдоль и поперек изучено всеми земными и космическими телескопами, во всех диапазонах. Но в километре от него был высокий хребет, как раз то место, где планировалось набрать грунт для экспериментов (чтобы не портить посадочную площадку). И около хребта командир увидел несколько совсем небольших «домов», соединенных между собой. Как же их раньше никто не заметил?

На Землю тут же сообщили о данном факте, но менять место посадки было уже невозможно. Корабль сел, открылись створки люков, на поверхность Луны спустился вездеход. Не пешком же ходить? И вслед за машиной на лунную пыль ступили люди…

В черном небе, усыпанном звездами, сияла Земля. Такая далекая и такая родная…. Вот только почему-то довольно большой участок неба звезд не содержал. Вообще. И форма этой черноты менялась...

***

Обычно ОН спал. У него не было имени и даже не было тела в привычном для людей понимании, поэтому и сном это состояние назвать было нельзя. ОН просто СУЩЕСТВОВАЛ, но существовал вне формы. Иногда ОН поднимался на поверхность Луны, просачиваясь прямо сквозь грунт. У него не было глаз, сердца или печени, не было рук и ног, но ОН осознавал свои размеры и свою форму, которая появлялась только в моменты пробуждения и которая постоянно менялась по одному лишь его желанию.

Был ли ОН молодым? Сложно сказать. Его сознание было вечным, и ОН не разделял в своей памяти прошлое, настоящее и будущее. У него не было цели и не было смысла. ОН просто СУЩЕСТВОВАЛ. И на Луне ОН был один, хотя подобные ему существа жили на многих планетах во Вселенной. Впрочем, ОН не нуждался в общении с ними, хотя и не уклонялся от него. Общение бывало редко, существа его природы были достаточно инертны и не склонны к путешествиям. Кстати, процесс такого путешествия не представлял для него сложности, ведь не имеющий физического тела, ОН не был связан ограничениями Эйнштейна…

Однажды его разбудила странная дрожь. Правильнее сказать не «разбудила», а вывела из транса, потому что обычным его состоянием был не сон, а нечто вроде медитации в нашем понимании.

ОН не стал принимать форму, ОН просто осознал источник этой дрожи. На Луну пришли странные существа на странном аппарате. Да, ОН давно знал, что они придут, потому что будущее для него было так же видимо, как прошлое и настоящее. Эти существа были не опасны и долго не задержатся. Потом они придут еще и еще, а потом приходить перестанут. Так и случилось.

А потом…. А потом ОН стал замечать, что видит будущее все менее отчетливо. Были ли в этом виновны эти существа? Увы. Всезнанием ОН не обладал, но во Вселенной что-то начало меняться. И все больше и больше сужалось его сознание, и стали в нем появляться какие-то незнакомые образы и ощущения – страха, тревоги?

Потом ОН ощутил угрозу. Угрозу не лично себе, а угрозу тому миропорядку, который существовал испокон века. И все больше ОН понимал, что люди (а это были именно они, хотя таким словом ОН их назвать и не мог) не должны были появляться на Луне, что вся причина перемен – именно в этом.

Осознание будущего уходило, ОН все больше и больше концентрировался в настоящем и в воспоминаниях прошлого. И все труднее ему становилось растворять свою форму, все труднее было входить в то блаженное состояние, в котором ОН пребывал раньше. Новые реалии рождали новые эмоции. ОН не имел своего языка, поэтому эмоции эти не имели для него названия, но раздражение, страх и даже злость временами возникали где-то в глубинах его сущности.

В один из таких приступов раздражения ОН поднялся над поверхностью Луны, огромный, но пока невидимый для живых существ. К Луне приближался небольшой предмет, вовсе не природного происхождения. Предмет стал вращаться вокруг Луны, а потом от него отделился другой предмет и устремился к поверхности.

ОН не пытался уловить мысли существ, находящихся внутри этих предметов. ОН просто знал, что они там есть и что это те же самые существа, которые уже были на Луне. Ну, не именно те же, но такие же. Впрочем, для него не было разницы. ОН устремился к падающей на Луну светящейся точке, ОН стал гораздо больше нее, ОН поглотил ее внутрь себя. Люди заметили, что связь с базовым кораблем стала совсем плохой, но больше они не замечали ничего.

Корабль сел, а ОН остался висеть в пространстве, огромный и негодующий. И негодование его стало столь сильным, что форма его начала проявляться в физическом мире, заслоняя звезды.

***

Людям некогда было глазеть по сторонам. Да и вообще: мало ли что покажется сквозь шлем скафандра? И они дружно взялись за работу, разворачивая аппаратуру для жилья и проведения опытов. Жить им весь месяц придется в скафандрах, хотя называть эти костюмы таким привычным термином было не совсем верно. Это были, скорее, мобильные домики, наподобие раковины улитки. Внутри все было оборудовано для дыхания, еды и даже для отправления естественных нужд. И все это было очень компактно и даже вполне терпимо по весу. И только спать они могли без скафандров, в спускаемом модуле.

Им нужно было подготовить установки для опытов, добыть лунный грунт, загрузить его, получить из него воду и кислород, собрать их в специальные емкости. Энергию они брали от солнечной установки, тоже привезенной и развернутой рядом с лагерем. В общем, все было вроде бы не так сложно и страшно, как казалось на Земле.

***

ОН наблюдал за людьми, впервые в жизни почувствовав интерес к происходящему во внешнем мире. Несмотря на то, что Вселенная изменилась, и сам ОН изменился, его могущества хватило бы на то, чтобы рассеять по поверхности и людей, и всю их технику. Вот только сам ОН этого не осознавал пока что. ОН даже не знал, что может сотворить такое.

ОН воспринимал тела людей, как воспринимал лунные камни. Затем ОН постепенно стал замечать наличие у этих существ (но не у привезенной ими техники) глубинной сущности, такой же, как была внутри него самого. Точнее, не внутри него, а им самим.

ОН наблюдал со стороны, как эта сущность (назовем ее душой) людей тщетно пыталась «достучаться» до их сознания, столь грубого, что его присутствие было им не заметно. Души их тянулись к нему, запертые внутри людских тел непонятными силами.

Сергей Крылатов внимательно наблюдал за всем, что происходит на поверхности Луны, наблюдал и за спуском модуля на поверхность. Он видел странную тень на поверхности Луны, как будто тень от огромной амебы, форма которой все время менялась. Но самой «амебы» он не видел, сколько ни вглядывался в иллюминаторы и экраны компьютеров, сколько ни пытался вертеть камерами наблюдения во все стороны.

Как и было заведено в их среде, все наблюдения он тщательно записывал (конечно, не ручкой в журнал, а голосом, прикладывая фотографии) и доложил на Землю о странной тени. Никакого объяснения на Земле пока не придумали, но это не его проблемы.

Наступило время сна космонавтов. Те, кто был на Луне, вошли в спускаемый модуль, сняли скафандры и улеглись на свои места. Дежурного не выставили – что им могло грозить на Луне? А от случайного метеорита дежурный не спасет. Космос есть космос, без риска тут никак.

Абрам Карлович спал плохо. Всю ночь ему казалось, что какие-то холодные и тонкие щупальца опутывают его тело, словно пытаются раскрыть его и добраться до внутренностей. Он просыпался в холодном поту, но в герметично закрытом корабле, разумеется, никого не было. Атеист, воспитанный все же иудеями, он читал наугад какую-то молитву и засыпал снова. И все повторялось.

Наутро он встал, как и все, по будильнику. Хмурый, не выспавшийся, с ощущением смутной тревоги. Что интересно, и другие участники команды были хмурыми и поначалу прятали друг от друга глаза. Впрочем, дисциплина есть дисциплина. И они рассказали друг другу причину своего плохого настроения.

Ренат Алиудинов всю ночь провел внутри Луны. Он шел какими-то бесконечными коридорами без лестниц, но со спусками и подъемами. Как он преодолевал эти крутые подъемы без ступенек, он не понимал. И зачем он ходил, что искал? А ведь он явно что-то искал! И при этом знал, что никаких коридоров внутри Луны нет, «внутренности» спутника Земли были к тому времени досконально изучены.

Рамиз Агамамедов снов не помнил. Он только помнил, что ему все время не хватало воздуха, он несколько раз просыпался от удушья, но воздух в корабле был свежим и наполнен кислородом – техника не подводила.

А на орбите все было спокойно. Оба космонавта прекрасно выспались и с удивлением слушали доклад лунной команды. Еще одна странность. Впрочем, они очень устали после перелета и спуска, тут даже железные нервы космонавтов могут пошаливать. Рассказы были запротоколированы, но вскоре почти забыты, работы невпроворот.

***

Ночью пришельцы зашли в свой корабль и погрузились в состояние, почти знакомое Ему. ОН был даже удивлен немного, хотя состояние это отличалось от привычного для него транса. Но зато теперь у него появился доступ к внутренней сущности этих существ. ОН очень хотел, чтобы они покинули его планету как можно быстрее, потому что любое вмешательство человека в иные космические тела грозило тяжелыми последствиями для всей Вселенной.

И всю ночь ОН пытался то разобраться в их телах, то показать истинную Луну, то просто напугать. Но ничего не вышло.

Зато ему удалось понять, что же они собирались делать на Луне. Этого нельзя было допустить! ОН уже осознал, что может уничтожить и эти тела, и все то, что прибыло вместе с ними. Но…

Когда-то на Земле тоже жили существа, подобные Ему. Было это в те далекие времена, когда планета только формировалась, когда никакие биологические (в нашем понимании) тела существовать там не могли. Но потом их попросили освободить планету для иной формы жизни. Кто попросил? У просящего не было имени, да никто и не спрашивал. Это была сама Вселенная, создавшая Землю для странной формы жизни, с одной стороны очень сложной, но с другой – крайне слабой и неустойчивой.

И Его сородичи ушли с Земли. ОН не был на Земле, Он просто знал о тех событиях. И ОН знал, что форма эта должна была существовать только на Земле, все другие небесные тела были для нее закрыты. И вот, вопреки Замыслу, эта форма жизни сумела попасть в Космос. И не просто попасть, а высадиться на другие планеты. И не просто высадиться, она стала пытаться изменить эти планеты.

Конечно, ОН не знал, чем именно это грозит Вселенной. Но произошедшие с ним изменения после первого визита землян на Луну сами по себе говорили о том, сколь сильным и неблагоприятным будет вмешательство людей в космические события.

***

А люди снова взялись за свои приборы. Сегодня предстояло доехать до горного хребта и взять первые образцы грунта.

Абрам Шнессельман и Рамиз Агамамедов погрузились в вездеход и поехали к ближайшим скалам.

Ренат Алиудинов, будучи не ученым, а космонавтом, в их работе разбирался слабо, зато мог устранить любую неисправность в системах жизнеобеспечения, да и до орбиты долететь в случае чего. Естественно, он оставался в лагере.

Ехали не спеша, расстояние небольшое, да и не был их вездеход гоночным болидом. Километр пути преодолели минут за 15, не меньше. И вот перед ними настоящие лунные горы! Зрелище, надо заметить, впечатляющее. Высоко в небе висел голубой шар, и они вдруг ощутили такую тоску и одиночество, почувствовали себя такими чужими и лишними в этом черно-белом мире Луны! Чернота в тени и слепящая даже через шлем освещенная Солнцем поверхность спутника. Голая, дикая, враждебная. Они почему-то вдруг вспомнили свои ночные сны. Вспомнили так отчетливо, что мысль: «А сон ли это был?» не могла не прийти в их головы. И пятно на небе, закрывающее вчера звезды, они тоже вспомнили.

В какой-то момент им захотелось бросить все, вернуться в лагерь, свернуть технику и поскорее вернуться на Землю. Впрочем, оба были в Космосе впервые и состояние свое сочли естественным. Да и психологи предупреждали о возможности чего-то подобного.

Ученые тряхнули головами, сгоняя наваждение, и стали готовить буровое оборудование. У них не было задачи бурить глубоко, им просто надо было «отколупать» от горы несколько килограммов породы (минимум 3, но желательно 5) и вернуться в лагерь. Как мы уже говорили, экспедиция была рассчитана на месяц, но это был максимальный срок. Если все пойдет гладко, можно было и за неделю управиться. Хотя, если возникнут сложности, месяца может и не хватить, а на следующую подобную экспедицию денег никто не даст. И велика вероятность, что в этом случае американцы снова окажутся впереди: у них денег много.

Поднеся к поверхности горы нечто вроде отбойного молотка с мешком для сбора породы (не руками же через скафандр собирать куски!), Абрам Карлович коснулся кнопки питания.

***

ОН продолжал наблюдать за людьми. Огромный, но бесформенный, ОН продолжал свои попытки связаться с душой этих существ. Ему почти удалось, они почти уже повернули назад. Но воля людей оказалась сильнее, и страшное железное орудие вот-вот должно было нарушить вселенский порядок.

В Нем стал просыпаться гнев. И, соответственно, стала проявляться Его форма. И, прежде чем ученый нажал кнопку питания, он вдруг заметил, как потемнело все вокруг. Будто облако закрыло Солнце. «Облако на Луне???» – и, чуть не выронив бур, оба землянина задрали голову вверх. На этот раз не было не только звезд, но и Солнце было каким-то тусклым. Причем именно в том месте, где стояли они, потому что лагерь был по-прежнему ярко освещен.

Тут до них дошло, что в небе действительно что-то (или кто-то) присутствует. Но этого не может быть! На Луне жизни нет и быть не может! Но ведь американцы предупреждали.... Только вот никто им не верил всерьез.

И еще до них дошло, что этот «кто-то» явно обладает сознанием (совсем дикое предположение) и явно не хочет, чтобы они бурили Луну. И что будет, если они ослушаются, никто не знал.

Не сговариваясь, они оба стали по радио вызывать лагерь. Ренат Мусаевич ответил сразу. Он и сам заметил странное потемнение в том месте, где работали ученые. А теперь, посмотрев вверх, увидел и причину. Огромное амебообразное тело висело над его товарищами, почти касаясь их своими щупальцами. Камера, закрепленная на его шлеме, фиксировала все происходящее. Он включил передачу на базовый модуль, но как назло корабль сейчас летел над противоположной стороной Луны. До связи оставалось минут 15.

Что делать? И он приказал ученым возвращаться обратно.

Когда связь с орбитальным модулем появилась, и его обитатели увидели лунные кадры, у них волосы дыбом встали. Впрочем, Георгий Алексеевич был абсолютно лысым (так сложилось). Но ощущение ужаса он испытал все равно.

Разумеется, вся информация была немедленно передана на Землю. Космонавты не понимали сути происходящего, они просто заметили, что это существо явно хочет им помешать. И еще они прекрасно понимали, что подвергаются огромной опасности.

Но на Земле все виделось несколько иначе. Несмотря на высокое качество отснятого материала, земные ученые никак не могли поверить в реальность происходящего. А уж сны и ощущения космонавтов и вовсе не склонны были принимать всерьез. На кону престиж страны, в экспедицию вложены огромные деньги. А тут какие-то тени, которых просто не могло быть по определению.

Однако рисковать экипажем тоже не хотелось. Гибель экспедиции престижа не прибавит. О самих космонавтах, разумеется, никто не думал, они люди военные (даже ученые), риск – их работа.

Руководство ЦУПом разделилось на сторонников немедленной эвакуации и на ярых противников такой идеи. Докладывать главе государства? Теоретически они должны были доложить, но что они скажут? Что в небе над Луной висит огромная полупрозрачная амеба, внушающая людям ночные кошмары? А время идет, и каждый час стоит огромных денег!

Глава ЦУПа не решился войти к президенту страны с такой информацией. Тем более, что президент был занят важными переговорами. И с Земли поступил приказ на следующий день повторить попытку бурения.

***

В эту ночь всем троим снился один и тот же сон. Будто бы они касаются буром склона горы, включают его, и бур проходит сквозь гору, разваливая Луну на части. Осколки спутника летят на Землю, уничтожая города и поля. Земля превращается в выжженную пустыню, залитую огромными волнами цунами. Зрелище было очень реалистичным, они слышали взрывы, крики людей, чувствовали жар от пламени пожаров.

Ренат Мусаевич любил старые голливудские фильмы, особенно фантастические боевики. Он хорошо помнил фильм «Армагеддон» и явное соответствие сна фильму приписал проделкам мозга.

Но когда утром обнаружилось, что один и тот же сон видели все трое (а двое ученых фильм не видели и вообще о нем не знали: старое кино мало кому интересно), стало очевидно, что на них кто-то влияет. И что это «ночное кино» – серьезное предупреждение, возможно, последнее.

У них уже был приказ ЦУПа бурить во что бы то ни стало. Но если они не поверили в возможность развала Луны от их буровой установки, то в собственную гибель в случае непослушания они поверили вполне.

Как известно, приказы не принято обсуждать. С другой стороны, им там, на Земле, легко командовать. А вот были бы они сами в нашей шкуре…. Так подумали все трое и решили попытки бурения отложить.

Как и накануне, двое ученых сели в вездеход и поехали, но не к хребту, а к тем самым «домам», которые увидели еще на подлете. Американцы уверяли, что эти дома не имеют никаких входных отверстий и их поверхность идеально гладкая. На удивление экспедиции, вблизи стена дома выглядела совершенно естественно. Если бы не ровные прямые углы, вполне можно было бы принять за природный объект.

Абрам Карлович решил использовать всю имеющуюся у них научную технику, был проведен спектральный анализ, анализ на химические элементы, анализ на внутреннюю структуру объекта до глубины в десятки метров. Техника ведь совершенствовалась!

Результат их удивил и даже разочаровал. Это была чистейшая лунная порода по своему составу.

А вот внутри «дома» творилось нечто странное. Там были пустоты, но пустоты эти постоянно меняли свои размеры, форму и местоположение. Земная наука с таким явлением не встречалась и объяснить его не могла.

Они оставили вездеход и стали обходить «дом» с другой стороны, пешком. Когда они подошли вплотную к меньшей грани дома, эта грань вдруг исчезла и они, сами не поняв как, оказались внутри «дома». «Дверь» за ними закрылась так же мгновенно и, естественно, беззвучно. Кромешная тьма. Впрочем, их скафандры были снабжены мощными источниками света, рассчитанными на несколько часов работы.

Двое людей оказались в небольшой комнате, со строгими прямыми углами, высотой метра три. Но если обычная поверхность Луны покрыта толстым слоем пыли, то здесь пол был совершенно чистым, это была твердая каменная поверхность, притом совершенно гладкая.

Они обернулись назад, но никаких следов двери или ворот не обнаружили. Стена сзади них была совершенно гладкой. Паника? Вообще-то говоря, они не были космонавтами и не были военными. Да, их тренировали на всякие нештатные ситуации, и в принципе нервы у них вообще были крепкими. Но тут…

Разумеется, радио не работало. Их попадание внутрь дома было столь быстрым и неожиданным, что доложить командиру они ничего не успели.

А командир – Ренат Алиудинов – не следил все время за участниками похода. У него в лагере были другие дела. Когда он заметил, что товарищи долго не выходят на связь, он стал смотреть в сторону их путешествия. Бинокль показал одиноко стоящий вездеход, но людей нигде не было видно. Радио молчало. Глухо. Ни помехи, ни шума – ничего.

Прошел час, прошло два часа. Пришлось связаться с орбитальным модулем и доложить обстановку.

Сергей Крылатов был вне себя от гнева. Как можно было не следить непрерывно за экспедицией? Как можно было столько ждать, ничего не докладывая? А когда смущенный Ренат Мусаевич рассказал о ночных видениях членов экспедиции, командир встревожился не на шутку.

Доклад, направленный на Землю, был коротким, но весьма резким.

Пока на Земле приходили в себя от такой информации, Сергей Константинович стал менять параметры орбиты корабля так, чтобы пролетать как можно ближе к загадочному дому. Он надеялся с орбиты разглядеть хоть какие-то подробности. Единственное, что он увидел с помощью первоклассной оптики, – это следы двух людей, подошедших к стене дома. Обратных следов не было, самих людей – тоже.

Эту информацию (вместе с фотографиями) он тоже отослал на Землю.

Теперь мало кто сомневался в присутствии на Луне посторонних обитателей. Начальник ЦУПа был вынужден оторвать президента от переговоров и доложить (в атмосфере повышенной секретности) о том, что произошло на Луне.

Президент был человеком достаточно молодым, родился он в XXI веке, жил всегда не бедно и понятие «умный дом» не было для него чем-то абстрактным. В «летающие тарелки» он не верил, в наличие инопланетян тоже. Конечно, он не раз обсуждал с представителями спецслужб всякие необъяснимые явления, а однажды даже впрямую спросил американского президента (встреча была неформальной, и хорошее вино способствовало расслаблению обоих), действительно ли в Америке хранятся останки инопланетян, и правда ли, что многие технологии американцы получили от пришельцев.

Президент США тогда рассмеялся и гордо заявил, что его народ способен сам создавать любые технологии, в инопланетной помощи он не нуждается. А никаких останков лично он не видел. Впрочем, он не особо интересовался этим вопросом.

Российский президент сделал тогда вид, что поверил, хотя и усомнился в искренности коллеги. Но и его собственные «компетентные органы» никаких однозначных доказательств наличия инопланетной жизни не имели. А раз так – о чем еще говорить?

И вот он получает доклад начальника ЦУПа, и у этого пожилого военного, прошедшего множество переделок в космосе, мелко дрожали руки и хрипел голос.

Мало того. Он – президент! – должен теперь принимать решение. Вариантов немного: первый – это не делать ничего и ждать вестей от пропавших. Ресурсов было на месяц ожидания, а потом будет видно.

Впрочем, если они не появятся в ближайшие два дня, они не появятся никогда, потому что ресурсов их скафандров на большее не хватит. Закончатся еда и вода, но главное, закончится кислород.

Второй вариант – организовать спасательную экспедицию на Луне. То есть Ренат Алиудинов должен подойти к месту их пропажи и попытаться с ними связаться. Вдруг получится? Впрочем, идти ему придется пешком, второго вездехода не было. И пусть расстояние не слишком велико, сил и времени на такой поход уйдет немало. И вдруг он тоже исчезнет?

Третий вариант – спасательная экспедиция с Земли. Это не только огромные финансовые расходы, это еще и неизбежная огласка. Не говоря о том, что экспедицию нужно подготовить…

***

Они все еще осматривали стены комнаты в свете своих фонарей, как вдруг пол исчез, и они стали стремительно проваливаться вниз. «Что это – кроличья нора?» – эта мысль пришла к ним обоим. Кстати, если связаться с лагерем они так и не смогли, то между собой по радио вполне можно было общаться. Пришлось, правда, найти подходящую частоту, но их техника позволяла использовать практически весь радиодиапазон.

Разумеется, наручных часов у них не было, но вся информация выводилась прямо на стекло шлема, в том числе и время. Время остановилось. Цифры часов застыли в тот момент, когда за ними закрылся вход в комнату. Они до сих пор не понимали, как он открылся и как закрылся, потому что оба эти события происходили мгновенно. А теперь вот так же мгновенно под ними пропал каменный пол.

Стекло шлема показывало не только время. На поверхности Луны оно показывало направление на лагерь, показывало окружающую температуру. Впрочем, на Луне этот параметр имел смысл только вблизи твердых объектов, но скафандры разрабатывались с учетом путешествий не только на Луну.

Сейчас никакого направления на лагерь не было, зато температура установилась на подозрительно комфортной для человека отметке плюс 20 градусов по Цельсию. Мало того. Датчики скафандра сообщали, что космонавтов окружает привычная земная атмосфера. Однако они так и не решились снять шлемы скафандров...

Они продолжали падать, а шлем послушно отображал текущую глубину по изменению уровня гравитации. Глубина была огромной и продолжала расти, хотя самого падения они не чувствовали.

На глубине 1737 км падение (судя по табло) прекратилось. Они были в центре Луны?

Разумеется, оба ученых были прекрасно знакомы не только с официальной теорией внутренностей Луны, но и с альтернативными идеями о пустом внутри спутнике, о его искусственном происхождении и т.д. И, разумеется, они придерживались традиционных представлений. Но сейчас они висели в полной пустоте, и их очень мощные фонари с направленным излучением не встречали ни одной отражающей поверхности. А часы не двигались.

Вдруг фонари погасли. Погасли и стекла шлемов. Зато они увидели совершенно невозможный пейзаж вокруг.

Было такое впечатление, что в абсолютной пустоте им показывают кино. Перед взором проносились картины формирования Земли и других планет солнечной системы, формирования Луны (она была вполне естественным небесным телом, хотя сформировалась гораздо позже Земли из раскаленных обломков астероида, столкнувшегося с Землей).

Они никак не могли понять, где находится эта картинка: то ли снаружи, то ли транслируется на стекло шлемов, то ли формируется прямо в их голове.

Кино было захватывающим и превосходного качества. Они увидели и Того, кто висел над ними, загораживая Солнце. Увидели другие формы жизни Вселенной, но среди них не было ни одной, основанной на химии углерода, да и вообще на какой-либо химии. Земля была совершенно уникальным объектом, и жизнь на Земле тоже была явлением уникальным.

Они увидели, как покидают Землю нематериальные в нашем понимании существа (больше всего им подходило название «Джинн»), уступая место органической жизни. Они узнали и о договоре, заключенном между Джиннами и кем-то, кто творил Вселенную, но сущность которого не знали даже Джинны. Договор был в том, что представители земной жизни никогда не ступят на другие планеты. Джинны не знали, зачем вообще нужна была вся эта органика. Однако, обладая даром видения будущего, они видели, как человечество отступит от изначального плана и встанет на техногенный путь развития. Но дальше был туман.

И вот люди пришли на Луну. Их аппараты ездили по Марсу и Венере, их корабли давно вылетели далеко за пределы солнечной системы. Но сами люди пока так и не перешли к межпланетным путешествиям, несмотря на амбициозные планы и многочисленные тренировки.

Нарушение договора действительно грозило катастрофой. Ни Абрам Шнессельман, ни Рамиз Агамамедов так и не поняли, почему их действия по отколу куска лунной породы могут привести к таким последствиям. Тем более, что образцы лунного грунта на Землю доставлялись неоднократно. Им ничего не пытались объяснить, им просто давали информацию о причинах и следствиях.

Сейчас они видели как будто повторение первого сна оставшегося в лагере Рената Мусаевича – они неслись вперед внутри Луны, взлетая вверх и проваливаясь вниз. Шлем ничего не показывал, зато вестибулярный аппарат каждого из них реагировал однозначно. И не сказать, что приятно, хотя морской болезнью они не страдали никогда.

Неожиданно перед ними появился яркий солнечный свет. С непривычки глаза захлопнулись сами по себе. Когда им удалось открыть глаза, они увидели позади себя стену «дома», но пейзаж вокруг был совсем не тот, что остался около лагеря. Где они?

Никакого вездехода поблизости не было, да и лагеря не было видно. Шлем снова показывал время, часы шли с того момента, как остановились. Сколько времени они провели внутри Луны?

***

Первым их заметил Георгий Узков.

Вот уже 10 дней летали они над Луной, тратя драгоценное топливо на смену орбит и пытаясь найти хоть какие-то следы пропавших ученых. На Земле решили выдержать весь положенный для экспедиции срок, а если пропавшие не появятся к тому времени, придется улетать без них. Газеты и телевидение старались обходить тему экспедиции, тем более, что она изначально была преподнесена обществу как секретная.

Они возникли будто из ниоткуда, на расстоянии около 200 км от базового лагеря, рядом с таким же «домом», возле которого пропали. К тому времени вездеход был переправлен в лагерь, и сейчас, разбуженный экстренным вызовом с орбитального блока (было время сна) Ренат Мусаевич, чуть не падая, бежал к вездеходу. Введены координаты цели, но вездеход плетется долго! До цели несколько часов пути, а связь по-прежнему отсутствует. Слишком велико расстояние!

Они понимали, что их найдут, тем более, что в небе был виден их орбитальный модуль. Раз видят они его, значит и он видит их. Надо просто ждать. Они не знали, какой сейчас день и какой час. Они просто тихо советовались, что теперь делать. Ни о каком бурении, конечно, речи быть не могло, но у них не осталось никаких доказательств того, что именно они видели. Единственный факт (и они подозревали, что этот факт был не случайным) был в том, что точку входа и точку выхода на поверхности разделяло 200 км. И было очевидно, что они его по этой поверхности не проходили.

Вездеход возник неожиданно из-за поворота и чуть не сбил их с ног. Хорошо, скорость у него маленькая! Они молчали всю дорогу. Но когда они попали в лагерь и была установлена связь с кораблем, естественно, стали рассказывать. Отставание их часов очень хотелось списать на сбой электроники из-за каких-то излучений, но сами они в такую версию не верили. Нет времени внутри Луны – вот и все.

Конечно, их рассказ был записан и передан на Землю. На этот раз начальник ЦУПа не постеснялся даже разбудить президента страны! Тот выслушал все, почти два часа сбивчивого, но достаточно яркого рассказа двух ученых. Только сделал замечание, что лучше было бы записывать их рассказы отдельно, чтобы друг друга не слышали. Но такой возможности на Луне все равно не было.

Экспедиция получила приказ к возвращению. Было ясно, что на Луне людям работать не дадут. Впрочем, как и на других планетах. Сколько денег потрачено зря! Сколько планов пошло коту под хвост (президент мысленно выразился даже грубее)!

***

Они улетали без сожаления. Их домом была Земля – там они и будут жить! Да, их экспедиция закончилась фактическим провалом, они не выполнили задания. Но почему-то все пятеро не испытывали грусти, скорее, наоборот: им как-то сразу стало легче, словно некий груз упал с плеч.

Их провожали. Недалеко от улетающего корабля в небе висело полупрозрачное облако, постоянно меняющее форму.

ОН теперь был спокоен. Больше люди никогда не придут на Луну, никогда не попытаются ступить и на другие планеты. Мир останется таким, каким должен был быть. ОН почувствовал, что его форма теряется, и блаженное состояние транса захватывает все его существо. Корабль улетел, и ОН стал проваливаться внутрь Луны, туда, где нет ни гравитации, ни электричества, ни каких-либо иных помех. Покой, который ОН полноценно не испытывал с момента первого визита людей.

Январь, 2017 год

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

АНАКОНДА ДЛЯ ЭНЦЕЛАДА

(листая «космический дневник»)

Что-то много в моих мыслях стало Космоса.

Да и как иначе, если интерес к нему у меня – с раннего детства. Кроме того, в последнее время наблюдаются крупные, я считаю, успехи в исследовании космического пространства. Плюс к тому – в октябре месяце Баку принимает 74-й Международный конгресс по астронавтике; между прочим, ровно полвека назад, в 1973-м, такой же конгресс проходил тоже в Баку, по инициативе Гейдара Алиевича Алиева, 100-летие которого мы отмечаем в этом году…

*И вишенка на торте – в данный момент, 27 апреля сего года, я сижу в конференц-зале Азербайджанской дипломатической академии, на мероприятии **Space Generation Azerbaijan** (**SG Azerbaijan**), организованном ОАО «Азеркосмос» и Консультативным советом космического поколения (**SGAC**). Мероприятие подобного рода проводится в Азербайджане впервые; его тема: «Женщины в Космосе, проблемы и возможности». Его цель – «привлечь девушек в сферу информационно-коммуникационных технологий, дать молодежи возможность получить образование в области Космоса» (как сказано в пресс-релизе).*

Я не женщина. Я приглашен на мероприятие в качестве писателя-фантаста.

Слушаю выступления докладчиков.

Мастер-класс по космической инженерии.

Прямая трансляция нашего корреспондента с фестиваля авиации, космоса и технологий ТЕХНОФЕСТ-2023, проходящего в Стамбуле, в аэропорту имени Ататюрка, и там очень людно. Делаю пометки в блокноте.

Кофе-брейк. Рассеянно улыбаюсь девушкам, отвечаю на какие-то вопросы. Потом уединяюсь в углу вестибюля и листаю свой блокнот. Строго говоря, это не рабочий блокнот, а другой; утром в суматохе я прихватил своеобразный дневник, в который обычно заношу мысли о том, что интересует меня в данный момент больше всего.

Хорошо это или нехорошо – но практически все записи последних недель у меня о Космосе. Даже если отправной точкой служили события, весьма от Космоса далекие.

Вот, к примеру:

12 марта 2023. РУКА

Попался мне навстречу старик. Сухонький, сгорбленный, сморщенный. Он ковылял, опираясь на палку, протянув вперед руку, и что-то лопотал неразборчиво, но ясно было – просил милостыню. Прохожие иногда притормаживали, подавая старику мелочь. Когда он поравнялся со мной, я молча извлек из нагрудного кармана купюру достоинством в один манат и вложил ее в корявые пальцы. Старик забормотал что-то в знак благодарности, а я… странное дело, смотрел я на человеческую руку, больше похожую, правда, на птичью лапу, а перед мысленным взором моим стоял хромированный манипулятор **Robotic Arm**, двухметровой длины, способный двигаться вперед-назад, вправо-влево, вверх-вниз, а также совершать круговые движения, и снабженный специальной видеокамерой. Манипулятор принадлежал

«Фениксу» – посадочному модулю **NASA**, опустившемуся близ марсианского Северного полюса в мае 2008 года. Я помотал головой, но видение не исчезло. Видимо, потому, что всю последнюю неделю я работал с материалами по этой миссии, обошедшейся в 420 миллионов долларов, миссии, отправленной людьми на Марс с вполне определенной целью: узнать, есть ли там вода…

На Земле **Robotic Arm** испытывали в Калифорнии, в Долине Смерти, где он смог выкопать в очень твердом грунте траншею глубиной в четверть метра за 4 часа. С марсианским грунтом манипулятор также успешно справился, взял образец и перенес его в специальную камеру для исследований.

Если о главном – «Феникс» нашел на Марсе воду.

Аппарат проработал там 90 **sol** – местных суток. Потом хилое зимнее солнце перестало в должной мере питать солнечные батареи, а последующая пылевая буря полностью вывела «Феникс» из строя.

Отхлебывая кофе из пластикового стаканчика, я перелистнул еще несколько страниц и поймал себя на том, что последнее время часто страдаю этаким «раздвоением личности»: глядя на что-нибудь обыденное, земное, бакинское, я в то же самое время мысленно переношусь куда-то на другие планеты, присутствуя одновременно в двух мирах. Стоит ли этого опасаться, как симптома какого-нибудь психического расстройства? Или же это вполне естественное и безобидное свойство, присущее писателю-фантасту? Не знаю. Знаю лишь то, что при этом получаются записи весьма необычного свойства.

Например:

15 марта 2023. ДВА ВЕТРА

Давеча одна моя фейсбучная френдесса выложила на своей странице маленький, на телефон записанный ролик с видом из окна высотки и шумом сильного ветра, который бушует в Баку вот уже несколько дней. Просматривая запись, я вдруг вспомнил о другом ветре...

Марсианском.

1 декабря 2018 года американская автоматическая межпланетная станция **In Sight** впервые в истории передала на Землю запись марсианского ветра. Или, если быть точнее, запись вибраций, вызванных северо-западным марсианским ветром, дувшим на равнине Элизиум со скоростью от 5 до 7 метров в секунду.

И мне подумалось: интересно все-таки быть писателем-фантастом. Подавляющее большинство людей, увидев данный ролик, просто не обратили бы на него особого внимания. Из обративших – подавляющее большинство этим бы и ограничилось. И лишь считанные единицы, услышав запись шума бакинского ветра, вспомнили бы о записи шума ветра на другой планете...

17 марта 2023. ЛУННЫЙ СЯМЯНИ́

Приобрел и принес домой «сямяни́» – бумажную тарелочку с проросшей пшеницей, непременный атрибут приближающегося Новруза, Праздника Весны.

Намедни я сделал запись о том, как записанный свист бакинского норда напомнил мне о марсианском ветре. А воображение фантаста никак не желает угомониться. Думаете, сямянИ не вызвал у меня каких-нибудь подобных ассоциаций? Еще как вызвал.

...В январе 2019-го впервые в истории совершила мягкую посадку на обратной стороне Луны китайская автоматическая межпланетная станция «Чанъэ». В ее биоконтейнере, помимо почвы, воды и воздуха, имелись семена хлопчатника, рапса, кар-

тофеля, дрожжевые грибки и яйца плодовой мушки (как видите, китайцы доставили на Луну представителей трех царств земных организмов: растений, животных и грибов). За два месяца до запуска «Чанъэ» семена, дрожжи и яички были законсервированы, дабы перенести полет; 3 января, после посадки, автомат полил семена водой, специальная система контроля тепла установила и поддерживала в контейнере температуру 25 градусов по Цельсию. А 12 января камера зафиксировала прорастание одного из семян хлопка…

Помню, с каким небывалым волнением я рассматривал переданный с Луны снимок нежного зеленого росточка, пробившегося сквозь предохранительную пластмассовую решетку. Ведь это было самое первое земное растение, проросшее на поверхности другого небесного тела! (до сих пор различные растения проращивали лишь на орбитальных станциях, в условиях невесомости). Увы, это оказался единственный из земных организмов, «пробудившийся» к жизни на Луне…

...Воображение перекинуло своеобразный мостик от проросшей пшеницы в тарелочке, очень древнего символа наступающей Весны, пробуждения и обновления Природы, – к зеленым росткам, проклюнувшимся на обратной стороне Луны. Может, и они – некий символ? Символ пробуждающегося и обновляющегося человечества? Символ будущего освоения других планет? Лунный сямяни́...

Может, и вправду когда-нибудь «и на Марсе будут яблони цвести»? Была такая популярная песенка во времена моего детства.

Хочется в это верить. Верить в то, что человечество не только не опустошит свою собственную планету, но и озеленит другие миры.

Ну вот или:

25 марта 2023. ПОД ОДНИМ СОЛНЦЕМ

Наблюдал сегодня закат. Солнце опускалось к горизонту. Собственно, с моего балкона, как и с многих других, горизонта не видно, сплошной **skyline**, урбанистический пейзаж. Светило садится куда-то за высотки.

Созерцание заката мысленно вновь перенесло меня на другую планету. Я вспомнил, как недавно видеозапись заходящего солнца на Марсе, сделанную с воздуха, прислал американский аппарат **Ingenuity** (Изобретательность). Это небольшой дрон, точнее, вертолетик, который принес с собой на Красную Планету последний марсоход.

Смеркается.

Как представишь себе, что и нашу Землю, и находящийся за 200 миллионов километров отсюда Марс освещает одно солнце...

Кофе-брейк завершился, все потянулись в конференц-зал.

…Девушек произвольно разделили на три группы и предложили им собрать из деталей модели космических телескопов «Хаббл», «Чандра» и TESS, пользуясь инструкцией. Три команды окружили столы с разложенными на них деталями, инструкциями и необходимыми инструментами и принялись за работу. Постепенно все увлеклись. Я и сам перемещался от стола к столу, иногда выступая в роли ассистента (скальпель! зажим! пинцет!), а иногда обходясь советом. Мне было, что посоветовать: когда-то, в пору моего детства, я и сам собирал и склеивал модели (в основном это были самолеты, но один раз я сработал модель космического корабля «Восток-1»). Работа у столов кипела. Из присутствующих девушек я знал лишь одну – Алису Орехову. Пару лет назад она, учащаяся Евролицея, была одной из участниц литературно-художественного конкурса, устроенного Центром творчества Максуда Ибрагимбекова; конкурс касался фантастики; я был членом жюри и оценил работу Алисы

весьма высоко. На этом бы дело, наверное, и закончилось, но чуть позже девочка появилась на ZOOM-конференции «Кольцо фантастических идей», в которой участвовали известные писатели-фантасты Азербайджана (в том числе я), Израиля, России и других стран. Тогда-то и выяснилось, что Алиса читает разную фантастику, но предпочтение отдает все же старой, советской, поскольку (по ее словам) в ней огромное внимание уделено морально-этическим вопросам. Это меня так тронуло, что я добился встречи с ней и подарил ей альманах советской фантастики, своеобразный дайджест из лучших повестей и рассказов, выходивших в 60-е – 70-е годы в популярной серии НФ (издательство «Знание»). Позже выяснилось еще одно обстоятельство: Алиса чуть ли не с младых лет увлечена астрономией, всерьез намеревается стать астрофизиком и раскрывать самые сокровенные тайны Вселенной, и упорно идет к своей цели шаг за шагом. Так что ее участие в мероприятии «Женщины в Космосе, проблемы и возможности» более чем закономерно.

Я уважаю подобную целеустремленность. Я и сам такой.

Команда, в которой Алиса, первой собрала модель космического телескопа «Чандра», предназначенного для исследования Вселенной в рентгеновском диапазоне. С небольшим отрывом две другие команды завершили свою работу. О, как сияли девушки!

…А потом были еще выступления и доклады…

А потом мероприятие закончилось, и я поехал домой.

В последующие весенние дни блокнот пополнялся новыми заметками.

1 апреля 2023. ДОЖДЬ НА ТИТАНЕ

В Баку идет дождь.

Смотрю в окно, забрызганное каплями падающей с неба воды.

Недавно я сопоставлял заход солнца в нашем мегаполисе с закатом на Марсе, который был снят и передан на Землю американским дроном **Ingenuity**. Воображение позволило мне одновременно находиться в разных мирах.

Думаете, бакинский дождь в данном плане – исключение? Как бы не так.

Дождь.

...Где-то там, почти на окраине Солнечной системы, движется по извечной орбите Сатурн – колоссальный водородный пузырь, опоясанный гигантскими кольцами, состоящими из частичек льда. Вокруг Сатурна вращаются его разновеликие «луны», числом более сотни; и среди них – самая крупная, Титан, фактически небольшая планетка с плотной атмосферой... уникальный случай в Солнечной системе, чтобы естественный спутник – и с атмосферой.

И сейчас на Титане тоже идет дождь.

Не из воды – из жидкого метана. Мириады капель низвергаются из метановых облаков на ледяные горы и неуклонно стекают в море ***Пунги*** – названное так астрономами в честь существа из полинезийских мифов, прародителя акул и ящериц... Все моря и озера на Титане, наполненные не водой, а метано-этановой смесью, испаряют дар небес, и испарения, совершив круговорот, вновь выпадают осадками. Поэтому в любое время на Титане идет дождь. Метановый дождь...

Лишь там и еще на Земле существует такой круговорот – в пределах Солнечной Системы, имеется в виду.

Титан – это мир, который почти не видит Солнца из-за плотных облаков, мир, в котором царит 170-тиградусный мороз, сбивающий водяной лед в плотные, как гранит, горы и нагорья.

Но ученые предполагают, что в морях Титана может существовать жизнь. Особые организмы, в метаболизме которых участвует не вода, а все тот же метан.

Вот бы проверить. Биолог во мне рвется на спутник Сатурна, чтобы точно

узнать – уникальна ли земная Жизнь...

Мне очень жаль, что в 2013-м NASA законсервировало проект **Titan Mare Explorer**, в ходе которого предполагалось доставить на орбиту Титана и сбросить на парашюте на одно из тамошних морей небольшой дисковидный исследовательский зонд, который занялся бы поисками Жизни. И это было бы первое плавание земного аппарата в инопланетном море. Увы, от проекта отказались в пользу другой миссии, марсианской, – **InSight**. Проклятый вопрос финансирования. И у NASA болит голова.

. ..В Баку идет дождь. Привычный, из воды. Смотрю в окно. На перекрестке топчется дорожный полицейский, в своей желтой непромокаемой накидке похожий на громадного цыпленка. Блестит мокрая автострада. Блестят мокрые машины. Блестят зонты над головами прохожих.

Дождь.

Дождь тут, и дождь там.

И я вижу их оба.

8 апреля 2023. ДЛЯ КОГО ОНИ, ОБЛАКА?..

Ну, ничего не могу поделать со своей натурой фантаста!..

Вот и сегодня: спозаранку вышел пройтись, полюбовался на красивые облака, повисшие в небе над Баку... и на память тут же пришел снимок совсем других облаков. Серебристых, в рассветном марсианском небе над кратером Джезеро, сфотографированных 18 марта сего года навигационной камерой американского марсохода **Perseverans** и переданных на Землю...

Незабвенный Козьма Прутков когда-то сказал: «Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою». Сие справедливо в отношении не одних лишь камешков; облака в небе тоже могут послужить предметом для самых разных размышлений. И я принялся размышлять.

Для ученого облака – «взвешенные в атмосфере продукты конденсации водяного пара». Для человека, обладающего эстетическим чувством, облака – предмет для бесконечного любования; вон какие причудливые формы они подчас способны принимать, аж дух захватывает от восхищения...

Но то у нас, на Земле. Здесь, слава Богу, есть человек, который способен не только увидеть «взвешенные в атмосфере продукты конденсации водяного пара», но и полюбоваться ими, придумать о них какую-нибудь сказку, сочинить какую-нибудь песню... «Облака – белогривые лошадки...» или «Облака плывут в Магадан...». Это ясно. А вот на других планетах?

Есть ли кто, способный, например, стоя на раскаленной почве Венеры, любоваться тамошними желто-оранжевыми сернокислотными облаками, бешено мчащимися по небу, в котором никогда не бывает видно Солнца?

Есть ли кто, способный, стоя на ледяных нагорьях Титана, любоваться метановыми облаками, истекающими метановым дождем?

Есть ли какие-нибудь живые и мыслящие существа, способные любоваться изнутри разноцветными водородными облаками Юпитера или желтыми водородными же облаками над северным полюсом Сатурна, которым хитро закрученные вихри придают форму шестиугольника?..

Или такая прерогатива дарована лишь земным облакам?

Может, и Человек-то первоначально был создан для того, чтобы восхищаться Природой и некоторыми ее проявлениями? А прочие миры Солнечной системы – возможно, и Вселенной – лишены такого счастья?

(Впрочем, при виде того, как Человек обращается с Природой, так и хочется перефразировать старый анекдот: «Что такое счастье? Это когда на Земле есть Человек. А что же такое несчастье? Это иметь такое счастье...»)

Perseverans снимает облака на Марсе. Когда-нибудь на них взглянут и глаза космонавтов-землян, – дайте только срок, и такое случится. Увидит землянин воочию облака и венерианские, и юпитерианские, и прочие. Вот тогда и станет ясно – для кого они, эти облака...

Но важно, чтобы землянин не стал несчастьем для других миров, когда он до них доберется.

17 апреля 2023. ВОПРЕКИ ЛЕНИВЦАМ

14 апреля сего года я имел честь наблюдать на **Youtube** трансляцию успешного запуска с космодрома Куру во французской Гвиане тяжелой ракеты-носителя **Ariane 5** с европейской межпланетной автоматической станцией **JUICE** (**Jupiter Icy Moons Explorer**).

Совершив пять гравитационных маневров у Земли, Луны и Венеры, **JUICE** направится к системе Юпитера, каковой достигнет, по расчетам, летом 2031 года. В коммюнике говорится: *«Основными научными целями для аппарата станут три крупнейших естественных спутника Юпитера – Европа, Ганимед и Каллисто. Он займется изучением их внутренней структуры, гравитационного поля, состава и морфологии поверхности, состава экзосфер, структуры магнитного поля, а также определит наличие и свойства подповерхностных глобальных океанов из жидкой воды, которые могут быть потенциально обитаемыми»*.

Собственно, в наличии подледных незамерзающих океанов из соленой воды на Европе, Ганимеде и Каллисто я не сомневаюсь: они были определены давно, еще зондами серии **Voyager** и станции **Galileo**. Другое дело – наличие в них каких-либо форм жизни. Очень хочется верить в то, что они там есть. Лично я сейчас возлагаю в этом плане куда больше надежд на вышеупомянутые спутники Юпитера, чем на Венеру, Марс и Титан. Но поскольку я ученый, для меня недостаточно понятий «верю» или «не верю». Для меня существуют критерии «доказано» или «не доказано». Потому-то я и встрепенулся при известии о старте **JUICE**...

...но очень быстро испытал пресловутый «когнитивный диссонанс». Ну, во-первых, 2031-й год. Долгонько ждать придется, долгонько, а что делать? Законы Мироздания не перепрыгнешь. Придется «свернуть ковер нетерпения и уложить его в сундук ожидания», а также молить Всевышнего, чтобы ниспослал здоровья и необходимых лет жизни, дабы дождаться 2031 года. Хотя ощутимые результаты аппарат сможет прислать еще позже, году к 2035-му. Эхе-хе...

Во-вторых, как я понял, **JUICE** будет поочередно исследовать Европу, Ганимед и Каллисто с орбиты. Никаких посадок на поверхность юпитерианских спутников, тем паче бурения толщи льда и взятия образцов воды, не предусмотрено. И много ли удастся узнать при таком раскладе? Правда, некоторые ученые надеются на «озера» на Европе, то есть на небольшие водоемы, расположенные неглубоко под ледяным панцирем: возможно, их «прощупывание» приборами что-нибудь да даст...

В общем, будущее покажет. Как говорят китайцы, любая, даже самая длинная дорога начинается с первого шага. А первый шаг сделан был 14 апреля.

...При запуске ракеты-носителя с **JUICE** произошел курьезный случай: прямую трансляцию чуть было не сорвал медленно двигающийся ленивец, попавший в кадр. Зрители, заметив его, потребовали от организаторов остановить эфир, чтобы спасти зверька. Так и поступили: ленивца отогнали, и только после этого ракета взмыла в небо на огненном хвосте...

Меня это обстоятельство вначале позабавило. И я даже подумал: хорошо, что это был современный ленивец размером с собаку, а не его плейстоценовый, ныне вымерший, предок весом в четыре тонны и ростом повыше слона – такого попробуй отгони, он сам кого хошь... Потом я посерьезнел. Помеха в виде ленивца представи-

лась мне глубоко символичной. Лесной южноамериканский зверек, медлительный до невозможности, как бы олицетворял для меня тех косных, обывательски настроенных людей, что выступают против космических исследований. Неважно, по каким причинам они это делают – одни считают, например, что изучение Вселенной не угодно Богу; другие считают, что надо сначала навести порядок на Земле и обеспечить людей достойной житухой, а потом уже запускать ракеты к другим планетам; третьи – что космические исследования не нужны в принципе, нам и тут хорошо, человек приспособлен к родной планете, и ему нечего делать вне Земли...

Лично для меня все это не аргументы. Человек от природы обречен был ходить на ногах по земле, тем не менее, придумал колесо, парус, винт и крыло. Что касается Господа Бога, то нигде не сказано, что Он запрещал людям стремление к познанию и к расширению пределов как своего обитания, так и своего мышления, скорее наоборот. А что касается «достойной жизни» – то, извините, я считаю, что это очень расплывчатое понятие, и сколько человеку ни дай, ему все будет мало, и даже если он будет спать на серебре и есть на золоте, ему все равно будет казаться, что это еще не предел и что ему чего-то недодали... И в результате этой бесконечной «гонки Ахиллеса за черепахой» устройство достойной жизни отодвигается на неопределенный срок, а вместе с ним и космические исследования. Не-ет, верно поступил Советский Союз, запустив первый искусственный спутник Земли всего через 12 лет после окончания разрушительной войны... Время не ждет, как говаривал один литературный герой.

Так что прочь, ленивцы, тормозящие стремление Человека познавать! Оттащите ленивцев с пусковой площадки.

Ракеты взмывают в небо, унося к другим планетам, в поисках внеземной жизни, хитроумные аппараты, сработанные людьми. Людьми, которые хотят не только **есть**, но и **знать**.

Ленивцам вопреки.

21 апреля 2023. СКРЕЩЕНЬЕ ИНТЕРЕСОВ

Новруз Байрам. С праздником!

Помимо миссии Европейского космического агентства **JUICE**, еще одна новость из мира науки привлекла мое внимание. Она касается так называемого «туллимонстра», который обитал 307 миллионов лет назад на морских мелководьях в районе современного северо-восточного Иллинойса, США .

В силу своей профессии я повидал всяких-разных тварей, как ныне существующих, так и давным-давно вымерших и реконструированных палеонтологами, и меня трудно удивить причудливостью форм. Однако туллимонстр своим видом поразил даже меня. Вытянутое торпедообразное тело с хвостовым плавником, как у кальмара, рядами дырок для дыхания по бокам и выступающим из морды длинным гибким щупальцем с зубастой клешней на конце. Да, и глаза на стебельках, твердых и неподвижных, как стальной прут. Вот такое вот существо стремительно передвигалось когда-то в водах молодой Земли, хватая зазевавшихся жертв (на конце щупальца располагался, собственно, рот, а клешня – это своеобразные «челюсти»)...

Окаменелые останки туллимонстра были найдены лет 70 тому назад, но ученые до сих пор никак не могли определиться с систематикой этой причудливой твари, а также определить, позвоночной она была или же беспозвоночной. Теперь же японские специалисты с высокой степенью точности установили: туллимонстр был беспозвоночным и является, таким образом, родней червям, моллюскам и пр. Хотя по поводу классификации остались еще кое-какие вопросы. Как бы не пришлось отвести туллимонстру отдельную «комнатку» в систематике, как школьнику Вовочке в известном анекдоте...

Своеобразное скрещение интересов из области биологии и космонавтики порождает в моей голове всякие думы. Окидывая мысленным взглядом всю длиннющую вереницу видов морских организмов, как ныне существующих, так и давным-давно исчезнувших (да и то тех, которые были найдены и стали известны; а сколько их кануло без всякого следа!), я думаю: если уж на нашей планете оказались возможными такие проявления живой материи, как, в том числе, и живая торпеда с клешнятым щупальцем на носу, – то что же тогда можно отыскать в океанах под толстой ледяной коркой на Ганимеде или Каллисто?! Хотя закон биологической конвергенции работает, скорее всего, и в космическом масштабе, глупо было бы думать, что ганимедская жизнь окажется репликой фауны земных полярных морей...

Впрочем, поживем – увидим. В 2035-м году **JUICE**, если не случится чего-то внештатного, пришлет данные разведки.

А пока что остается изумляться тому, что есть и было на нашей планете. Тут есть чему изумляться, право слово.

Может, кому-то покажется неуместным совмещение светлого праздника с мыслями о какой-то давно вымершей твари... Но лично я так не считаю. Меня, биолога, влюбленного не только в Жизнь, но и в Космос, и вскормленного-вспоенного Фантастикой, любое живое существо, давно вымершее ли, ныне существующее ли, всегда приводит в священный трепет, и я не перестаю повторять: велик Аллах над нами! Велик Создатель! Сколь разнообразен мир, сколь удивительна Живая Природа, и наш шарик, третий по счету от звезды по имени Солнце – я твердо убежден – не единственная планета с Жизнью... И нас ждут еще всякие Чудеса – там, по ту сторону голубого неба.

5 мая 2023. УВЕРЕННОСТЬ?

Ну вот. Месяца еще не прошло со старта **JUICE**, и пока ученые и фантасты, я в том числе, думаем-гадаем, как может выглядеть гипотетическая жизнь в океане, например, спутника Юпитера – Европы...

...Монике Грейди, профессору планетарных и космических наук и канцлеру (ректору) Ливерпульского университета Хоупа, похоже, все ясно уже сейчас. Она больше чем уверена, что существа, обитающие в соленом океане под 20-километровым слоем льда, у дна, в тех местах, где из недр бьют геотермальные источники...

...короче, «европейцы» похожи на земных осьминогов и обладают, по мнению Моники, таким же уровнем интеллекта.

Вот так-то.

Мне бы ее уверенность...

А с другой стороны – почему бы и нет? Вероятность этого хоть и мала, но все же существует.

Осьминог – это неплохо. Я имел дело с осьминогами, в Охотском море. Твари они действительно смышленые; правда, японцы и корейцы употребляют осьминогов в пищу без особого почтения к их умственному развитию, но это уж как водится. Давно ли – по историческим меркам – мы сами были каннибалами? А тут морской моллюск.

Но с осьминогами можно договориться.

Кстати, пару лет назад подопытная каракатица, ближайший родич осьминога, в ходе эксперимента успешно сдала когнитивный тест, разработанный для детей-дошкольников…

Вспомнил вот еще что. Лет 10 - 12 назад промелькнула в какой-то телепередаче информация, будто бы аппарат **Cassini** записал странные звуки, доносящиеся из подледного океана Европы, и звуки эти напоминали ультразвуковой «язык» земных дельфинов! **Cassini** передал запись на Землю, и американские ученые додумались

прокрутить запись земным дельфинам, в океанариуме. Дельфины при этом якобы пришли в сильное возбуждение (что-то поняли, видать) и начали без умолку свистеть, щебетать, стонать и вопить ультразвуково... Американцы записали этот «концерт» на пленку, закодировали и отправили на **Cassini** – чтобы аппарат передал послание от земных дельфинов неведомым подледным «европейцам»...

Признаюсь, я был тогда сильно взволнован – не меньше тех дельфинов из океанариума. Если все сказанное правда, то закон биологической конвергенции, согласно которому разные живые организмы, обитающие в сходных условиях, выглядят одинаково, – действителен не только для Земли, но и для Космоса! И не столь важно, разумны или неразумны существа, свистящие в подледном океане Европы; факт тот, что они тоже общаются с помощью ультразвука, как и наши дельфины! И можно будет использовать наших дельфинов в качестве переводчиков! Если же все сказанное в передаче – вранье или розыгрыш, подумал я еще, то гневу моему не будет предела! И тогда я, скорее всего, сниму с полки одну из самых любимых моих книжек, сказку Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Раскрою и найду: *«...в институте вновь появился профессор Выбегалло. Везде ходит и хвастается, что осенен титанической идеей. Речь многих обезьян, видите ли, напоминает человеческую, записанную на магнитофонную пленку и пущенную задом наперед с большой скоростью. Так, он записал в Сухумском заповеднике разговоры павианов и прослушал их, пустив задом наперед на малой скорости. Получилось, как он заявляет, нечто феноменальное, но что именно – не говорит»*.

Прошла добрая дюжина лет, но ни подтверждения, ни опровержения я не видел. Скорее всего, журналисты свистели, не хуже дельфинов.

Дельфины... Осьминоги... Никак не вырвемся из круга привычных понятий и образов.

Эх, вот бы «пробить» мысленным взором 628 миллионов космических километров и углядеть тамошних тварей!..

Впрочем, подождать осталось не так уж и много, хотя и не так уж и мало – десять лет.

Надеемся дождаться вестей с Европы или Каллисто.

И ради этого тоже, по-моему, стоит жить.

15 мая 2023. АНАКОНДА ДЛЯ ЭНЦЕЛАДА

Известие, крайне меня заинтересовавшее: NASA, вернее, Лаборатория реактивного движения в Пасадине (Калифорния), разработала 4-метрового змееробота **Exobiology Extant Life Surveyor** (**EELS**), который, по мнению инженеров, «поможет ускорить исследование различных небесных тел благодаря своей адаптации к различным условиям местности». Змееробот умеет скользить по сложной местности при помощи вращающихся сегментов. Я видел ролик, в котором его испытывали на пляжном песке, заснеженном горном склоне, ледяном катке и на специальном полигоне, имитирующем марсианский ландшафт.

Вот это, я понимаю, разведчик. Это вам не с орбиты изучать.

Но потом я прочитал, что инженеры Лаборатории реактивного движения планируют змееробота, в общем-то, для исследований подповерхностных океанов Энцелада... и озадаченно почесал в затылке.

Энцелад – один из спутников Сатурна, небольшое небесное тело диаметром всего полсотни километров, покрытое снегом и льдом. В 2005 году удалось обнаружить на его южном полюсе извержения водяного пара, настоящие гейзеры – уникальный случай в нашей Солнечной системе! Ведь на всех остальных планетах и их спутниках вода, если она есть, находится исключительно в замерзшем состоянии... В 2013 году ученые NASA сообщили о том, что мощность теплового потока, исходящего

от южного полюса Энцелада, превышает расчетную в десять раз! Она составляет около 15,8 гигаватт; это почти втрое больше, чем мощность всех горячих источников в Йеллоустонском национальном парке США (то есть источников естественного тепла) или примерно столько же, сколько дают 20 угольных электростанций (то есть источники тепла рукотворного). Проще говоря, в недрах Энцелада работает какой-то весьма мощный источник энергии. Что это за источник – не известно, но именно благодаря нему и выбрасываются в космос фонтаны воды высотой в сотни километров. Вода эта, повторяю, жидкая, соленая, и в ней обнаружены органические соединения! И в пределах нашей Солнечной системы именно Энцелад стал «объектом № 1» для поисков внеземных форм жизни.

Это все хорошо, это все очень благородно... однако…

Нет, я отлично представляю себе, как длинный **EELS** скользит по ледяным полям Энцелада, по заснеженным склонам его сопок, успешно преодолевает трещины (мне понравился острый крюк-«кошка», которым заканчивается хвост змееробота, такой не даст сорваться в пропасть)... но вот подледный океан?

Как и чем будет обеспечиваться энергопитание этой искусственной анаконды? В ходе экспериментов к ней присоединен кабель; но, будучи заброшенной за два миллиона километров от Земли на ледяной шарик, из которого брызжут гейзеры, – неужто «змея» будет ловить хилый свет далекого Солнца на солнечные батареи? Вряд ли. Скорее всего, ее будет питать радиоизотопный генератор энергии, **Advanced Stirling Radioisotope Generator**, я слышал, есть такой. Да и вообще говоря, между нами, – я считаю змеевидную форму робота не самой удачной для проведения исследований в водной среде; здесь больше подошла бы форма ската или хотя бы камбалы...

Мне могут возразить: а как же хорошо плавающие и хорошо ныряющие морские змеи? Отвечу: да видал я их, змей морских, во всех видах видал. Действительно, прекрасные пловцы и ныряльщики. Но они двигаются под водой извиваясь, помогая себе сплюснутым, как весло, хвостом; змееробот же передвигается иначе – на вращающихся в противоположных направлениях шнеках, из которых состоит его «тело». Может, он так собирается елозить по дну инопланетного океана? Тогда остро встает вопрос водонепроницаемости…

Впрочем, в NASA тоже не дураки работают. Сообразят, в конце концов, что к чему.

Интересно, да? – сидит в далеком Баку пожилой чувак и думает о том, какая форма больше подходит для конструируемого в NASA робота-разведчика других планет...

17 мая 2023. ДЕРЖИТЕСЬ, ЗВЕЗДЫ

Звонила донельзя радостная Алиса Орехова. Она одержала решительную победу на Республиканской олимпиаде по астрономии – лидирует в списке, лучшая из лучших! Я тоже возликовал.

Олимпиада проводилась в минувшее воскресенье в Бакинском государственном уноверситете под эгидой Министерства образования республики. Участвовали 189 человек из различных школ и лицеев Баку и регионов.

Сейчас идет подготовка ко второму туру. Победители второго тура поедут отстаивать честь Азербайджана на международную олимпиаду в Польшу. Претенденты пройдут надлежащую подготовку, в том числе и практику в Шамахынской обсерватории.

Ай, держитесь, звезды – Алиса идет!

Баку, март – май 2023

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Н О В Е Л Л Ы

Заколдованный цветок

Ночь выдалась долгой. Решение найти проклятый цветок, вызвавший внезапный исход целой деревни, превратилось в страстное желание. Девушка оставалась непреклонной.

«Ты найдешь адский цветок а я в обмен подарю свою невинность». Стоит уточнить, что девушке исполнилось 16 лет и она своей свежестью напоминала бутон розы, а мужчина приближался к 40 годам.

Слухи ходили о странном могуществе цветка. Люди рассказывали страшные истории. Самое удивительное заключалось в том, что все байки отличались друг от друга. Хотели найти в них общую черту. Увы! Ни единого шанса. Кто-то говорил о том, что цветок набрасывался на прохожих, обнимал их своими алыми лепестками и душил до смерти, другие уверяли, что слышался шепот, чем-то напоминающий песни сирен, люди засыпали и больше не просыпались. Либо цветок начинал издавать чудесный запах, отравлявший любое живое существо.

Мужчина жил один на опушке заколдованного леса. Он тщательно подготовился к походу. Тепло оделся, несмотря на мягкую погоду. События происходили весной. Взял с собой охотничье ружье, походную сумку, фонарь и лопатку. Мужчина не стал звать собаку. Сам он знал, почему рискует жизнью; он страстно влюбился. Но его верная собака должна находиться в надежном месте. Той ночью небо затянуло тучами. Страха он не испытывал. Верхушки деревьев, окружающие его, качались, словно хотели предупредить безумца о неминуемой опасности. Он шел по тропе, освещая ее фонарем. Почему он отправился в путь ночью? Потому, что адский цветок охотился по ночам. Хрустнула ветка. Он поднял фонарь. Громадный медведь стоял перед ним, внимательно разглядывая. Холодный пот капельками спустился по позвоночнику. Медведь не двигался, ждал. Два медвежонка стояли рядом с ним. Это была медведица. Наконец, мужчина решился. Он сделал шаг, затем другой и пошел вперед по той же тропинке. Медведица охраняла своих медвежат.

Мужчина сделал усилие, чтобы не обернуться на медведицу. Он услышал рык зверя, но рычание больше походило на тревогу, чем на угрозу. После встречи со зверем звуки ночного леса стали пугать его, не повлияв на решимость найти цветок и подарить его в качестве свадебного подарка капризной девушке. Мужчина услышал уханье совы. Предчувствие беды молнией мелькнуло в голове и охладило руки. Он упрямо шел вперед, словно его толкала сила, более могущественная, нежели страх и опасность. Устав, он захотел сделать привал.

Поляна открылась глазам. Светлячки окружали оазис, возникший чудесным образом посреди мрачного, пугающего леса. Он сел посреди поляны, вытащил воду и хлеб из сумки. Редкая птица, белый дрозд, привлеченный мирной сценой, приземлился рядом с мужчиной. Птица словно ожидала чего-то. Мужчина раскрошил немного хлеба и дал птице, которая склевала крошки с протянутой руки человека. Тихий покой царил на освещенной поляне. Мужчина закрыл глаза, заснул, и вдруг ему показалось, что он взлетел. Он открыл глаза, увидел себя сидящим на громадной белой птице, увлекающей его в небо. Ветер свистел в ушах. Человек спрашивал себя, что собиралась сделать с ним странная белая птица. Накормить им своих птенцов?

Огромная белая птица стала спускаться и приземлилась на клумбу разноцветных цветов, разной формы и величины, раскачивающихся под легким ветерком. Птица осторожно опустила его на землю и вновь превратилась в маленького белого дрозда. Нежный аромат, издаваемый цветами, кружил голову мужчине, впавшему в эйфорию. Никогда в жизни он не видел более волнующей картины. Цветы издавали звуки, похожие на музыку, исполняемую на арфе Эола. Так он представлял себе небесную музыку Бога ветров Эола. Мелодичные звуки, похожие на перезвон маленьких серебряных колокольчиков, сопровождали волнообразные покачивания цветов. Посреди цветочного циклона находилась небольшая возвышенность. Один-единственный цветок, самый красивый, самый грациозный, отсутствовал. Мужчина поднялся, чтобы рассмотреть поближе чудесные цветы. Продираясь сквозь строй цветов, он неприятно удивился тому, что крепкие и колючие ветви раздирали его одежду, царапали кожу.

Он захотел вернуться назад. Безуспешно. Проход закрылся за ним. Голова закружилась, отравленная сильным, навязчивым запахом цветов.

Мысль о том, что он наткнулся на земной рай, сменилась другой. Мрачной. Ужасной. Об обмане. Об иллюзорности любой надежды. Одиночество, столь любезное его сердцу прежде, разочаровало. Никто не станет его искать. Разве что верный пес.

Ветви цветов крепко удерживали его. Он вспомнил обо всех странных рассказах о цветке, что он искал. В том месте, где он оказался, ситуация казалась безвыходной. Вокруг него море цветов. Каждый из них пытается ему навредить, ранить. Мужчина сопротивлялся, сколько мог. Силы покидали его. Через час он признался себе, что побежден цветами, которыми так восхищался. Он приготовился уйти в небытие, поднял глаза к небу, как если бы просил о спокойной смерти.

Его мольба не была исполнена. Вихрь опустился ему на лицо. Алая роза упала ему на грудь. Великолепная роза. Мужчина догадался, что эта роза царит в королевстве цветов, настолько она была блестяща. Запах розы нежный, легкий, ничуть не похожий на тяжелый пряный запах других растений. Она раскрыла свои лепестки, вызывая восхищение.

Мужчина задыхался, казалось, он достиг самой неприступной вершины высокой горы. Мужчина слышал рассказы альпинистов об их состоянии после покорения самых грозных пиков, не доступных для простых смертных. Огромная радость и сильно затрудненное дыхание, потеря зрения.

Тот же эффект произвела на него ошеломляющая роза. Он закрыл глаза и словно услышал шепот: «Обними его, обними его».

Белый дрозд, наблюдавший за происходящим, расправил крылья, стал огромным во мгновение ока, вытащил своими лапами мужчину из порочного круга обезумевших цветов и поднялся высоко в небо. Мужчина сохранил на груди розу, царапавшую ему грудь. Дрозд сделал круг над партером из цветов, и мужчина с удивлением обнаружил толпу женщин в разноцветных одеждах, потрясающих руками над головами, громко кричащих: «Обними его, обними его!»

Птица осталась довольна своим маневром и улетела прочь от опасной орды женщин.

Птица приземлилась на той же поляне, обрамленной светлячками. Белый дрозд исполнил свое обещание другу, собаке, верному товарищу мужчины с цветком и больше не беспокоился об их судьбе.

Стороннему наблюдателю показалось бы необычным то, чему мужчина вовсе не удивился.

Роза на его груди проснулась, выросла и превратилась в ту, кем была в обычной жизни.

Девушку звали Gülüm, что означало «Моя роза» на языке ее предков. Она обняла своего мужчину нежно, как роза без шипов, и страстно, как смелая любовница.

Сон Глэдис

Сначала был темный экран, с белесыми полосами в нескольких местах. Постепенно в углу стала проявляться маленькая картинка нечеткого изображения. Только приглядевшись, она увидела поляну, усаженную разными цветами.

Картинка увеличилась и стала четче.

Никогда еще ей не приходилось видеть такое разнообразие цветов. Некоторые она узнала. Сиреневый нежный ирис, кичливые гладиолусы, торжественные каллы, горделивые тюльпаны, розы, астры, незаметные ноготки и много других цветов, о названиях которых она даже не догадывалась.

Пестрая лужайка и посреди нее в клетке птичка – волнистый попугайчик. Попугайчик выводил трели, более схожие с пением соловья.

Глэдис вышла на лужайку и подошла к клетке с попугайчиком.

Он повернулся к ней боком, внимательно посмотрел на нее круглым черным глазом без зрачка и залопотал быстро и непонятно. Она сумела понять только какие-то обрывки фраз. Казалось, что птице было что сказать Глэдис и он давно ждал ее появления на поляне.

– Бррррр, та, та, та. Какккая жжжалость! Какккая досссада!

Глэдис не поверила сначала своим ушам. Она оглянулась по сторонам в надежде увидеть того, кто мог говорить с ней. Но никого не было, только серо-голубой волнистый попугайчик, изучавший ее то одним, то другим глазом и лопотавший свой невнятный текст без остановки.

– Кккто бы мог подумать! Столько обаяния, шарррма, наконец, и такая никччемная! Ссскажи, подрррруга, ччего ты ищещь!Сплошшшной суммбур и метания!

Глэдис стала привыкать к мысли, что говорит с ней попугай. Она внимательно оглядела его. Ей понравились его изысканное оперение и манера смотреть боком. Она поймала себя на мысли, что и она также смотрит иногда, когда хочет получше кого-то разглядеть. Близорукие люди иногда прибегают к такому приему, фокусируя взгляд. Усевшись прямо на траве, не боясь испачкать белоснежные брюки, чего не случалось с ней прежде, Глэдис улыбнулась и покачала головой:

– Ты не знаешь, глупая птица, да откуда тебе знать, с твоими куриными мозгами, извини, птичьими мозгами, стих русского поэта Лермонтова: «А он, мятежный, просит бури, как будто в буре есть покой». Ну, вот видишь, молчишь, значит, не знаешь. Я так и думала. А туда же, учить меня жизни вздумал. Не стоит. Лучше расскажи, как ты дошел до жизни такой и сидишь в клетке, среди моря цветов. Расскажи, друг любезный. Ты же, кажется, назвал меня подругой, ведь так?

– Подрррруга, конечччно, кто жжее, кроме тебя, можжет заглянуть в мою бессмертную душшшу.

Глэдис замолчала, переваривая новую информацию. Нужно было теперь согласиться с тем, что у птички, так же, как и у нее, «венца творения» Создателя, тоже есть душа.

Цветочная поляна продолжала жить своей жизнью. Некоторые розы раскрылись, гладиолусы раскачивались из стороны в сторону в такт с ветром, астры распушились и были похожи на угрожающий хвост индюка. Солнце стояло в зените. Глэдис встала, подошла к клетке с птицей и открыла дверцу:

– Я хочу вернуть тебе свободу. Потом, если захочешь, ты прилетишь и расскажешь мне свою историю. А я обещаю, что подумаю над твоими мудрыми советами.

– Ни за что, ни за какие коврижки!

Попугай от возмущения нахохлился и стал выговаривать вполне прилично все слова, не задерживаясь на согласных больше положенного.

– Мадам, вы меня обижаете! Чего можно ждать от такой легкомысленной особы!!! Только глупостей, глупостей и еще раз глупостей! – он заверещал, как если бы увидел кота.

– Почему глупостей? Ты полагаешь, что мое предложение освободить тебя – это глупость? Почему ты не считаешь, что глупостью было посадить тебя в клетку. Тебя, вольную птичку. Тебе ведь не нужны ни машина, ни самолет, чтобы лететь, куда захочешь и когда захочешь. А вместо свободного полета ты сидишь в клетке. Научился, правда, лопотать по-нашему. Да не велика заслуга, разговаривать тебе не с кем. Тебя же никто не слышит, – Глэдис еще раз оглядела поляну , ожидая, что кто-нибудь вынырнет из леса цветов и объяснит ей все про попугая и странные его речи.

– По нашим птичьим понятиям, ты уже совсем старая, даже древняя, а так ничего не поняла в жизни. Свобода, свобода!!! – попугай прервал свою человеческую речь и зачирикал на разные лады, совершенно, как старый брюзга, захлебывающийся потоком собственных нравоучений. – Свобода! – еще раз повторил он, злорадно хихикая. – Ты когда-нибудь видела толпу, вопящую, визжащую похлеще любого зоопарка, требующую Свободы? Видела? И как тебе, понравилось? Ты видела их лица? Не хочу обижать зверей и называть их физиономии мордами, видела? И после этого ты будешь говорить, что Свобода – это замечательно?

Глэдис поднялась, обошла клетку, оглядев попугайчика и пытаясь понять, с кем, собственно, она имеет дело. С попугайчиком, от суровой жизни в заключении ставшим почти философом Диогеном, или же с собственным воображением, так неожиданно вырвавшимся на волю.

– Не смотри на меня так, лучше полюбуйся на себя. Здоровенная дура, так и не поняла, что лучше жить спокойно, размеренно, без всяких тебе лишних проблем. Клюй себе корм. Ругайся с соседями. Жалуйся на плохую погоду. Радуйся на новые штаны. Вон, какие себе штаны отхватила, а все недовольна.

– Кто тебе сказал, что недовольна. И по какому праву ты читаешь мне нотации? Не знаю уже, как к тебе обращаться, на «ты» или на «вы». От твоих речей голова кругом идет.

– Можно на «ты», я тебе позволяю, и, кстати, я не представился, зовут меня Жакузя. Я француз, русского происхождения, полностью мое имя звучит Жак Мария Кузьма, для друзей Жакузя. – Жакузя пошаркал лапкой, чтобы у Глэдис не осталось никаких сомнений в его французских корнях. Прочистил горлышко и запел тоненьким голоском: «Allons enfants de la patrrrie.... ».

Глэдис по мелодии угадала «Марсельезу». Она тихонько засмеялась, и смущенный Жакузя поперхнулся грассированным «rrrr».

– Вот видишь, столько говорил, учил меня, неразумную, а сам поешь «Марсельезу», гимн свободы, как будто нельзя было другую песенку спеть.

Жакузя замолк, по взъерошенному хохолку было заметно, что идет напряженная работа мысли. Он спустился на дно клетки и сел прямо напротив открытой дверцы. Подумал немного, потрогал лапкой дверцу, отвернулся и решительно двинулся к кормушке.

Глэдис наблюдала за его маневрами, про себя удивляясь его упорному нежеланию выйти на свет божий, тем более, что вокруг расстилалась поляна, сравнимая лишь с райским Эдемом.

Цветы, казалось, безуспешно пытавшиеся выманить птичку из клетки, поднялись вдруг с мест и закружились в ароматном хороводе вокруг Глэдис и клетки с Жакузей. От пестрого ковра лепестков, кружащегося перед глазами, у Глэдис заболела голова, и она прикрыла глаза, чтобы утишить боль. Когда она их открыла, то вновь удивилась совершенно переменившейся картине...

...Цветы благоухали, раскачиваясь под дуновением легкого ветерка. Клетка стояла на прежнем месте, а вот Жакузя!

Громаднейшая птица, похожая на сказочную, напоминавшая, правда, своим обликом прежнего симпатичного попугайчика, сидела верхом на клетке и так же, как и прежде, внимательно разглядывала Глэдис. Глэдис от испуга попятилась и, зацепившись за острый шип бордовой розы, упала.

– Ха-ха-ха. Я так и знал. Я все чувствовал заранее. Мне в детстве прочили судьбу Кассандры. Вернее Кассандра, и неспроста. Может быть, мне взять псевдонимом это имя, как ты думаешь, звучит недурно, – Кассандр.

Глэдис замерла, пытаясь не смотреть на чудовищного попугая. Как она ни старалась, взгляд упорно возвращался, чтобы во всех подробностях разглядеть ставшего монстром Жакузю.

Нежные лапки превратились в кошмарные лапы со стальными когтями, клюв напоминал страшное оружие, способное поразить любого противника. Глаза, прежде вызывавшие у Глэдис любопытство и симпатию, стали бездонными черными дырами, лишенными всякого выражения, а нежный голосок уподобился иерихонской трубе, от чьих звуков усиливался ветер на поляне.

– Вот теперь мы можем говорить на равных, дорогая моя подруга. Я на свободе, как ты и хотела, и все, к чему ты призывала, сбылось. Я свободен, силен, даже могуч. А как ты думала?! Жакузя стал таким большим и сильным от пьянящего воздуха свободы. Мне теперь подвластно все. Я могу лететь, куда захочу, и не только... – Жакузя замолчал, взмахнул крыльями и приземлился рядом с Глэдис, совершенно растоптав несколько нежных цветков, неосторожно оказавшихся на его пути.

Глэдис невольно зажмурилась и задержала дыхание.

– Боишься, – удовлетворенно произнес он, – а теперь представь себе, что чувствовал я, когда человек, казавшийся мне огромным, таким же, как я сейчас кажусь тебе, подходил к клетке и запускал свою громадную лапищу, чтобы взять меня в нее. Мне только и оставалось, что ругаться на птичьем языке. Потом уже, когда я научился говорить по-человечески, то тоже не стеснялся в выражениях. Вы, люди, хвастаетесь тем, что очень умные. А вот скажи, ты знаешь хоть одного человека, говорящего по-птичьи? Можешь не отвечать, таких нет. Нас, попугаев, обвиняют в том, что мы повторяем за вами слова бездумно, не понимая их смысла. Позорррр! Позорррр! – Жакузя возбудился до крайности и от воления стал вновь растягивать согласные звуки. – Я прррротестую. Прошу внести мое заявление в прррротоколлл!!!

Глэдис потихоньку отодвигалась от Жакузи, стараясь, чтобы ее уловка осталась незамеченной. Ей почти удалось скрыться за частоколом белых калл, похожих на модельных красавиц, таких же длинных и худых, когда ужасный Жакузя очнулся от своих вольнолюбивых речей и, хищно оглянувшись вокруг, заметил отползавшую от него Глэдис.

Он одним взмахом крыльев догнал ее, схватил за шиворот клювом и взмыл с не привычной для себя ношей в поднебесье. Глэдис не пыталась сопротивляться, полностью подчинившись обстоятельствам и совершенно обезумевшему Жакузе.

Попугай летел быстро и очень высоко. Пролетая сквозь разреженные облака, он стремился к пока еще не видимой цели. Свист ветра в ушах, больно натирающий шею воротник и безумный страх перед неизвестностью, воплотившейся в громадную страшную птицу, не покидали Глэдис. Прошло примерно около часа, прежде чем Жакузя сбавил скорость и стал снижаться.

Глэдис, открыв зажмуренные глаза, с ужасом обнаружила под собой водяную бескрайнюю гладь.

Пролетев до места, где вода была глубокого, почти фиолетового цвета, попугай раскрыл свой чудовищный клюв, и Глэдис солдатиком нырнула в холодную соленую воду, сомкнувшуюся над ней. Камнем пойдя ко дну, она почти также стремительно вынырнула на поверхность. Подняв голову к небу, она увидела кружившего над ней Жакузю.

– Я дал тебе Свободу и волен лететь, куда пожелаю, – громадный попугай зачирикал, как когда-то в бытность свою маленьким волнистым попугайчиком, и, еще раз сделав круг над Глэдис, взмыл высоко, превратившись в маленькую черную точку, прежде чем совсем исчезнуть.

Глэдис не огорчилась, а наоборот обрадовалась тому, что наконец ставший монстром Жакузя исчез и вряд ли объявится вновь.

Она немного успокоилась, насколько можно было успокоиться в ситуации, в которой, по милости Жакузи, она очутилась. Лежа на спине, она перебирала все возможные варианты спасения, и пока ни один из способов не подходил к ее случаю. Глэдис дрейфовала в направлении, выбранном морем.

Когда-то море было ее любимым другом, понимавшим самые тонкие оттенки настроения Глэдис. Сейчас ей жизненно важно было найти с ним общий язык, Глэдис вовсе не стремилась остаться в нем навсегда. И вообще к слову «навсегда» она относилась с опаской и недоверием. Глэдис проголодалась, замерзла, тяжелая мокрая одежда не давала ей двигаться, и она стала привыкать к мысли, что, может быть, именно так закончится ее земной путь, когда невесть откуда взявшееся бревно встало у нее на пути.

Неимоверным усилием Глэдис заставила себя ухватиться за бревно. Бревно подозрительно зашевелилось, с него упала тина, покрывавшая его, и огромный крокодил раскрыл зубастую пасть. Глэдис ойкнула, выпустила из рук хвост рептилии и стала медленно погружаться в воду, побежденная стихией. Крокодил ловко нырнул и вынырнул с обессилевшей и потерявшей сознание Глэдис...

...Солнце, пальмы, горячий песок и выводок маленьких крокодильчиков, снующих вокруг Глэдис и принюхивающихся к неизвестному, но странно волнующему предмету, не подающему признаков жизни. Их большая мама крокодилиха не велела им близко подходить к ее добыче, но на то они и детки, любопытные и непослушные, чтобы созорничать и нашкодить. Мама также не дремала и, когда один из крокодильчиков залез под руку к Глэдис, выползла как из-под земли и наказала своё неразумное дитя, отшвырнув его подальше.

Глэдис очнулась и, увидев крокодила в окружении отряда маленьких крокодильчиков, вскочила на ноги, пытаясь убежать от вновь настигшего ее кошмара. Далеко уйти ей не удалось. Ноги увязали в зыбучем песке, и крокодилы окружили ее, взяв в кольцо. Понимая, что нужно спасать ситуацию и стараясь смягчить произведенное впечатление, крокодилиха заговорила, не сильно раскрывая пасть, чтобы Глэдис не видела страшную челюсть, усеянную острыми, как кинжал, зубами – идеального механизма убийства.

– Дорогая наша, мы вас так любим! Посмотрите на моих деток! Они так заинтересовались вами. Их можно понять. Они еще маленькие и несмышленые. Никогда не видели человека. Я только не понимаю, чего вы испугались, хорошая наша! Неужели вы могли подумать, что мы хотим вас сожрать, например..., – при этих словах крокодилиха широко раскрыла пасть и зевнула так сладко, что у Глэдис от ужаса зашевелились волосы на макушке.

– Я так не думаю, я же знаю, какое у вас доброе сердце. Какая вы замечательная мать и на что вы способны ради своих миленьких, – тут Глэдис прикрыла глаза, чтобы не смотреть на премерзкого крокодильчика, подбиравшегося к ее голой ступне, – зелененьких, пакостных крокодильчиков, – Глэдис закричала и, выпрыгнув из кольца мерзких тварей, бросилась в сторону леса.

Крокодилиха во главе отряда ринулась за Глэдис, но, к счастью для женщины, она не могла передвигаться так ловко и молниеносно на земле, как в водной стихии, и вскоре отстала вместе со своим выводком...

...Совершенно выдохшаяся Глэдис продолжала идти в глубь леса, уже ничему не удивляясь, не думая ни о чем, лишь прислушиваясь к своему измученному долгими испытаниями телу. Ноги распухли, руки и лицо чесались от укусов громадных невиданных насекомых, дальних родственников обычных комаров. Желудок пел песенку голодного желудка и никак не хотел принимать в качестве съестного плоды ядовитого зеленого цвета, которые Глэдис попробовала, надеясь заглушить жажду и голод.

«Еще несколько подобных дней, и я совершенно соглашусь с Жакузей, советовавшим сидеть смирно и жевать свой корм, и с этой жуткой мамашей, готовой сожрать любое, хоть мало-мальски съедобное существо и главное, накормить своих ползучих гаденышей».

Глэдис добрела до источника, волшебным образом забившего прямо у нее под ногами, и тут же увидела хорошо знакомую ей ягоду, землянику. Утолив жажду кристальной водой и наевшись вдоволь любимой с детства земляникой, Глэдис, неожиданно счастливая невиданной удачей, села в тени раскидистого дерева, размышляя о переменчивости фортуны. Она долго перебирала события, вовлекшие её в водоворот страстей.

Раздавшийся рык заставил её прийти в боевую готовность, ставшую для нее привычкой. Она напряглась и медленно повернула голову в сторону, откуда доносились жуткие звуки. Напролом через чащу леса на Глэдис надвигался Черный громадный медведь.

Подойдя совсем близко к Глэдис, медведь остановился. Он увидел гораздо более интересный объект, землянику, и накинулся на нее со всей жадностью голодного зверя. Медведь в мгновение ока уничтожил все ягоды, сломав кусты, на которых они росли, замутил источник и только потом обратил свой взор на Глэдис, завороженную зрелищем. Глэдис смотрела на него не мигая. Ей хотелось загипнотизировать его взглядом, как когда-то Жакузю. Но медведь не имел такой тонкой нервной организации и совершенно не обращал внимания на ее упорный взгляд. Он поворчал, прочищая глотку, и вдруг заговорил, впрочем, как и все другие твари, встретившиеся Глэдис на пути.

– А вот и она, избавительница. Такая противная, распухшая, грязная. Фея когда-то говорила мне о прекрасной принцессе. Ну, что смотришь, глаза вылупила. Фея, она и есть фея, выдумщица, фантазерка. А я ей, лопух, поверил. Согласился. Ждал, как последний медведь, сто лет, надеялся на чудо. И вот тебе, явилась. Ты на свою рожу глядела? Спрашиваю? Когда себя последний раз видела? А туда же, принца расколдовать непременно всем надо. Кто тебя звал? Жил себе и жил, – медведь зарычал, не скрывая более своего разочарования. Глэдис пошевелилась, задетая за живое. Никогда она не была высокого мнения о своей особе, но чтобы зверь, неотесанный медведь сказал ей об этом, такого она не ждала.

– Послушайте, мы с вами не знакомы. Что вы себе позволяете! Я вас не знаю и знать не хочу. Если вы вбили себе в голову, что я по какой-то причине залезла в эту глушь, чтобы встретиться с вами, то поверьте, это не так.

– Рассказывай сказки. Кто же тебе поверит? Только не я. Я уже ученый. Все, что вы говорите, вы – это женский пол, все вранье. Ни единого слова правды. Если бы ты сказала, что искала меня всю жизнь и так счастлива, что, наконец, нашла, тогда можно было подумать, что ты заблудилась и только думаешь о том, как выбраться живой. А сейчас ты возмущаешься и кричишь о том, что не знала ничего обо мне и попала сюда случайно. Я могу быть уверен, что ты выбрала меня и сейчас охотишься совсем так же, как и я, на маленьких зверушек. А ты не боишься, что за сто лет я стал совершенным зверем и мне захочется убить тебя просто для того, чтобы посмотреть, как ты будешь умирать, – медведь подошел вплотную к Глэдис, зарычал, вытянул вперед когтистую лапу и играючи схватил её за волосы на затылке. Он не сильно, как ему казалось, сжал лапу.

Глэдис упала на колени, который раз за день прощаясь с жизнью. Медведь не ожидал, что она так слаба. Он и в самом деле хотел лишь немного поиграть с Глэдис, соскучившись за столько лет в обществе бессловесных тварей. Он нехотя отпустил Глэдис, не веря до конца ее боли.

– Опять ваши женские штучки. Хотел немного приласкать тебя, что же делать, никого другого нет вокруг. Ну, не совсем, чтобы нет. Ходила тут одна медведица. Большая, сильная, не чета тебе. Только запах у нее уж очень медвежий был. Не получилось ничего у меня с ней. Что молчишь, боишься, что покалечу тебя. Могу, а что! Хотя я не злой. У кого хочешь, спроси, совсем я не злой, добрый я. Добряк, каких поискать. Спроси, у кого хочешь. Да хоть у той птички, видишь, сидит на самой высокой ветке. Я ей всегда что-нибудь оставляю на пропитание, так, по доброте душевной. А тебя я так просто не отпущу. Ты должна из меня человека сделать. Полагается тебе. По всем признакам. Ты же видишь, я на все соглашаюсь, даже на внешность твою неказистую. А как же. Понимаю, что не всем же красавицами быть. Иди ко мне, по-доброму прошу. – Медведь схватил Глэдис за плечи, привлекая к себе.

Глэдис крепко зажмурилась, из последних сил пытаясь высвободиться из медвежьих лап, и тут она почувствовала, что медвежья хватка ослабла. Еще не решаясь открыть глаза, она услышала знакомое чириканье, превратившееся вдруг в самую прекрасную песнь на свете...

...Тот же громадный Жакузя, держа Глэдис за шиворот, вновь пересекал водную гладь. Далеко внизу остались медведь, выкрикивающий ставшие бессмысленными угрозы, и крокодилиха в окружении своего выводка, проливающая горькие слезы. Море сверкало под лучами заходящего солнца и казалось ласковым и нежным. Но Глэдис прекрасно помнила, каким равнодушным и холодным оно может быть. Через некоторое время, показавшееся Глэдис бесконечным, она вновь увидела цветущую поляну и почувствовала, что Жакузя снижается. Он сбавил скорость и стал кружить вокруг поляны. Только когда он увидел то, что искал, он стремительно пошел вниз. У Глэдис заложило уши, и она стала стремительно уменьшаться в размерах. Жакузя приземлился у клетки, в которой жил до того, как стал великаном, а в клюве у него была малюсенькая Глэдис, точно тех же размеров, что и он, когда был волнистым попугайчиком. Он ловко запихнул ее в клетку и быстро захлопнув дверцу, клювом навесил крючок. Посидел перед клеткой, полюбовался на дело своих лап и залопотал, вознаграждая себя за столь длительное вынужденное молчание при перелёте.

– Вот теперь все в порядке, подрррруга. Ты на месте, где и полагается быть таким слабым и беззащитным, как ты, то есть в клетке, где тебе ничто не грозит: ни голод, ни звери неразумные. У тебя будет корм, питье, я тебе обещаю хорошую погоду. Здесь на поляне погода бывает только хорошей. Я буду прилетать два раза в день, интересоваться твоим здоровьем, разговаривать с тобой, одним словом, оказывать внимание, – попугай, умиленный собственным благородством, залился соловьиной трелью. – Эй, Глэдис, что ты молчишь? Что-то не так? Может, ты предпочитаешь другой корм? Ну как же, как же я не догадался? Тебе, наверное, не очень нравится сидеть взаперти? Помнится, ты предлагала мне свободу? Сама? Ведь так? Я правильно понимаю твое настроение? Ну! Ответь! А то я начну сердиться и тогда!!! Я не знаю, что тогда... – Жакузя просунул коготь внутрь клетки и поскреб по дну, рядом с малюсенькой ножкой Глэдис. Она в ужасе забилась в угол и закрыла руками глаза. – Ну же, будь умницей, поговори со мной. Я же говорил с тобой на разные темы, когда я был там, где сейчас ты. И ничего, у нас даже диалог получался. Тебе, правда, казалось, что я повторяю за тобой все твои глупости. Непрррравда! Непрррравда! Вррранье! Безззобрррразие! – попугай разозлился и стал раскачивать клетку, отчего Глэдис отлетела в противоположный угол, больно стукнувшись о прутья.

Устав от упрямства Глэдис, он оставил ее в покое и нахохлился.

Глэдис с трудом поднялась, села, попила воды из бутылочки, заботливо приготовленной Жакузей, прикрыла глаза и вдруг неожиданно заговорила осипшим, чужим голосом:

– Жакузя, прости меня. Я знаю, что во всем виновата только я. Ты стал тем, что ты есть, только потому, что мне захотелось иметь свою маленькую ручную птичку. Мне хотелось играть с ней, заботиться о ней, хотелось посмотреть, как она будет клевать зернышки с моей ладони. Мне хотелось, чтобы моя маленькая птичка полностью зависела от меня, терпела мое разное настроение. Ты лучше, чем кто-либо другой, знаешь, как невыносимо быть чьей-то живой игрушкой. Оттого, что ты столько времени просидел в неволе, ты стал чудовищем. Ты не мог стать другим.

– Проливаешь крокодиловы слезы?! Совсем, как твоя знакомая крокодилиха. А если бы ты не была расторопной, сожрала бы она тебя вместе со своими крокодильчиками, только белые штаны от тебя и остались бы. Я стал таким, какой я есть, и я себе очень, ну очень, нравлюсь, – Жакузя оглушающе захлопал крыльями, подняв ветер на поляне.

Цветы внимательно следили за происходящим и по-разному выражали свое отношение. Гладиолусы повернулись в сторону Глэдис и одобрительно кивали всеми цветками, розы поворачивали свои прекрасные головки из стороны в сторону, не решаясь согласиться ни с кем из собеседников, каллы оставались равнодушными, так же впрочем, как и гвоздики, занятые исключительно собой.

Ветер, вызванный Жакузей, закружил цветы в пёстрой круговерти. Цветы, Жакузя, Глэдис, подхваченные ветром, переродившимся в смерч, втянулись в громадную воронку...

...Глэдис открыла глаза и потянулась.

Часы на стене показывали четверть восьмого. Она перевела взгляд на клетку с птицей, закрытую на ночь куском ткани. Глэдис соскочила с постели и босиком пробежалась до клетки. Подняв ткань и заглянув внутрь, она увидела то, что и должна была увидеть: спящего Жакузю, спрятавшего под крыло голову, чтобы не просыпаться от посторонних шумов. Глэдис внимательно разглядывала птичку. Красивый нежный забавный попугайчик.

Жакузя проснулся, поднял, как жалюзи, веки, обнажив черные бусины глаз, поворочал головкой, поцокал и, внимательно посмотрев на Глэдис, заверещал:

– Кассандр, я Кассандр.

Глэдис недоуменно уставилась на Жакузю, вспоминая, откуда он взял это имя. Она совершенно точно помнила, что в его достаточно обширном репертуаре не было такого слова. А Жакузя продолжал частить новыми для него словами:

– О, дайте, дайте мне свободу! Я свой позоррр сумею искупить!

При слове «свобода» Глэдис все вспомнила. Громадного страшного Жакузю, ее невероятное путешествие.

Она погрозила пальцем Жакузе:

– Спасибо тебе за урок, Жакузенька, я знала, но сейчас я совершенно уверена, что ни за что не хотела бы оказаться на твоем месте. Я точно знаю, чего я не хочу. Я не хочу попасть в клетку. А тебя я выпустить не могу, ради твоего же блага. Обязательно найдется сердобольная кошка, которая захочет тебя приласкать. Извини, друг, – Глэдис еще раз со вкусом потянулась и пошла на кухню варить свою любимую овсяную кашу.

ЛАЧИН

СОЧИНЕНИЕ СТИХОВ И ПРОЗЫ, ИЛИ ПЛАВАНИЕ И БЕГ

Рассуждая о сравнительной трудности или лёгкости сочинения стихов и прозы, или рифмованных и белых стихов, мы почему то не вспоминаем о беге и плавании, хотя тут та же ситуация.

Прежде чем задаться вопросом, что легче, бегать или плавать, нужно уточнить, что мы имеем в виду – делать это на каком-либо определённом уровне или бегать/плавать вообще. Бегать легче в том смысле, что любой из нас побежать может, а поплыть – не каждый. Этому ещё научиться надо, и не каждый это умеет. Чем строже критерии, чем большего мы требуем от легкоатлета и пловца, тем труднее сказать, кому из них легче. Если же говорить о лучших спортивных достижениях, о чемпионах, то такой вопрос вообще не стоит – что легче, стать чемпионом по лёгкой атлетике или по плаванию, вопрос неумный и не поднимается.

То же в литературе. С той разницей, что понимаемое в разговорах о спорте часто не понимается в литературных дискуссиях. Большинство людей похожи на человека, считающего, что стать прекрасным легкоатлетом легче, чем чемпионом-пловцом. Действительно, писать стихи труднее прозы, если не учитывать их уровень. Начните говорить стихами, и вам будет куда труднее, чем когда вы разговаривали прозой. Многие вообще не смогут этого, подобно тому как многие плавают как топор. Между тем даже мольеровский Журден говорил прозой, не напрягаясь. Если импровизировать рифмованными стихами (любого уровня, как попало), то становится ещё труднее. В результате складывается впечатление, что рифмованная поэзия сложнее нерифмованной, и уж тем более сложнее прозы. Ну а самым трудным занятием оказывается слагать стихи с богатой рифмовкой, сложными строфами (итальянские сонеты, терцины, большие секстины, канцоны, рондо, триолеты etc).

Но чем выше планка, требуемое качество, тем непонятнее, что труднее даётся, и наступает момент, когда разница вообще сходит на нет; вопрос, что труднее, становится неумным. Что легче, писать-разговаривать терцинами или прозой, все справедливо сочтут глупым, но столь же глуп – по иной причине – вопрос, что труднее написать, «Божественную комедию» или «Улисса».

Потому при обсуждении этой проблемы желательно пояснять собеседнику реальное положение дел на примере бега и плавания. Так он лучше поймёт. Любопытно – большинство читающих и даже пишущих тоже начинают что-то понимать только при сравнении со спортом. Проверено.

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

МАРИНА КАПУЛОВСКАЯ

Лесная модница

**Зачем красавице-лисице
Шарф,
шуба,
шапка,
рукавицы?
Ее же греет рыжий мех –
Одежду надевать ей грех.**

**Но снова шубку надевает
И в ней по лесу щеголяет.
Пушистая красавица
Мечтает всем понравиться!**

Иголочки

**Сказала Ёлка Ёжику:
– Давай дружить с тобой,
Ведь мы же так похожи –
И ты, и я с иглой!..**

Маленький обжора

**Хотела мама-мышка
Испечь на масле пышки.
Но сын ее, мышонок,
Съел масло –
весь бочонок!..**

В зоопарке

**Белый мишка не видел шишек,
Бурый мишка не видел льда.
Белый мишка и бурый мишка
И не встретились бы никогда.
Белый мишка живет на Севере,
Бурый мишка –
в густом лесу.
Не заменят им клетки железные
Их природы родной красу.**

Две сумки

– Я, – сказала Кенгуру, –
Сумку в магазин беру.
А на животе моем
Сумка есть другая:
Своего сыночка я
В сумке той таскаю.

Пчелка

Если ты меня разбудишь,
Рад ты этому не будешь.
Сон мой ты не нарушай.
Жалю больно –
так и знай!

На прогулку

Дождик льется целый день с утра.
На прогулку нам идти пора.
Под дождем промокнуть не хочу –
Зонтик я с собою захвачу.

Погулять ему охота тоже,
Если с неба брызжет нынче дождик.
Зонтику охота искупаться,
Ну, а мне –
по лужам пробежаться!

СОДЕРЖАНИЕ

2023 год

Гейдар Алиев – 100
Ахундова Э. Гейдар Алиев и культура. №5
Интервью литовских журналистов с Гейдаром Алиевым №10

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ. АЛЕКСАНДР ГРИЧ №12

ПРОЗА

Агамамедова Г. Новелла. Этюд. Эссе. №3; Новеллы. №8; Два эссе. №11; Новеллы. №12
Агаоглу М. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №1
Алиоглу Н. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №1
Андреева Е. Рассказы. №6
Аран С. Повесть. №11
Ахундова Т. Рассказы. №3
Ашраф С. Рассказы. №5
Багирова Л. Рассказы. Эссе. №3; Эссе-фантазия. Путевые новеллы. №8; Эссе. №9-10;№12
Бадалбейли А. Рассказ. №12
Бадалов Р. Ахилл и Джейк: Эссе об уязвимости. №11
Берколайко М. Повесть. №3; Маленькая повесть. №9-10
Васильев А., Дьяков А. Киноповесть. №7
Гаузер Э. Рассказы. №4; Рассказ. №12
Гидаят. Здесь тьма полчищ пронеслась. Пьеса. Пер. Э. Ахундовой Э. №1
Горина Э. Рассказ. №5
Гросс М. Рассказы. №12
Димидов А. Монолог. №3; Рассказы. №8
Джафарли М. Рассказ. Пер. Мамедова Н. №4
Джафарли Г. Рассказы. №9-10
Дурсунов М. Повесть. №5
Енисей А. Рассказ. Пер. Мамедова Н. №7
Исмаил Ж. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №5
Кямал Н. Рассказы. №5
Лавкрафт Г. Рассказ. Пер. с английского Шепелева Д. №7
Лачин. Новеллы и эссе. №№7, 8, 9-10, 11, 12
Мамедова Л. Рассказы. №4, 8
Медина Э. Миниатюры. №2
Мурсалова М. Миниатюра. №5
Мустафа Ф. Пьеса. Пер. Мустафаевой Е. №6
Надир Н. Рассказ. №4
Намазов О. Киноэссе. №11
Пириев Г. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №9-10
Расулзаде Н. Рассказ. №1; Повесть. №4
Рустамли Т. Выйди из тьмы. №3
Сафаров Мамед Али. Повесть. №1
Слипенчук В. Рассказ. №3

Смирнов М. Рассказ. №2; Рассказы. №6
Степанов Е. Рассказ. №8
Султанлы В. Сражение в пустыне. Роман. Пер. Халиловой Н. №2
Чеменли М. Рассказ. Пер. Азизовой Э. №8
Шамиль О. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №8
Шарифов-Сейшельский Э. Воспоминания. №11
Шаулов С. Дневник неандертальца. №8
Шафиев М. Маленькая повесть. №2**;** Сказка. №6
Шепелев Д. Рассказ. №6
Эльдарова М. Миниатюры. №8
Эльчин А. Последний день Сальери. Пьеса. Рассказы. Пер. Халиловой Н. №4

ПОЭЗИЯ

Агаев Т. Переводы из азербайджанского фольклора. №6
Аль-Кадири М. Стихи. Пер. Гинцбург С. №1
Ахмед Э. Стихи для детей. №6
Ахундов И. Стихи для детей. №6
Ахундова Т. Стихи. №3
Багирова Л. Стихи. №9-10
Бирюкова С. Стихи. №1
Булич А. Стихи. №3
Варзагер С. Стихи. №9-10
Вольтская Т. Стихи. №7
Гахраман И. Стихи. Пер. Талыбовой А. №6
Грекова В. Стихи. №6
Губерман Б. Стихи. №4
Гусейнов Н. Стихи. №5
Дадашидзе Д. Стихи. №12
Евса И. Стихи. №4
Из поэтического альманаха «Норд». (Баку,1926). Стихи. №4
Кадникова Т. Стихи. №8
Капуловская Марина. Стихи для детей. №12
Мамедзаде С. Избранное. Стихи. № 9-10
Михайлик Ю. Стихи. №11
Мурсагулов Ф. Стихи. Пер. Шафиева М. №9-10
Надир Н. Стихи. №4
Низами. Касыды. Пер. Слуцкого В. №11
Нурангиз Гюн. Стихи. №12
Озёрный Б. Азербайджанские мотивы №12
Плавник А. Стихи. №5
Родионов А. Стихи. №2**;** Стихи для детей. №6
Садых И. Стихи. Пер. Талыбовой А. №11
Талыбова А. Стихи. №1, 8
Тасалова И. Переводы из испанской поэзии. №3
Фидлер Ю. Стихи. №5
Хагвердиев У. Стихи. №2
Хамидуллина В. Стихи и переводы. №3
Шафиев М. Пародии. №5; Рубаи. №8
Шебанец М. Стихи. №5
Эфенди А. Стихи. №5

ПУБЛИЦИСТИКА

Абдуллабекова Г. Милан Кундера и его романы. №4; Восток в литературных памятниках Европы. №6
Агамамедова Г. Посредник. №2; Исторический реваншизм. Информационный туман. Превосходство. Градус ненависти. №5; Критическое мышление. №9-10
Азер А. Впечатления от И.С. Баха. №1
Алиева Е. Картинки из памяти. №8
Анар. Интервью. №3
Ахмедова У. Хранитель наследия. №8
Ахундова-Дадашзаде З. Блистательная, царственная, неповторимая. (Вспоминая Фариду Халилову). №9-10
Багирзаде Б. Каспаров и пустота. №8
Верховский М. Биробиджан не край земли. Эссе. №1; Долгое ожидание. №5; Русские композиторы и еврейские мелодии. №6; Сказание о танкисте. №11
Гамзаев. М. «О библейском» Арарате, сталинской «дружбе народов» и их отражении в литовской литературе. №1
Гочаг К. Словотворец с именем Октай Шамиль. Пер. Мамедова Н. №8
Гросс М. Этюды. №5
Дадашева Н. Неутомимый исследователь, педагог, просветитель. №1
Джафаров Т. Вопросы рецепции и трансформации русской классической литературы в Азербайджане в постсоветское время. №2
Джафаров Н. Ислам Садых или арена словесного героизма. Пер. Мамедова Н. №11
Касымов Я. Советский ренессанс и шестидесятники. №9-10
Магеррамли З. О романе Вюсала Нуру «Гарагашлы». Пер. Рустамзаде П. №5
Мамедов А. Полет в вечность. №11
Мамедов Н. Яркая личность в истории азербайджанской философии. Когда музы не молчат. №3; Жизнь, отданная людям. №6
Манафов Ш. Прогулка по Еревану. №2; Человек наблюдающий: прогулка по Карабаху. №8; Об истоках феномена бакинского КВН. №9-10
Меликов И. «Кто при жизни рая не обрел, И после смерти вхож туда не будет». №2
Меликли Т. Штрихи к портрету Анара. №3
Мовсум Р. Прогноз оказался правильным. Пер. Саадет Султан. №8
Озёрная И. Сона ханум **–** это я. №12
Орудж М. История ожидаемого расставания. №9-10
Рагимов Н., Манафов Ш. Жизнь, посвященная науке. №4
Родоначальник нового жанра в отечественной литературе. №6
Семяшкин Р. Памяти Кара Караева. №4
Слуцкий В. К переводу касыд Низами. №11
Тагисой Н. Несколько слов о мистических мотивах в азербайджанской литературе. №4
Талыбова А. Кто построил Баксовет? №6
Хакимов А. Дивлюсь я на небо та й думку гадаю… №4; Анаконда для Энцелада. №12
Шафиев М. Краткая история русскоязычной бакинской поэзии. №2; Два эссе. №8; «Нет, он прежний, мой жизненный почерк». №12
Шепелев Д. Лавкрафт, Кафка, Майринк. Сравнительное жизнеописание. №7
Эркко Р. Женская поэзия страны ветров. №8
Юсифли В. Солнце азербайджанской поэзии. №12